

Милена Лакузье

НЕБЕСНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ЛЮБВИ

Радужный
мост

книга первая

кинороман

Милена Лакузье

**Небесный замысел любви.
Книга первая. Радужный мост**

«Издательские решения»

Лакузье М.

Небесный замысел любви. Книга первая. Радужный мост /
М. Лакузье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904107-4

Трилогия «Небесный замысел любви» — это необыкновенная история любви, похожая волшебным содержанием своим на сказку, задуманную самими Небесами. Возможно, вы — читатель, криво улыбнетесь? Подождите, прочтите до конца трилогию, согласитесь сами. «Необыкновенную» и «задуманную самими Небесами» — это не высокопарные слова, а реальная история любви, изложенная без прикрас, по дневникам героини. Прочитав эту историю, задумаетесь о том, так есть Судьба у человека?

ISBN 978-5-44-904107-4

© Лакузье М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вступление	8
«Радужный мост»	9
Пролог	10
Глава 1. Встречи	11
Глава 2. Мила	26
Глава 3. Знакомство	35
Глава 4. Виктор	44
Глава 5. Долгожданная встреча	58
Глава 6. Она и они	70
Глава 7. Неожиданные встречи	86
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Небесный замысел любви

Книга первая. Радужный мост

Милена Лакузье

© Милена Лакузье, 2018

ISBN 978-5-4490-4107-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Любовь тебя возвысит, любовь тебя раздавит. Зависть, сплетни, клевета тебя будут преследовать всю жизнь...» – это предсказали героине в 17 лет. А еще, ее отцу в те же 17 лет предсказали, что у него будет четыре дочки и у младшей будет необычная судьба. Все предсказания сбылись.

Сюжет трилогии «НЕБЕСНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ЛЮБВИ» о необычной истории любви. Основан на реальных событиях, происходивших с 1970 по 2018 год. В центре сюжета судьба девушки Милы. Роман о жизни, первой любви, прошедшей красной нитью через ее судьбу, драме, взлетах и падениях, и таинствах Небес, происходивших в ее необычной судьбе.

«РАДУЖНЫЙ МОСТ» — первая часть трилогии. Действие происходит в Подмосковном поселке, в Москве, 1970 – 1972 год.

Любовь – небесный дар. Дар не ищут, он пришел сам во снах к герою.

«ГРАНТИМИЛА» – вторая часть. Действие происходит на Кавказе – в Баку, Северной Осетии, Москве и Подмосковье, 1972—73 год.

«Любовь бездумье мудрое. Оно и сладости, и горечи полно».

О любви и дружбе, взаимоотношениях друзей – юмор, музыка, песни, влюбленных и таинствах, происходивших в их жизни и драме, предсказанной во снах герою.

«ФАНТОМ ЛЮБВИ» – третья, заключительная часть, трилогии «Небесный замысел любви».

«Судьба – стекло: блестя, разбивается. Сердце выбирает кого любить, а судьба с кем быть». О дальнейшей судьбе героини, о предсказаниях, которые ей приходили на протяжении всей ее жизни и сбывались во всем.

От автора

Так много написано книг за тысячелетия разумной жизни на земле и что нового я могу сказать своей книгой? Тем более я не писатель и у меня нет амбиций стать им или просто писать.

– Тогда зачем я написала книгу? – Я выполнила свой долг.

– Долг? Перед кем? – Если я отвечу сразу, то, возможно, некоторые люди покрутят пальцем у виска, как брат героя, через много лет, узнавший историю своего старшего брата. Другие задумаются, третьи скажут: «Интересно, в жизни много есть чудес и людям еще многое неизвестно о процессе жизни и об устройстве мироздания».

Вот к этим людям – ко второй и третьей части книжной аудитории, я и обращаюсь своим повествованием.

– О чем книга? – О существовании непознанного в жизни.

– Фантастика? – Нет. – Фэнтези? – Нет.

– Любовный роман? – Нет.

– Тогда, о чем эта книга? – Рассказ о любви и об удивительной истории жизни или о необыкновенной судьбе.

– И в чем необыкновенность этой судьбы? – Разве можно в двух словах рассказать судьбу, да еще необыкновенную?

– А почему кинороман? – Потому что кинороман – это царство глаголов, действий и диалогов героев, там мало места для описаний мыслей героев и различных размышлений. А поскольку я не писатель, а всего лишь рассказчик этой необыкновенной судьбы и всего происходящего в этой истории, то определение жанра, как кинороман, более всего подходит к этому повествованию.

– О существовании непознанного в жизни? Так это Фэнтези.

– Нет. Это **реальная история жизни**, воспроизведенная по дневникам героини повествования, в ней нет совсем вымысла.

«Одна из гипотез современной физики гласит, что во Вселенной каждое мгновение реализуются все возможные варианты событий, но для нашего мира воплощается только одно событие. Из таких мгновений создается линейная последовательность событий. И сознание наблюдателя позволяет порой выйти за пределы сознательного мира и видеть события в невидимом мире, – как говорил писатель А. Нефедов. – Самая распространенная болезнь современного человека – это застенчивость картины мира».

Это не познается разумом, но это происходит в жизни избранных людей. Как же ЭТО объяснить? Пожалуй, я не смогу. Впрочем, это не моя задача – это задача учёных мира сего. А моя задача рассказать, что сознание героини этого повествования видело за пределами сознательного мира и не раз... Мой долг рассказать о существовании непознанного, что действительно происходило в жизни человека.

«Есть вещи, которые мы не можем знать, поэтому и невозможно узнать, что это за вещи». Важен уровень понимания, а не то, какими словами назвать необъяснимое существование неизведанного, встречающегося в жизни.

Все, о чем рассказывается в книге – это реальные события в жизни, в ней нет ничего придуманного, да и зачем было придумывать? Герои книги давно, еще в начале 70—х годов, назвали свою историю любви *«Небесный замысел любви»*, по тем событиям в их жизни, которые с ними происходили.

Небеса послали двум героям чувство, о котором люди столетиями мечтали и мечтают, которое воспевали и воспевают поэты, о котором писали и пишут писатели.

Начало этой истории было необыкновенно, конец ее был предугадан, продолжение истории было фантастично и появление этой книги было навеяно необъяснимым... через 45 лет. Их история любви продолжалась нереально в реальном мире.

Книга писалась в свободной форме, писалась, как писалось и как думалось героине, без особого выстраивания сюжета или чего-либо, вспоминая все, до мельчайших подробностей. Героиня была уже в пожилом возрасте, как будто кто-то открыл шлюз ее памяти, их жизнь ложилась на бумагу четко, ясно, без выдумок и домыслов, все, как было, как выдавала ее память. Но память ей открыла не все, наверное, берегла ее психику, потому что, то, что она пережила – это было, как сдирание кожи с живого человека, это было для нее очень больно, и поэтому, как она ни старалась, отдельные моменты она не могла вспомнить и тогда она обратилась к брату героя, которого не видела и не слышала много лет... И это тоже было удивительно и необычно. Но брат категорично отверг ее, не веря ничему, что она рассказала ему, чем принес ей душевную боль. Ведь она рассказала ему ПРАВДУ, но он ей не поверил...

И вот настало время получится этой книге, состоящей из трех частей, охватывающей эту историю любви с 1970 по 2018 год. Я выполняю свой долг, несу **крохотную ВЕСТЬ** о существовании в жизни непознанного, о необычности мироздания, о влиянии непознанного на жизнь человека на протяжении не одного десятка лет.

Вступление

Человечество многие века задает вопросы:

– Есть ли СУДЬБА у человека?

– Нет судьбы! Нет судьбы кроме той, которую мы сами строим своими поступками, – так утверждают многие.

В начале жизненного пути с этим утверждением я была согласна.

Через 18 лет жизни я начала задавать вопросы: «Так ли это? Вершат ли люди сами свои судьбы?»

В конце жизненного пути, я отвечаю: «Это не так! Есть избранные, у которых есть судьба – предначертанность или предопределённость их жизненного пути. Их судьба предрешена, и они не в силах изменить эту предначертанность, какие бы усилия они не предпринимали в течении жизни...»

Как много умных мыслей о судьбе на протяжении веков разумной жизни говорили мыслители, философы, писатели, поэты, просто люди: «Нет никакой судьбы!»

«Судьба – это сам человек, его характер». – «Всякий человек есть творец своей судьбы». «Судьба – стекло: блестя, разбивается». – «Человека создает судьба, а не он ее»

Противоположность мнений на протяжении веков. Так кто прав? Так и неизвестно. Итог таков. Судьба – вещь загадочная и разумом не постижима на протяжении веков.

И все же веками люди повторяли и в современном мире часто говорят задумчиво: «Что поделаешь – судьба. Такая вот судьба у человека, от судьбы не убежишь».

Судьба! И что это такое? А это предопределенность всех событий в жизни человека.

«Предопределённость? – усмехнетесь Вы, – тогда, скажите кто правит судьбами людей, кто содержанием жизни судьбы наполняет и все заранее в них предопределяет?

И как же все это происходит?» – На то мне нет ответа, а, впрочем, как до сих пор и вам.

Почему так? Нам не дано ЕЩЕ всего знать, чтобы точно ответить на этот вопрос...

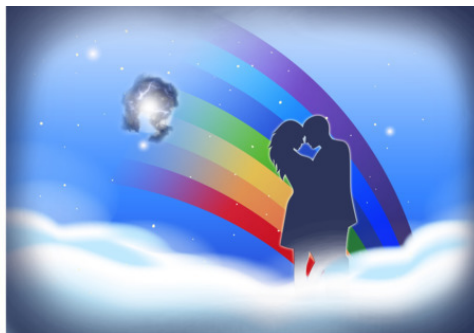
Не понятно? **Тогда прочтите эту книгу, основанную на реальных событиях.**

И еще вопрос: Что такое ЛЮБОВЬ?

Столетиями человечество отвечает на этот вопрос. И не может точно дать этому определение...

Вот еще одна не обычная история, не похожая ни на какую – либо, из уже рассказанных за многие столетия, историй о любви...

Итак, читаем начало этой необыкновенной истории любви, а потом можно будет и рассуждать...

«Радужный мост» часть первая

*Посвящается Гранту Вишневскому,
человеку моей судьбы.*

Нет у любви бесследно сгинуть права,
Она приходит, чтобы жить навек.
Низами Гянджеви.

Пролог

Предсказание. Москва. 1970 год.

В Москве, в метро, в вагон вошли четыре молодые смеющиеся девушки – Мила, Таня, Ирина, Надя. Девушки пробрались в середину вагона и встали напротив сидений. В вагоне было много народу, освободилось одно место напротив Милы, она присела на сиденье. На Курской из вагона вышло много людей, рядом с Милой освободилось одно место, в других местах тоже появились свободные места, но девушки, смеясь, начали толкаться между собой за место рядом с Милой. Девушкой среднего роста, приятной внешности, с копной густых темно-каштановых, почти до пояса, волос. Большие карие глаза с длинными ресницами по краям, маленькая родинка над верхней губой с левой стороны, длинная, на бок челка, небольшой румянец ее естественного лица делали ее симпатичной девушкой. Парни на нее заглядывались.

Победила Таня, худенькая не большого роста девушка, с большими, грустными, карими глазами и прямыми, как солома, волосами. Остальные девушки не сели на освободившиеся места, остались стоять рядом с ними.

Напротив, сидела черноволосая пожилая женщина с черными, как смоль, глазами, внимательно смотрела на Милу. Увидев спор между девушками, женщина улыбнулась, прищурив глаза, продолжала внимательно смотреть на Милу.

Проехав несколько остановок, девушки, тихо болтая, подошли к двери, готовясь к выходу. Мила продолжала сидеть, задумавшись.

Женщина быстро пересела на освободившееся рядом с Милой место, посмотрела на нее: «Так будет всегда...»

Мила взглянула на женщину: «Простите, вы мне?»

– За тебя всегда будут бороться, будут все любить...

– Кто? – удивилась Мила.

– Все. Мужчины, женщины... у тебя будет яркая жизнь, ты будешь всю жизнь любима, но зависть породит клевету ... – звук встречного вагона заглушил голос женщины.

Мила нахмурилась, нагнулась к женщине: «Не поняла, что?»

Вагон остановился. Они обе встали.

Женщина внимательно посмотрела ей в глаза: «Любовь тебя возвысит. Любовь тебя раздавит, и ты будешь...» – женщина наклонилась к ней и закончила... прошептав ей на ухо.

– Что? – нахмурилась Мила.

– Это твоя судьба, такой тебе предначертан путь, – женщина внимательно смотрела на Милу.

– Предначертан? – усмехнулась Мила. – Кем? – сузив глаза, посмотрела в глаза женщине. – Извините, я не верю никаким предсказаниям... чушь все это, – вновь усмехнулась и быстро вышла из вагона.

Дверь вагона закрылась. Женщина и Мила внимательно смотрели друг на друга прищуренными глазами.

Глава 1. Встречи

По улице подмосковного поселка ТЭЦ-22 мчались пятеро мотоциклистов. Впереди, мотоциклист в красном шлеме, на Харлее, за ним мотоциклист в желтом шлеме, на Харлее, трое в черных шлемах, на мотоциклах «Ява», подъехали к общежитию, завернули за угол здания. Стоявшие около общежития девушки, увидев мотоциклистов, пошли за ними. Две женщины оглянулись на рев мотоциклов.

– Вот сумасшедшие, гоняют и ведь не боятся себе башку свернуть, – женщина посмотрела вслед мотоциклистам.

– И не говори. Куда их матери смотрят? – вздохнула ее собеседница, уставшая пожилая женщина.

– Да какие матери? Это же кавказцы, в общежитии живут, их матери небось ничего и не знают.

– А-а, так это они, нашим девкам головы кружат. Моя Женька рассказывала про них, что культурные такие, симпатичные все.

– Да, на станции молодые бабы про них тоже шепчутся. А твоя-то Женька откуда их знает, вроде домашняя девочка.

– Да на танцах, в кино, на гонках мотоциклистов, поселок-то маленький, а девчонкам они нравятся, – улыбнулась женщина.

– Нравятся, вишь ли, своих штось парней мало. Они учебу в институте закончат, да уедут к себе на Кавказ и останутся наши девки... сама знаешь с чем.

– Ой, не дай Бог. Женька говорила, что они вроде ни с кем из девчонок не встречаются. А твой-то Колька все гоняет на мотоцикле?

Собеседница тяжело вздохнула: «Даже говорить не хочу, как больной, все хочет призовое место занять, а никак не получается. Кавказцы все время побеждают. Наши парни на них уже зубы точат».

Женщина улыбнулась: «Надо же, какие! Неужели все время побеждают?»

– Ну да, как я знаю, – женщина оглянулась и посмотрела на девушек. – Смотри, а девчонки их увидели и сразу за ними пошли, ох, шалавы.

– Да ладно тебе, дело молодое. Пошли уж по домам.

– Пошли, до свидания тебе.

– И тебе до свидания.

Мотоциклисты подъехали к подъезду общежития. Один из мотоциклистов, в черном шлеме, просигналил, все остановились.

Мотоциклист в красном шлеме снял шлем. Серо-голубые глаза, четко очерченные губы сжаты, на подбородке не глубокая ямочка, под нижней губой родинка, светло-русые волосы короткой стрижки. Про такое лицо говорят – симпатичное, мужская харизма – обаятельный мужчина, это ГРАНТ.

БОРИС, мотоциклист в желтом шлеме, встал. Высокий, стройный 25-ти летний азербайджанец, осмотрелся, увидев в стороне троих девочек, посмотрел на Гранта: «Гриша, смотри, уже поздно, а Маша еще на улице».

Грант оглянулся, нахмурился и тут же к нему подбежала МАША, девочка лет десяти.

– Дядя Гриша, ты проверишь у меня уроки? Мама во вторую смену сегодня работает.

– А почему ты еще гуляешь? Ты разве не знаешь свое время?

– Я зашла к тебе, никого не было. Я и вышла тебя подождать, не могу же я спать с не проверенными уроками.

Борис округлил большие черные глаза, улыбнулся: «Надо же какая ответственная девочка».

Грант слегка улыбнулся: «Давай быстро беги домой, уже десять часов».

Маша посмотрела на Гранта: «Я быстро сейчас приду к тебе, ты проверь мне уроки, и я спать буду тогда ложиться», – подбежала к подружкам, забрала у них прыгалки.

Подружка нахмурилась: «Маш, ну еще давай немножко попрыгаем».

– Дядя Гриша сказал, что уже десять часов, надо ложиться спать, а то мама ругаться будет.

Подружка посмотрела на Машу, прищурилась: «А дядя Гриша, он тебе кто?» – с хитрецей спросила девочка.

– Он мой... – Маша задумалась, – как бы папа.

Подружка скорчила гримасу: «Такой молодой?»

– Да. Мама тоже у меня молодая, – Маша весело улыбнулась.

Вторая подружка, молчавшая до сих пор, удивленно посмотрела на Машу: «А тогда почему ты его называешь дядя Гриша, а не папа?»

Маша вздохнула: «Потому что они еще с мамой не вышли замуж... ну, свадьбу, когда сыграют, тогда я его буду звать папа. Я его люблю».

Подружка посмотрела на Машу, грустно произнесла: «А у меня совсем нет папы».

– А у меня разные дяди, – вздохнула девочка, – к маме приходят и все зовут меня дочкой, а я никого папой не зову, мне не надо, – беспечно добавила вторая подружка.

– Ну и ладно. Машка, иди, а мы еще попрыгаем, нам можно.

Девочки продолжили прыгать в прыгалки. А Маша побежала в подъезд общежития.

К Гранту подошли два мотоциклиста в черных шлемах, черноволосые джигиты. Один из них высокий, стройный, черноглазый грузин, ТИГРАН.

ВАЧИК, так звали четвертого парня, невысокого роста, стройный, крепкого телосложения, лет 30-ти, правильные черты лица человека кавказской национальности, делали его лицо по истине красивым, представитель грузинского народа.

ГАРИК, высокий, симпатичный армянин, 25-ти лет, худощавый, с усиками, с не большой щетиной, посмотрев на друзей, крикнул: «Чего остановились? Мы, что в гараж не едем?»

Грант крикнул в ответ: «Едем».

Вачик посмотрел на Гранта: «Я-то чего остановился, хотел уточнить, у нас к ужину все есть?»

– Кто сегодня дежурный по кухне?

Тигран посмотрел на Гранта: «Мы с Гариком. Все есть, хлеба правда маловато, но на ужин хватит, а завтра вы с Борей купите свежий».

– Тогда едем в гараж, – Грант натянул свой красный шлем.

– Хорошо, тогда в гараж, – улыбнулся Вачик.

Грант поехал первый, за ним поехали все остальные друзья. Девушки, перешептываясь между собой, смотрели парням вслед.

В комнате парней, в общежитии поселка, стояли три кровати, три тумбочки, шкаф, сбоку на шкафу висели вешалки с черными костюмами и белыми рубашками. Посередине комнаты стоял прямоугольный большой стол. На столе лежали книги, тетради, в рулонах чертежи. Вачик с Борисом у окна тихо разговаривали.

Маша, облокотившись на стол, внимательно смотрела на Гранта, проверявшего ее уроки.

– Все правильно решила, зря беспокоилась. Все, забирай свои тетради и беги домой, пора укладываться на бочок.

Маша улыбнулась: «Какая я молодец, правда?»

– Правда. Старайся и все будет хорошо в жизни.

– Я стараюсь.

В комнату без стука вошла красивая стройная блондинка, молодая женщина Нелли: «Добрый вечер, ребята».

– Привет, – тихо ответил Грант и слегка улыбнулся.

– О, Неля, привет, – весело отозвался Вачик.

Борис улыбнулся, посмотрев на женщину: «Привет».

Маша, увидев мать, изменилась в лице: «Мама пришла. А мне вот дядя Гриша все уроки проверил и сказал, что я все правильно сделала и что я молодец».

– Молодец, Машенька. Гриша, спасибо тебе.

Грант встал, пожав плечами, посмотрел на Нелли: «Уже поздно, Маше пора спать».

– Да, конечно. Маша, пошли, уже поздно.

Маша, собрав свои тетради, подбежала к парням: «До свидания, дядя Боря, дядя Валера, до свидания».

– Сегодня придешь? – тихо произнесла Нелли, смотря на Гранта.

Грант, слегка улыбаясь плотно сжатыми губами, утвердительно кивнул головой. Нелли, довольная, улыбнулась.

Маша подбежала к Гранту: «Дядя Гриша, до свидания. Ты завтра к нам придешь?»

– Завтра я учусь. Беги, Маша, уже поздно.

Нелли, улыбаясь, посмотрела на парней, все так же стоявших у окна: «Ребята, до свидания. Маша, пошли», – взяв дочь за руку, довольная, вышла из комнаты.

– До свидания, – дружно отозвались Вачик и Борис.

– Все, садимся ужинать, желудок уже сводит, – Вачик весело взглянул на друзей.

Борис нахмурился: «Куда провалились Гарик с Тиграном?»

– Да анекдоты небось на кухне травят, – улыбнулся Вачик.

Борис, улыбаясь, подошел к Гранту, толкнул друга в плечо.

Грант, увидев улыбающийся взгляд друга, только и ответил: «Пошли. Есть хочется».

– Мне тоже, – засмеялся Борис.

Небольшой зеленый парк, посередине фонтан, вокруг которого полукругом были расположены лавочки, за лавочками подстриженные кустарники и деревья. В единственном небольшом парке поселка, месте сбора местной молодежи, все лавочки были заняты, в парке в основном сидела молодежь. Молодежь в поселке часто засиживалась в парке за полночь, болтали, обсуждая события и жизнь в поселке, курили, пили пиво и портвейн, и пели много песен под гитары.

«В далеком Риме огни горят, в далеком Риме все люди спят. Там много женщин, там пьют вино, любовь там продана и пропита давно. Один мальчишка в углу сидит, его девчонка с другим кутит. Она кокетлива, ко всем приветлива и на мальчишку, на мальчишку не глядит...»

А напротив парка, в общежитии, парни-кавказцы, после трудового дня и учебы в вечернем институте, уже спали.

Борис и Гарик безмятежно спали на своих кроватях.

А Грант спал беспокойно, мимика на лице менялась, веки чуть подрагивались, послышался его шепот: «Где ты... Появись»...

Грант открыл глаза, сильно зажмурился, присел на кровати, как будто не понимая чего-то, потерев лоб, встал, подошел к окну и задумчиво посмотрел в окно, через открытую форточку слышалась дворовая песня под гитару. Постояв немного, он включил бра над кроватью, взял с книжной полки тетрадь, в тетради лежал карандаш, сел на кровать и начал рисовать... время от времени, задумчиво прищуривая глаза и вспоминая что-то. Нарисовав в тетради, улыбнулся, закрыл ее и убрал на полку, выключил бра, лег, улыбаясь, натянул на себя одеяло и закрыл глаза.

По Дзержинскому шоссе в Подмоскowie, из Люберец с веселыми криками мчались пятеро молодых мотоциклистов. Первый мотоциклист в красном шлеме, Грант, лихо лавировал, обгоняя машины. Остальные мотоциклисты мчались осторожнее, подъехали к перекрестку. Светофор – красный свет, остановились. Светофор – зеленый свет. Грант быстро рванул с места и помчался в сторону поселка имени Дзержинского. Мотоциклисты, отставая, мчались за ним. Вскоре они выехали на главную площадь поселка.

Борис, ехавший за Грантом, посмотрев в сторону, остановился. Гарик, ехавший за ним, так же остановился, посмотрел в ту же сторону, где дрались двое подростков. Вачик и Тигран, обогнали остановившихся двух товарищей, догнали Гранта. Трое мотоциклистов остановились около продуктового магазина. Грант снял шлем, поправил аккуратно подстриженные волосы, зачесав их рукой назад, глаза были сердиты, брови нахмурены, скривил губы, оглянулся назад.

К нему подошли Вачик и Тигран. Все парни были аккуратно одеты: черные брюки, белые рубашки, ветровки. Парни, улыбнувшись белозубыми улыбками, весело обратились к Гранту.

– Ну, что мы в магазин? – спросил Вачик.

– А где ребята? – нахмурился Грант.

– Отстали на светофоре, – добавил Тигран.

– Да не волнуйся. Борис, наверняка, засмотрелся на симпатичную девушку, – весело добавил Вачик.

– Где он только их видит, один ветер в голове, совсем об учебе не думает, еле зачет сдал, – проворчал Грант.

– Ну все-таки сдал! Это главное, – продолжал защищать друга Вачик. – Ладно, мы пошли. Будь на страже наших мустангов.

Парни быстро скрылись за дверями продуктового магазина.

Борис, засмотревшись на драку подростков, не выдержал, встал. Не снимая шлема, подбежал к ним, быстро разнял мальчишек, дав под зад пинка обоим, развел их в разные стороны. Мальчишки увидели высокого парня в желтом шлеме, опешили, выпучив глаза. Один из них, морщась потер место, по которому получил только что пинка. Другой, поменьше ростом, плотного телосложения, вытер рукой под носом.

Борис что-то быстро сказал мальчишкам. Те, как замороженные, смотрели на парня в желтом шлеме. Постояв немного, мальчишки подошли и пожали друг другу руки. Борис одобритительно похлопал мальчишек по плечам, улыбнулся и побежал к своему Харлею. Мальчишки с восторгом смотрели на мотоциклистов, переглянувшись, вытерли носы, подбежали поближе к мотоциклистам и с восторгом стали рассматривать Харлей. Борис оглянулся на Гарика, сидевшего на «Яве», что-то ему сказал, тот одобритительно кивнув головой, завел мотоцикл. Борис улыбнулся и махнул рукой, указал на мотоциклы. Мальчишки рванули с места и быстро водрузились к ним на задние сидения. Тот, что повыше – к Борису, а плотненький с разбитым носом, на мотоцикл «Ява», к Гарику. Мотоциклисты рванули с мальчишками в поселок, сделав два круга между домов, высадили довольных драчунов, пожав на прощание им руки, и поехали догонять своих товарищей. А довольные мальчишки, постояв немного, посмотрели им вслед, радостные побежали своей дорогой, делясь своими впечатлениями.

Борис и Гарик подъезжали к музыкальной школе поселка, дорогу медленно переходила кошка, остановилась и посмотрела на Бориса, потом продолжила также медленно переходить улицу. Смелая, невозмутимая кошка. Борис, подъехав к большой луже, резко притормозил, не рассчитав расстояние, остановился прямо в луже. Море брызг разлетелось в разные стороны, обрызгав с ног до головы девочку, лет восьми, стоявшую на краю тротуара.

Девочка испугалась от столь неожиданного холодного грязного душа, посмотрела на свою мокрую одежду и громко заплакала. Ладонкой начала очищать мокрую одежду и выронила,

державшую в руках большую папку с нотами. Папка упала в большую лужу. Увидев это, девочка ещё громче зарыдала.

Борис снял шлем, посмотрел удивленно на девочку, обернулся к другу: «Гарик, я, кажется, обидел ребенка, что делать?»

Гарик посмотрел на девочку: «Да-а-а, ситуация... Ну и влетит же ей от родителей».

Мимо проходила Мила. Брюки, футболка в крупную разноцветную полоску, серая куртка, распущенные по плечам густые волосы, туфли на невысоком каблуке, в руках легкая сумка с книгами. Увидев громко плачущую девочку, прищутив глаза, она слегка нахмурилась, быстро оценила всю ситуацию, подбежала к девочке, обняв ее, начала успокаивать: «Ну не плачь, не плачь, ничего страшного не произошло».

– Меня мама убьет, – сквозь слезы прошептала девочка.

– Как убьет? – удивилась Мила.

– Ругать сильно будет, – сердито выкрикнула девочка, – вон какая я... и еще все ноты грязные, гулять теперь не пустит, накажет, – девочка опять заплакала.

Мила встала, аккуратно достала из лужи мокрый сборник нот.

– Да-а, есть за что ругать, – медленно произнесла она.

Посмотрев на обложку сборника, Мила посмотрела на плачущую девочку, медленно полистала сборник нот, половина листов были мокрые и грязные.

На противоположной стороне, впереди, из магазина, с сумками в руках вышла молодая женщина. Оглядевшись по сторонам, она увидела плачущую дочь, рядом двух мотоциклистов и наклонившуюся над дочкой девушку, мать громко закричала: «Боже мой, Вика, Викочка, доченька, что, что случилось?» – побежала через улицу к девочке.

Мотоциклисты, дав задний ход, подъехали к девочке. Увидев Милу, Борис удивленно вскинул вверх красивые брови, повернулся к Гарику, весело присвистнул, сошел с мотоцикла, подошел к девочке и Миле: «Девушка, эта ваша дочка?» – улыбнулся.

– Очень умно! – сердито огрызнулась Мила.

– Вот этот дядя меня обрызгал, – всхлипнула девочка, – и испортил мои ноты, – пальцем показала на Бориса.

– Извини меня, я не нарочно... извини, пожалуйста, – с легким кавказским акцентом обратился Борис к девочке, – но ведь ты не пострадала, только испугалась, а обрызгал тебя не я, а лужа, все высохнет.

– Пострадала и очень даже пострадала, – Мила протянула Борису испорченный сборник нот.

– Ну уж, я-то здесь при чем? Она сама все уронила, – воскликнул Борис.

В это время мать девочки подбежала с сумками к дочери, поставила сумки на тротуар, окинула взглядом всех присутствующих – промокшую дочь, девушку, державшую мокрые ноты, молодого кавказца, мотоциклиста, начала кричать, причитая: «Хулиганы, чуть не убили ребенка... милиция, милиция... помогите, хулиганье кругом...» – кричала мать девочки.

– Мы не хулиганы. Я нечаянно, извините, не надо так кричать, – обратился к ней Борис.

– Хулиганы... ездить не умеешь, не садись за машину, – кричала мать, – ребенка сбил своим мотоциклом, одежду испортил, ноты испортил и еще говоришь, что не хулиганы? Бесстыжий ты!

Грант на крик оглянулся, увидел друзей, внимательно присмотрелся, его глаза вначале расширились, потом сузились... на лице появилось выражение удивления... стал наблюдать за происходящим.

Несколько прохожих остановились на крик женщины, стали наблюдать происходящую сцену.

– Что здесь случилось? – спросили две подошедшие женщины.

– Да вот... девочку кажется сбили мотоциклисты, не пойму пока, – пробормотал мужчина, подошедший, с другой стороны.

– С ума сойти, какой ужас! Хулиганье, где милиция-я-я, —воскликнула одна из женщин.

– Хорошо, хоть жива осталась, – подхватила вторая женщина.

– Да какое хорошо, Маша, смотри, ребёнок бедный, весь дрожит... понаехали тут... у себя бы в горах носились и своих детей сбивали, – не унималась женщина.

– Да уж, гоняют, как сумасшедшие, ничего не видят вокруг себя, – поддержала приятельницу женщина Маша.

– Так что, он правда штоль ребенка сбил? – спросил мужчина крикливую женщину.

– Ну, да, зовите, зовите милицию... – не унималась она.

Мила в это время привела «в порядок» девочку – вытерла носовым платком лицо, руки, отряхнула мокрую одежду, собрала рассыпанные сборники нот. Мать девочки продолжала охать и ахать вместе с женщинами, повторяя одно и то же, ни в чем не помогая дочери. Вика тихо разговаривала с Милой, которая присев перед ней на корточки, тихо ее успокаивала.

– Ну, все, успокоилась? Мы с тобой договорились? Завтра я тебе точно такой же сборник принесу, чистый, у меня точно такой же есть, – тихо говорила Мила, – и мама не будет тебя ругать, а одежда после стирки станет прежней, ничего страшного с ней не произошло. И все будет хорошо.

– Договорились, – ответила Вика, – а когда мы с тобой встретимся?

– Встретимся завтра около музыкальной школы, в шесть вечера.

– Хорошо. Но вечером меня мама не отпустит.

– Я сейчас с мамой обо всем договорюсь, не переживай, – Мила встала, обратилась к матери девочки и начала тихо объяснять ей всю ситуацию.

В это время к собравшимся подошел милиционер со свистком во рту, к нему сразу кинулись несколько прохожих, объясняя наперебой, каждый по—своему, то, чего не было.

Милиционер громко свистнул в свисток: «Граждане, соблюдаем спокойствие. Во всем разберемся. Главное все живы, а в остальном разберемся, кто кого и на кого наехал и сбил», – быстро проговорил милиционер, ничего не понимая.

Осмотрелся вокруг, оценил ситуацию. Подошёл к Борису, попросил предъявить документы. Борис недоуменно протянул паспорт.

– Так это вы сбили девочку мотоциклом? – спросил милиционер, читая внимательно паспорт.

– Нет. Я никого не сбивал. Понимаете...

– Спокойно, во всем разберемся, – перебил Бориса милиционер, – советская милиция всегда во всем разбирается, – забрал паспорт. Подошел к Гарику. – Ваши документы, молодой человек.

Гарик молча протянул паспорт. Посмотрев паспорт, милиционер также забрал его, обернулся к собравшейся небольшой толпе: «Граждане! Все успокоились и разошлись. Прошу разойтись. Все в порядке. Во всем разберемся, – попытался успокоить людей милиционер. Затем обратился к парням. – А вас, молодые джигиты, прошу со мной пройти... – козырнул, быстро коснувшись рукой фуражки, посмотрел на мотоциклы и уточнил, – проехать в отделение милиции до выяснения случившихся обстоятельств».

– За что?? – в один голос вскрикнули парни.

– За хулиганство! Вы слышали, каковы, а? Они еще спрашивают за что, – опять включилась кричать крикливая женщина.

– Совсем совесть потеряли, ребенка сбили и еще возмущаются, – раздалось в толпе.

Грант, нахмурившись, издали продолжал наблюдать эту сцену.

Мила, договорившись обо всем с матерью Вики, а это было видно по лицу женщины, что она уже успокоилась, тихо переговаривалась с девочкой. Услышав крик парней «за что»,

она оглянулась, оценила всю ситуацию и подошла к милиционеру: «Товарищ милиционер, постойте, здесь произошло какое-то недоразумение. Эти парни ни в чем не виноваты вообще, они никого не сбивали», – быстро произнесла Мила.

– Как это не сбивали? Вон сколько свидетелей, – милиционер взглядом показал на прохожих.

– Да нет! Они никакие не свидетели, этих людей не было, никого не было, они подошли все потом, позже! – Мила обратилась к собравшимся людям. – Милые дамы, зачем же вы говорите то, чего не видели? И тем самым вводите доблестную милицию в заблуждение... а это карается законом, между прочим, – она вопросительно и решительно посмотрела на двух крикливых женщин.

Поднялся шум, все галдели, каждый говорил о своем, никто никого не слушал, в разборки вступили еще и парни, оправдываясь в том, что они никого не сбивали.

Мила смотрела в недоумении на происходящее. Подошла к Борису и решительно произнесла: «Вы, помолчите немного, все равно вас никто не слушает».

Мила подошла к милиционеру, взяв его под руку, отвела в сторону и спокойно начала ему объяснять все, как было. Затем позвала Вику. Девочка тоже объяснила все, как было, смотря на милиционера и жестикулируя в подтверждение руками. Все трое подошли к матери Вики, спокойно обсудили вопрос.

Милиционер повернулся к толпе и закричал: «Так, все замолчали! Замолчали, я сказал! И разошлись! Вы мне больше не нужны. Всем хорошего настроения, до свидания».

Крикливая женщина попыталась еще что-то вставить, но милиционер ее тут же оборвал: «До свидания, дамочка».

Милиционер повернулся и подошел к матери девочки.

Мила тут же обратилась к женщине: «Пожалуйста, скажите товарищу милиционеру, что вы не имеете никаких претензий к парням. Ноты, как я вам и обещала, принесу завтра. Не надо портить им жизнь, тем более они действительно ни в чем не виноваты», – Мила мило улыбнулась.

Мать девочки хитро улыбнулась, взяла Милу за руку: «Милочка, мы обо всем с вами договорились. Я же все понимаю... дело молодое, – подмигнула Миле и обратилась к милиционеру. – Товарищ милиционер, я не имею никаких претензий к этим парням, ни я, ни моя дочка, правда. Отпустите их».

– Все? Точно? – нахмурился милиционер.

– Да-да, мы все выяснили и обо всем договорились. Мы пошли. Пойдем, ребенок, – обратилась она к дочери, взяла ее за руку, подхватила свои тяжелые сумки и пошла своей дорогой. Затем обернулась и крикнула, обращаясь к Миле, – до завтра, в шесть?

– Да. До свидания, – в ответ крикнула Мила.

Милиционер подошел к парням: «Ну джигиты, во всем разобрались. Благодарите свою спасительницу, вот эту красавицу, – посмотрел на Милу, отдал паспорт Гарику. – Не слышу слов благодарности», – возмущенно продолжил он.

Гарик, получив свой паспорт, улыбнулся милиционеру: – «Спасибо, – затем обернулся к Миле. – Спасибо, девушка. Вы нас очень и очень выручили».

Мила в ответ улыбнулась: «Прощайте! Свидимся ль еще? Кто знает?» – сделала красивый реверанс, опустив глаза, развернулась и быстро пошла вперед.

Гарик, улыбаясь, смотрел ей вслед.

Грант продолжал удивленно смотреть на друзей и девушку.

Милиционер отдал паспорт Борису: «Держи, джигит, и в следующий раз лужи объезжай, – засмеялся, – не слышу слов благодарности, чем-то не доволен?» – нахмурился.

– Нет, что вы, всем доволен, спасибо. До свидания, – быстро проговорил Борис, взяв свой паспорт.

Милиционер, отдав честь, пошел дальше по своему участку, оглядываясь по сторонам.

Борис потрепал свои волосы, немного ошарашенный, не веря, что их отпустили, повернулся к Гарику: «Уф, не верю, что все утихло. Прямо буря в стакане поднялась, с ума можно сойти», – потер растерянно лоб.

– Да уж! Я только не понял с чего они взяли, что девочку сбили? И если бы ее сбили, она бы лежала на дороге, она ведь даже с тротуара не сходила... И вообще она стояла одна на тротуаре. Откуда все эти женщины взялись, ведь никого не было рядом? Только девушка одна к ней подошла и помогла ей, – Гарик был в возбужденном состоянии.

– Так я и говорю, что целая буря в стакане поднялась из—за ничего, обрызгали девчонку и все! И чуть ли не преступники, даже забрать в милицию хотели. Обалдеть можно. А девушка симпатичная, такая хорошенькая, да? Гарик, как тебе?

– Согласен. Хорошенькая и порядочная. А еще очень добрая, слышал? Свои ноты девочке отдает, чтобы ее мать не ругала. Надо же.

Прохожие стали расходиться. Мужчина, проходя мимо Бориса, улыбаясь произнес: «Девушку благодари, она тебя отстояла», – показал на ушедшую вперед Милу.

Борис, очнувшись, поискал глазами Милу, которая ушла уже далеко вперед.

Быстро, надев шлем, сел на свой Харлей, дал газу. На ходу крикнул: «Девушка, девушка, подождите!»

Мила оглянулась, услышав окрик, она приостановилась, сделала вновь реверанс-приседание, помахала рукой «до свидания», пошла быстрее вперед. Подошел автобус.

Мила побежала и успела вскочить в него. Автобус уехал.

Мотоциклисты догнали Бориса, посигналив друг другу, парни посмотрели на Гранта, который протянув руку в сторону, подал им сигнал остановиться. А Борис рванул за автобусом. Автобус остановился на остановке. Борис, ехавший за автобусом, остановился, внимательно рассматривал выходивших из автобуса пассажиров. Увидев Милу, попытался объехать автобус, но встречный транспорт не давал ему такую возможность.

Автобус, приняв новых пассажиров, медленно тронулся с места. Мотоциклист, не получивший возможности объехать автобус, следовал за ним. Борис искал среди прохожих, идущих по тротуару, Милу, ее не было. На повороте он остановился, снял шлем, взъерошил черные, красивые волосы, поискал вокруг, покрутив головой в разные стороны. Не увидев нигде девушки, поднял голову вверх, закрыл глаза: «Черт, черт, черт! Невезуха», – тихо произнес он, натянул шлем, опять поискал по сторонам, развернулся и поехал к своему общежитию.

Из-за деревьев, из «Аптеки», вышла Мила с девушкой. Девушка была полной, не высокого роста, все лицо было усыпано веснушками, крохотными солнышками, что делало ее лицо, очень необычным и волосы ее были яркие, рыжего цвета. Девушки были очень контрастными по своему внешнему виду. Мила, смотря на девушку все время улыбалась, а девушка с восхищением смотрела на ее красивые длинные темно-каштановые волосы. Они остановились на углу перекрестка, где только, что стоял мотоциклист, немного постояли, разговаривая. Мила, прощаясь, помахала девушке рукой, пошла дальше вдоль улицы к своему дому. А девушка смотрела в спину Миле, подумала: «Почему у одних такие красивые густые волосы, а у меня, как у лисы хвост, рыжие, да еще и выются, и торчат как, на помеле, прутья. Эх, везет же некоторым... ну и ладно, а мне итак хорошо», – потом вздохнув, весело зашагала своей дорогой.

Борис подъехал к общежитию. У подъезда его поджидали трое мотоциклистов. Трое друзей – Вачик, Гарик, Тигран, весело его поприветствовали.

Вачик похлопал его по плечу: «Друг, ты куда испарился? – улыбнулся, – рванул за спасительницей? Гарик нам все рассказал... – Борис зло сверкнул глазами. – Тихо, тихо», – засмеялся Вачик.

– Да! Рванул! И не нашел! Не нашел! Как испарилась, черт, куда она делась, так и не понял. Вошла в автобус, вышла и испарилась. Представляешь Вачик? Ах, какая девушка, какие глазищи, а ресницы! Длиннющие такие... Увидел ее и прям ток пробежал, представляешь? Сам удивился, – взволнованно говорил Борис, смотря по сторонам, увидел Гранта, стоявшего в стороне и разговарившего с Нелей и Машей.

Маша, увидев Бориса, помахала ему рукой, обернулась, сказала что-то матери и присоединилась к девочкам, игравшим в «классики».

– Ах, Боря, Боря у тебя одни девушки на уме, – Вачик улыбался, – одной меньше... ты не расстроишься я думаю.

– Не угадал. Вачик, друг, я же тебе говорю, что во мне на этот раз что-то дрогнуло, понимаешь? – взволнованно ответил Борис, задумался, вспомнил: реверанс, улыбку девушки и медленно добавил, – она не такая как все, понимаешь?

– Неужели так зацепила?

– Да. Черт, чёрт! Куда же она делась! Я ее найду! – с азартом воскликнул Борис. Сойдя с мотоцикла, посмотрел на друзей, дружно смеявшихся.

Грант, смущенно улыбаясь, продолжал разговаривать с Нелли.

Гарик хитро посмотрел на Бориса: «Ребята, сегодня пятница, в ДК вечер танцев. Идем?»

– Идем, идем, конечно, идем, – Тигран подмигнул Гарику и обратился к Борису, – Боря, ведь на танцы пойдешь?

Борис поморщился, показывая этим свой отказ. Тигран и Гарик стали уговаривать друга: «Боря, ну пошли, ты чего? На тебя это совсем не похоже».

– Не-а, настроения чего-то нет, сегодня давайте без меня.

К уговорам друга присоединился Вачик: «Боря, на танцы приходит вся молодежь поселка, там обязательно встретишь свою спасительницу, вот увидишь, пошли».

– А что ж раньше я там ее не встретил?

– А сегодня она обязательно придет.

– Почему ты так уверен? – не сдавался Борис.

– А ты думаешь, что не произвел на нее впечатление? Наверняка ты ей понравился, и она захочет тебя увидеть. А где молодёжь встречается? В кино, на танцах, – продолжал убеждать друга Вачик.

Друзья воскликнули радостно: «Ну да! Вачик, ты молодец, зришь прямо в корень вопроса».

– На танцы приходят все девушки поселка, Анна мне говорила, – добавил Тигран.

Борис широко раскрыл глаза: «А может вы правы, я как-то об этом не подумал, – повернулся к Тиграну. – Тигран, спроси о ней у твоей Анны, может она ее знает?»

– Конечно.

Все парни дружно засмеялись, похлопывая друга по плечу.

К веселой компании подошел Грант: «По какому поводу веселье?» – сдержанно улыбнулся.

– Наш Боря, кажется, – улыбаясь, подмигнул Вачик друзьям, – нашел девушку своего сердца.

– Ох! Опять одно и то же, – только и произнес Грант.

Веселые парни вошли в подъезд своего общежития. Нелли, улыбаясь, смотрела им вслед.

В библиотеке дворца культуры, находившейся на первом этаже, имевшей два зала – абонемент и зал книжного фонда, разделенный между собой стеклянной перегородкой, было

не многолюдно. В зале книжного фонда за столом пенсионер просматривал подшивку газет «Известия», девушка выбирала книги в разделе «Литература XX века».

Библиотекарь Наталья, полная высокая женщина, в синем халате, в разделе «Зарубежная литература» бегло просматривала корешки книг.

Грант в разделе «Поэзия» читал раскрытый томик Э. Асадова. Двое подростков, толкаясь, просматривали книги в разделе «Детская литература». Парень, «очкарик», копался в разделе «Техническая литература».

В книжный зал из абонементов вошла Мила, быстрой походкой подошла к разделу «Зарубежная литература», заглянула в листок с перечнем рекомендованной к чтению литературы, пробежала взглядом по корешкам книг, взяла М. Сервантеса «Дон Кихот». Положила листок на книги, полистала Сервантеса и углубилась в чтение.

Библиотекарь Наталья, найдя нужную книгу, подошла к Миле: «Вот, нашла „Сонеты“ Петрарки, держи. Где твоя выбранная стопка?»

Мила указала жестом на окно. Увидев на подоконнике стопку книг, Наталья положила выбранную книгу в стопку, открыла фрамугу окна, вдохнула воздух, закрыв глаза. Свежий воздух ворвался легкой струей в книжное помещение. Струя воздуха сорвала листок бумаги, лежавший сверху, на книгах. Листок сорвался с места и легко слетел на противоположную сторону стеллажа, в раздел «Поэзия», покружил в воздухе и медленно приземлился на пол.

– Все нашла? – Наталья, вновь подошла к Миле.

– Не знаю, сейчас проверю по списку, – тихо ответила Мила и оглянулась на громкий смех, раздавшийся из зала абонементов.

В это время в зал абонементов библиотеки шумно вошли трое молодых парней с картинами в руках: «Наташа! Наташа, вы где?» – крикнул один из них.

По их внешнему виду было понятно, что они художники.

Наталья плавной походкой вошла в зал абонементов: «Тише, вы находитесь в библиотеке, а не на улице», – тихо урезонила их библиотекарь.

– Извините, – тихо произнес один из них.

Наталья, увидев картины в руках художников, улыбнулась: «Что? Закончили свои шедевры?»

– Закончили. Вот принесли вам на первый зрительский суд.

С деловым видом Наталья начала рассматривать картины – пейзаж, натюрморт, портрет, рассматривала долго, молча.

– Мне нравятся. Все замечательно написаны.

Она подошла к портрету. Картина называлась «Читающая» – молодая девушка с длинными темно каштановыми волосами, с красиво лежащей на бок челкой, сидела в кресле с книгой в руках. Взгляд привлекали ее большие с поволокой глаза, обрамлённые длинными ресницами по краям глаз, длинные красивые пальцы, прижали к груди раскрытую книгу. Художник смог передать задумчивый взгляд глаз девушки, думающей о прочитанном.

– Особенно «Читающая», – добавила она.

Парни, довольные, заулыбались. Наталья подмигнула одному из художников, приложила палец к губам, пошла в книжный фонд. Войдя в книжный зал библиотеки, Наталья глазами отыскивала Людмилу, которая уже отошла в другой раздел: – «Люда-а, иди сюда», – позвала ее жестом.

Мила оглянулась, нахмурилась, прошептала: «Что?»

– Иди сюда, тебя ждет сюрприз, – тихо позвала Наталья.

Мила отрицательно замотала головой, отказываясь идти.

Наталья решительно вошла в книжный фонд, взяла ее за руку и вышла из зала.

Увидев Милу, все художники, улыбаясь, зааплодировали.

Илья, художник картины «Читающая», встал на одно колено: – «Спасительница! Муза моя! Благодарю тебя! Я написал эту работу благодаря тебе и теперь выставлю ее на конкурс. Она сейчас уже всем нравится. И главное, она нравится мне. Посмотри. Теперь что скажешь ты, моя муза».

Мила, увидев художников смутилась, тихо поздоровалась, подошла к картинам, внимательно рассмотрела их, дольше всех остановилась у пейзажа: «Здорово. Мне нравится. Вы все молодцы, молодые люди».

– А как, как твой портрет? – настаивал Илья.

– Нравится, – смущенно ответила Мила, – но мне кажется вы приукрасили меня на картине, я не такая... в жизни...

– Да ты что! Скромница вы моя! – воскликнул Илья. – Ты чудо! Ты мне несешь удачу, всем, всем нравится моя работа, такого у меня еще ни разу не было...

– Правда? Так это здорово! Только я не ваша и я здесь ни при чем, это не моя заслуга, а ваша. Илья, это ваши руки, ваше видение, изобразили меня так чудесно. Вы меня увидели такой красивой и поэтому это всем нравится.

В зал вошли из книжного фонда посетители библиотеки: пенсионер, девушка, двое подростков. Все подошли к картинам. Илья, выдержав паузу, обратился к ним: «Пожалуйста, скажите честно, ваше впечатление вот об этих картинах».

– Классно, – восторженно воскликнули подростки, – смотри, так эта же, вот эта... эта же девушка.

– Ну да, здорово! И так похожа! Красавица такая.

– Очень красиво. А пейзаж, посмотрите, как живо и правдиво показан наш монастырь. А натюрморт? Так и хочется взять, и съесть это наливное яблочко, правда? – пенсионер тихо переговаривался с девушкой, затем повернулся к художникам, – вы талантливые художники, ребята.

Илья подошел к пенсионеру: «Но вы ничего не сказали об этой работе. Пожалуйста, только честно, ваше впечатление».

Пенсионер подошел к картине, посмотрел внимательно, отошел на расстояние, подошел ближе, снял очки, протер их, натянул на переносицу: «Превосходно! Я же говорю, вы талантливые художники, – посмотрел на Милу, – а вы, милая девушка, действительно вдохновительница художников. Ваши глаза многих парней с ума сведут, это я вам говорю! И художник прав, вас надо рисовать».

– Спасибо, – смущенно тихо ответила Мила.

– Я прав? – обратился он к стоящей рядом девушке.

– Полностью согласна с вами, – с улыбкой ответила девушка.

Пенсионер обернулся к библиотекарю Наталье: «Обслужите меня, мне идти надо, пора пить лекарства», – подошел к столу.

Наталья прошла к столу, начала обслуживать посетителей. Подростки и девушка подошли к столу с выбранными книгами.

К стеклянным перегородкам подошел Грант, внимательно смотрел на картины и все происходящее.

Илья вновь обратился к Миле: «Ну вот, слышала? Слышала впечатление людей, а ты говоришь, что ты здесь ни при чем».

– Главное – это мастерство художника, – тихо ответила Мила.

– Да разве ты не понимаешь, что когда у художника есть Муза, то у него появляется видение. Главное для художника иметь Музу. Ты моя Муза!

– Нет, нет, Илья, вряд ли я ваша Муза. Я не Муза! Я просто согласилась вам позировать... позировать на один портрет и все.

– Как на один? Не лишай меня жизни, ты моя Муза! – Илья вновь встал на колено.

– Илья, прекратите! Встаньте. Я же вам сразу говорила, что только на один портрет. Да у меня совсем нет времени вам позировать больше. Я вас прошу, закончим этот разговор. Я рада, что вам помогла, но это все.

Мила быстро вошла в зал книжного фонда, подошла к окну, взяла стопку своих выбранных книг, постояла в раздумье, глядя в окно.

Грант смотрел на нее, прищутив глаза, на его лице было удивление, он отошел за стеллажи.

Художники, постояв немного, забрали свои картины, вышли из библиотеки. Мила вернулась на абонемент, села за стол и стала оформлять книги.

Пенсионер с книгами в руках, подошел к двери, обернулся к Миле: «Девушка, помните, что я вам сказал, все так и будет. Всем до свидания», – вышел из библиотеки.

Мила, посмотрев на него, улыбнулась, потом нахмурилась.

Наталья с улыбкой посмотрела на помощницу: «Что такая сердитая? Что-то не так?»

– Все нормально. Я пошла. Спасибо. Приду в субботу. До свидания. – Мила засунула свои книги в сумку, быстро вышла из библиотеки.

В фойе дворца культуры стояли художники с картинами и тихо беседовали, к ним подошла девушка, вышедшая из библиотеки с книгами в руках. Мила вышла на улицу и быстрыми шагами пошла по площади в сторону дома. Илья, увидев ее, побежал за ней.

Грант, выбрав книги, выходя, увидел на полу листок бумаги, поднял его, прочитал, задумался, сложил и убрал в карман брюк, вышел на абонемент. Осмотрелся, в зале абонемента никого, кроме библиотекаря Натальи, уже не было. Положил книги на стол для оформления, достал из кармана поднятый листок, покрутил его задумчиво, хотел что-то спросить, потом передумал, убрал бережно в карман.

– Спасибо, – тихо произнес он и с улыбкой посмотрел на Наталью.

– Шекспир, Асадов. Любите поэзию? – улыбнулась Наталья.

Грант, смущенно улыбнувшись плотно сжатыми губами, что делало его улыбку слегка кривоватой, пожал плечами.

– Приходите еще. Вы хороший наш читатель, все исправно и вовремя сдаете, – сказала она радостно, просмотрев его формуляр, – что-то еще хотели?

– Нет. Благодарю вас, – улыбнулся он, взял книги и быстро вышел из библиотеки.

Грант, окинув взглядом фойе, ускоренными шагами направился к выходу, вышел на улицу. Впереди, на площади, увидел Милу, разговарившую с художником. Илья осторожно взял ее за руку и в чем-то убеждал. Она отстранилась, высвободив свою руку, пятясь назад, отрицательно махала головой, что-то отвечала ему. Илья продолжал в чем-то убеждать ее, она слушала его уже с опущенной головой. Потом подняла голову, посмотрела на него с улыбкой, сделала реверанс, помахала ему рукой «до свидания», быстро направилась в сторону своего дома. Илья постоял, посмотрел ей вслед, медленно пошел в ДК.

Грант, наблюдая эту сцену, достал из кармана поднятый с пола листок, посмотрел на него задумчиво и медленно положил его в книгу. Увидев, что девушка уходит, быстро пошел за ней, поравнявшись с художником, молодые люди переглянулись, рассматривая друг друга, разошлись, каждый в свою сторону.

Мила быстрой походкой подошла к рядом стоящему около ДК пятиэтажному дому – «хрущевке», так все называли такие дома. Вбежала по ступенькам, открыла дверь подъезда...

– Девушка, – окликнул ее Грант.

Она, не слышала, вошла в подъезд, дверь закрылась. Грант, постояв немного, подумал и пошел своей дорогой.

Ночь. В одной из комнат общежития Грант и Борис спали. А Гарик уже давно сидел за чертежной доской и чертил, глаза слипались, потеряв глаза, он потянулся, посмотрел на будильник, часы показывали 3 часа ночи. Он встал, быстро сложил тетради и книги на столе, выпил из бутылки боржоми, выключил настольную лампу и быстро улегся спать.

Грант перевернулся с боку на бок... открыл глаза, зажмурился, сел на кровать, задумчиво потер лоб... включил бра, достал тетрадь и начинал рисовать... затем закрыл тетрадь, встал, положил тетрадь на полку.

Послышался голос Бориса: «Постой... не уходи...»

Грант вздрогнул, оглянулся. Борис вскочил, потирая лоб, сел на кровати.

– Ты чего? – удивленно спросил Грант.

– А ты чего?

– Я ничего. Ты кричал.

– Кричал? Сон приснился... – Борис растерянно посмотрел на друга. – А ты чего стоишь?

– Да пить захотел. – Грант подошел к столу, налил воды, жадно выпил, налил вновь воды, поднес Борису.

Борис выпил воду, отдал другу бокал: «Спасибо. Вторую ночь снится», – пробормотал Борис.

– Кто?

– Та девушка... ее глазницы не выходят у меня из головы...

Грант посмотрел на друга, выключил бра, быстро лег, натянул на себя одеяло.

Борис, посидев, лег на бок, к стене, натянул одеяло: «А сон был приятный», – тихо пробормотал он.

Грант откинул одеяло, вновь посмотрел на друга, затем повернулся на бок, к стене, и натянув одеяло, закрыл глаза.

Светало. Гарик открыл глаза, зажмурился и вновь открыл глаза: «Так это был сон, вновь был сон», – тихо прошептал он и уставился в потолок. Затем он включил бра, встал, подошел к столу и налил из бутылки боржоми, залпом выпил, подумал и вновь лег, но уснуть теперь не удавалось...

Был вечер. К автобусной остановке поселка подошел автобус №347 из Москвы. Из автобуса выходили пассажиры, среди них была Мила. Выйдя из автобуса, Мила остановилась, услышала знакомую песню, доносившуюся из парка, задержалась на несколько минут, прислушиваясь, потом пошла по тротуару к дому. Навстречу ей шла девушка – крашеная блондинка, прическа с начесом, убранные в пучок волосы, не высокого роста, ярко одетая и ярко накрашенная, на высоких каблуках, в короткой юбчонке, с ярко накрашенными ногтями. Высокая прическа и макияж делали ее старше своих лет. Девушку звали Наташа.

– Кого я вижу! – воскликнула Наташа, – сколько лет, сколько зим. Людмила, ты куда пропала? Совсем тебя не видно.

Мила, увидев девушку, улыбнулась, девушки обнялись.

– Наташка! Привет, рада тебя видеть, выглядишь как с яркой картинки, – оглядев девушку, радостно ответила Мила.

– Ты где пропадаешь? Как ты? Влюбила? – подмигнула Наташа.

Мила засмеялась: «Ты все про свое, все про любовь?»

– А как же без нее любимой? Без любовей прожить? Никак. Так как? Не увиливай от ответа? – настаивала Наташа.

– Никак.

– Как? Совсем? Симпатичная, певунья, умница и живет без любви? Не поверю, колись, говори, кто, кто он, наверняка москвич, так?

– Наташка, отстань, говорю парня нет. В моей жизни учеба и музыка...

– Закончила свою музыкалку?

– Заканчиваю, – засмеялась Мила, – в этом учебном году.

– А учебу?

– Тоже в этом учебном году.

– А что на фронте любви? – Наташа, взяв Милу за талию, незаметно повернула ее и повела в парк.

– Все еще впереди. Как только, так сразу, – Мила прищурила глаза, усмехнулась, – сразу поставлю тебя в известность.

– Так я тебе и поверила. Всегда была скрытной барышней, никогда никому и ничего не рассказывала в школе.

– Так, то было в школе, я тогда была маленькая, – Мила улыбнулась.

Девушки вошли в парк. Увидев девушек, парни, игравшие на гитарах, свистнули и пома- хали им руками, зовя присоединиться к ним.

Мила, увидев парней, встревожилась: «Нет, я пойду, мне совсем некогда. Правда, у меня куча дел».

– Ну, немного побудь с нами, совсем немножко поболтаем и пойдешь к своей куче дел. Не будь занудой.

– Нет, Наташ, я пойду, – Мила повернулась и хотела уже уходить.

Неожиданно к ней подскочили два парня, подхватили под руки и увлекли ее к другой компании парней, сидевших на соседних лавочках, тоже с гитарами.

С лавочки встал коренастый, стройный парень, с коротко стриженной прической, поло- жил гитару на лавочку, широко улыбнулся: «Кого я вижу! – нараспев протянул он, – привет, дорогая моя».

Парень обнял Милу и закружил, затем осторожно поставил ее на землю: «Как же я рад тебя видеть».

– Сашка! – радостно воскликнула Мила. – С ума сойти, ты! Не верю. Не верю своим глазам, ты! – радостно повторяла Мила.

– Вот видишь, кого я тебе привела, – гордо сказала Наташа.

– Это ты молодец, Наташа, за это хвалю, прям настроение подняла на много градусов.

– Саш, как грубо – Наташа, не называй меня так.

– Ладно, ладно, не дуйся, сорвалось по старинке. А сейчас отвали на время. – Сашка опять повернулся к Миле. – Какая ты стала – похорошела, повзрослела.

– Сашка, когда ты вернулся?

Сашка снова закружил Милу, она радостно закричала, чем привлекла к себе внимание посетителей парка.

– Привет, подруга дней моих суровых, – осторожно водрузил ее на место. Они радостно рассматривали друг друга.

– Ты стала красавицей, подруга моя.

– Да уж, конечно, не преувеличивай и не смущай меня. А вот ты... ты возмужал, и... и надеюсь поумнел, драчун. Поумнел?

– Надеюсь, – улыбка сошла с его лица.

Он отвел ее в сторону, держа за локоть руки: «Как же я хотел тебя увидеть, ты не пред- ставляешь... и вот ты передо мной, сестренка моя. Спасибо тебе. Ты не представляешь, как ты мне помогала там... своими теплыми письмами, одобряющими мыслями, твоими стихами, твоими советами. Ты меня просто спасала там. Добрая ты душа».

Он держал ее за плечи, потом нежно обнял. Так они стояли несколько минут.

– Спасибо тебе. Всегда буду это помнить. Всегда.

Мила, смущенно улыбаясь, смотрела на него.

Сидевшая на лавочке компания, увидев эту сцену, в изумлении замолчала. Парни с удивлением переглядывались друг с другом: «Ни хрена себе! Вот уж не ожидал от Масла, что он может быть таким».

– Да—а—а, я тоже, оказывается он... – не договорив, парень получил втык в бок.

– Заткнись! Все заткнулись! Без обсуждений! – раздался строгий голос парня, по имени Пашка, одного из компании.

Сашка отстранился от Милы, быстро оглянулся на компанию, повернулся к ним спиной, он слегка дрожал.

Мила, увидев его состояние, встала к нему спиной, загораживая его от его компании. Подошла к парням: «Всем привет», – поздоровалась она непринужденно.

Никто не ответил, парни молча рассматривала ее.

Мила удивленно вновь обратилась к парням: «Эй, не поняла, что не так? Я вроде поздоровалась с вами».

Придя в себя, Сашка подошел к компании, посмотрел на Милу: «Что не так?»

Она скорчила удивленную гримасу, показывая на компанию: «Не хотят со мной здороваться, не отвечают».

– Эй, не понял? В чем дело? – нахмурился Сашка.

– Да все так, – отозвался спокойно Пашка.

– Привет, – Здорово, – Добрый вечер, – раздались дружелюбно голоса парней.

Сашка, нахмутив брови, сердито посмотрел на парней.

– Сань, да все нормалек. Мы просто были ошарашены... – сказал, запинаясь один из парней. – Когда девушка поздоровалась, мы еще не отошли, не отошли от... от увиденного. Расслабься, Саш, мы все, все поняли. Все нормально.

– Так вот. Все внимательно посмотрели на эту девушку, ее зовут Люда, Людмила Ланкова. Запомнили ее. И передали по цепочке, что она под моей личной защитой. И чтоб никогда ни при каких обстоятельствах с нее не упал ни один волосок. Всем это понятно? – жестко отчеканил Сашка.

Стояла тишина. Все смотрели на Милу.

– Все понятно, – раздался голос Пашки.

Глава 2. Мила

В студенческой аудитории Библиотечного техникума за партами в основном сидели парами девушки, все скромно одетые. На последней парте сидели два парня. Около открытой двери еще один парень, худой в очках, прислонившись к дверной притолоке, листал тетрадь конспектов. Время от времени, выглядывая в коридор, высматривая кого—то, он заметно нервничал. Девушки весело переговаривались, кто—то припудривал нос, кто—то красил ресницы. Девушка, сидевшая у окна с заспанными глазами, рьяно начесывала волосы, вторая девушка, сидя перед ней на следующей парте, держала круглое зеркало, восторженно смотрела на подругу, наблюдая, как та дерет свои волосы. Еще одна пара девушек примеривала новую блузку, одна из них держала квадратное зеркало для другой, поправляя на блузке рюшечки.

Парень в очках вышел из аудитории, подошел к окну в коридоре. Посмотрел в окно, увидел Людмилу, за ней шел высокий стройный темноволосый парень с ее портфелем в руках. Мила подошла к подъезду техникума, повернулась к парню, протянула руку... немного постояла с протянутой рукой. Парень ей что—то говорил, она взяла портфель, улыбнулась ему и быстро вбежала по ступенькам крыльца, скрылась в подъезде техникума. Парень постоял немного, повернулся и быстро направился к метро.

В коридоре техникума появилась Мила, парень быстро подбежал к ней, поправляя на ходу очки: «Привет».

- Привет, – смущенно ответила Мила.
- Людмил, ты сделала конспекты работ по литературе?
- Конечно.
- Выручай, Людмил, дай списать.

Мила остановилась, подняла возмущенно брови, скорчила гримасу: «Опять? Сколько можно списывать?» – быстро пошла к аудитории.

Парень засеменял мелкими шажками за ней, моля: —«Пожалуйста, пожалуйста, спаси. Людмил, ну, дай. Ты же знаешь, если я не сдам ему сегодня эти работы, он мне закатит „неуд“ в семестре».

- Правда? И кто в этом виноват? Он? Я?

Парень смутился на некоторое время, потом продолжил атаку: «Умоляю, пожалуйста, пожалуйста, дай».

В конце коридора появился высокий худощавый, не красивый мужчина, преподаватель с ярко выраженной еврейской наружностью. Он нес под мышкой пару книг, в руках журнал и указку. Мужчина был сердит. Зазвенел звонок. Студенты сразу стали расходиться по аудиториям. К преподавателю подошла студентка, что—то сказала, мужчина ей ответил кратко, показав свои желтые прокуренные, некрасивые и не ровные зубы.

Парень увидел своего преподавателя, испугался: «Умоляю! Умоляю тебя! Не губи! Дай списать!»

- Ты ведь не успеешь, там много писать!
- Успею! Он же будет их собирать в конце пары, а сейчас будет опрос.

Мила, подумав, быстро открыла портфель и начала искать тетрадь, найдя, сердито отдала парню и стремительно вошла в аудиторию.

– Спасительница моя, спасибо, – прошептал парень, выхватил из ее рук тетрадь, посмотрел испуганно на приближающего преподавателя, вбежал вслед за Милой в аудиторию, быстро сел за парту, открыл тетради и стал судорожно переписывать конспект.

Мила, быстро войдя в аудиторию, прошла к первому, у окна, ряду, села на первую парту: «Привет», – кивнула соседке.

- Ты чего так долго сегодня? – спросила соседка Ира, – мы тебя уже заждались.

– А, так получилось, да еще Никита, придурок, задержал в коридоре.

– Опять конспекты клянчил? – улыбнулась Ира.

– Ну да, достал уже, – буркнула Мила, выкладывая на парту тетради и книги. Затем повернулась назад: «Привет, девчонки», – кивнула приветствие двум сидящим за ней девушкам.

– Привет. Ты чего так долго? – прошептали девушки.

Мила отмахнулась: «Потом».

В аудиторию стремительной походкой вошел преподаватель, на ходу осматривая студентов. Прошел к столу преподавателя, разложил на столе свои книги, журнал, молча взглянул на аудиторию. Студенты замолчали, встали, несколько минут преподаватель и студенты молча смотрели друг на друга. Преподаватель сделал жест рукой – садитесь, все сели. Прошел и плотнее закрыл дверь. Остановился около парты Никиты, тот, не видя преподавателя, продолжал быстро списывать конспект. Постоял немного молча у его парты, глядя то на него, то на студентов, опять прошел к столу. Подумал немного, держа все время руки в карманах брюк. Подошел к девушке, сидящей за первой партой у стены, что-то тихо сказал ей, та кивнула и быстро вышла из аудитории. Преподаватель подошел к окну и молча уставился в окно. В аудитории по-прежнему стояла тишина. Прошло несколько минут в полной тишине. Студенты начали переглядываться между собой, молча улыбаться, глядя на него. Преподаватель в задумчивости молчал, неожиданно посмотрел на Людмилу, молча смотрел на нее, приведя ее в полное замешательство, затем перевел взгляд в окно. Прошла минута, другая. Подошел к первой парте, где сидела Людмила с Ириной, вновь посмотрел на нее.

Мила смутилась, опустила глаза. В аудитории захихикали.

– Арон Соломонович, что не так? – тихо спросила Мила.

– Вы меня извините, я смутил вас. Все так, – ответил он.

Потом обратился к аудитории: «Вы меня тоже извините за столь долгую паузу, она вызвана тем, что я очень расстроен результатами вашего сочинения. Результаты очень плачевные и это перед окончанием семестра. Полученные оценки многим испортят итоговые семестровые результаты».

Подошел к столу, открыл ежедневник и произнес: «Итак, результаты вашего творчества таковы, из 28 работ: 12 – двоек, 11 – троек, 3 – четверки, 1 – пятерка по русскому языку, а по литературе этой же работы – четверка».

Ирина, сидевшая рядом с Милой, прошептала: «Не хватает еще одной работы, он что считать не умеет?»

– Что? Не поняла, – прошептала Мила.

Ирина протянула ей листок, на котором было написано: $12 - «2», +11 - «3», +3 - «4», +1 - «5» = 27$, а где еще 1??

В аудиторию вошла девушка с первой парты, неся стопку тетрадей, подошла к столу, молча положила их на стол.

– Благодарю вас, – ответил преподаватель Арон Соломонович.

Девушка села на свое место.

Преподаватель подошел к первой парте, где сидела Мила.

– Позвольте, – взял листок, лежавший перед Милой, подошел к доске, переписал на доску, что было написано на листке, посмотрел на сделанную запись, – Да, вы правы, одна работа здесь не учтена. – Сделал поправку в записи, исправил $4 - «4»$. Подошел к столу и начал раздавать работы, – Могилев Никита – 2, Богданова Зоя – 2, Емельянова Ира – 2...» – преподаватель продолжал раздавать работы...

Студенты взволнованно обсуждали происходящее.

– С ума сойти, одни «неуды», репрессии в полном разгаре, а почему он так на тебя смотрел? – прошептала Ирина Людмиле.

– Не знаю, вначале думала, что он мне кол влепил, кол не назвал, значит «неуд» исключительный, – прошептала Мила.

– Брось ты, а почему «неуд», да еще исключительный? – не унималась Ирина.

– Тогда чего он так со мной экспериментировал взглядами? Ладно, тихо, посмотрим сейчас, что дальше, – Мила, нахмурившись, опустила глаза.

– Мартынова Ирина – 4, Анисина Татьяна – это ваша работа привела к неточности – по русскому 5, а по литературе не интересно, поэтому 4, – преподаватель отдал работы Ирине и Татьяне, сидящей за ними. Подошел вновь к окну и замолчал.

– Работы все розданы, а моей нет, – взволновано прошептала соседке Мила, – ничего не понимаю. Ты что-ни будь понимаешь?

– Арон Соломонович, а не всем работы раздали, вот Ланковой Людмиле работу не отдали, – громко произнесла Ирина.

Мила пожалала плечами и растерянно спросила: «А у меня какая оценка и где моя работа?»

Арон Соломонович, держа руки в карманах брюк, вновь заходил от окна к столу, от стола к доске.

– Все увидели свои ошибки? И в соответствии с ними увидели свои заслуги в виде оценок? – обратился он к аудитории, не отвечая на вопросы девушек.

По аудитории прошел шепоток и волнение студентов: «ни фига себе», – «да уж, результаты», – «одни неуды», – «за что... двойка-то», – «у меня трояк с двумя минусами, это как, тройка или неуд?»...

– А теперь все слушаем меня. Да, вы правы, как вы изволили выразиться одни «неуды», тройки – это почти тоже «неуды». Плачевно, с работой вы не справились. Поэтому тему Островского будете переписывать заново, в виде исключения я дам вам шанс. Завтра будете переписывать на последней паре. А примером того, как надо писать сочинение является единственная работа вашей сокурсницы, – преподаватель вытащил из журнала тетрадь и подошел к парте Милы, – ваша сударыня, – обратился он к Миле.

– Моя? – Мила удивленно вскинула брови, расширив глаза.

– Да. Да вы талантливы, сударыня. У вас замечательная работа! Я и мои коллеги, преподаватели, получили истинное наслаждение, читая ее. Вы извините, но я не удержался и показал вашу работу своим коллегам. Вам надо и далее развивать ваш талант.

– Какой талант? – нахмутив брови, Мила удивленно посмотрела на преподавателя.

– Талант писать! У вас определенно большие способности к сочинительству и изложению ваших светлых мыслей на бумагу. И это мнение не только мое – кандидата педагогических наук, автора 30 работ, но и моих коллег. Я давно обратил внимание на ваши работы, на вашу интересную манеру излагать ваши мысли, еще на первом курсе, но молчал... Излагаете вы, сударыня, очень интересно, это определённо способности и их надо развивать. Вот так. У вас пятерка с несколькими плюсами и вот мое мнение, – он открыл тетрадь и положил перед Милой.

Мила прочтала: «Замечательно!!!! 5+++ литература, 4/ русский язык. Поработайте над знаками препинания».

– Я ответственно заявляю перед всеми. Вам необходимо дальше развивать ваши способности, поступать в Литературный институт или на факультет журналистики или что-то другое, но вам надо писать, писать, сударыня. И если вы мне позволите, я прочитаю вашу работу вслух.

– Нет, не надо! – смущенно прошептала Мила.

– Жаль! Очень жаль, работа замечательная.

Прозвенел звонок. Преподаватель закрыл журнал, взял свои книги, указку и быстрой походкой вышел из аудитории.

Мила, ошарашенная, смотрела на свою работу. В аудитории несколько минут стояла тишина. Несколько девушек подошли к Людмиле и попросили прочитать ее работу.

– Девчонки, перестаньте. Он все преувеличил. Дам, потом, не сейчас, – она закрыла тетрадь, убрала в портфель, и смущенная вышла из аудитории.

– Ничего себе, – воскликнула Ирина, повернувшись назад к подругам – Татьяне и Наде. Подруги переглянулись между собой.

– Вот так-то, – улыбнулась Татьяна, – для меня это не новость. Я читала ее дневник юности, где она описывала свои летние каникулы в деревне с 14-ти лет, получила удовольствие, она очень интересно писала.

– А что она там писала? – Ирина с любопытством смотрела на подругу.

– Свои впечатления о деревенской жизни у своей тетушки, как в нее там влюбились три брата, там много чего у них происходило, и Людмила так интересно все это описывала, мне понравилось.

– Три брата влюбились? Как интересно, дай мне тоже почитать, – взмолилась Ирина.

– Ира, ты что? Я не могу. Это ты у Людмилы спрашивай. Ко мне этот ее дневник случайно попал.

– А где этот ее дневник?

– Еще у меня.

– Таня, ну дай по секрету, она ничего не узнает, я тихонечко почитаю и верну тебе, на один денечек. Людмила, она же скрытная и не даст, отмахнется. А мне так интересно узнать про трех братьев.

– Нет, Ира, не обижайся, без ее разрешения я не могу дать. Это будет непорядочно, это же ее дневник. Сама проси у нее. Все, пошли выйдем, проветримся.

Девушки – Людмила, Ирина, Татьяна, Надя, вышли из подъезда техникума.

– Девчонки, а пошли в кафе? Посидим, поболтаем, мороженное поедим, тем более есть повод – отметим литературным триумф Людмилы. Кто за? – весело спросила Ирина, светловолосая девушка, среднего роста.

– Я за, – ответила Татьяна.

– Я тоже за, – засмеялась Надя, скромная девушка с заплетенной назад косой, ничем не примечательная русская девушка, она была выше своих подруг и немного сутулилась.

Девушки подняли руки, говоря этим, «за». Все посмотрели на Милу. Она не подняла руку, молча стояла с опущенными глазами. Девушки переглянулись и вновь дружно посмотрели на неё.

– Это, что значит? Что за протест? – спросила Таня.

– Людмил, ты чего? Пошли, – Ирина слегка толкнула подругу.

– Девчонки, извините меня, но я не пойду. Идите без меня.

Татьяна возмущенно воскликнула: «Нет, нормально? Она виновница торжества, а торжество будет без нее? Ты чего, пошли», – взяла ее под руку.

– Нет, Татьян, отпусти, я не могу и не уговаривайте.

– Ну, пожалуйста, пошли, – заныла Ирина, – не порть нам хорошее настроение, нас всех сегодня не коснулись литературные репрессии, все мы выжили, а ты вышла в этой схватке полным триумфатором.

– Скажите, девчонки, а классно было смотреть половина часа на его молчание, – Таня слегка усмехнулась, посмотрела на Милу, – на его пронзительный взгляд, направленный только на тебя. Представляю, что ты чувствовала.

– И не хочу вспоминать, – отмахнулась Мила.

– Ты же сегодня спасла половину группы, в том числе и меня. Сегодня же должен был быть опрос весь урок, – Надя посмотрела на Людмилу.

- И меня, – вставила Ира, – меня тоже должен был спросить.
- А почему ты такая расстроенная? – Надя тревожно смотрела на Людмилу. – Вроде причин для расстройства нет.
- Это чем же? Чем спасла—то? – удивилась Мила.
- Тем, что сегодня не было опроса! – смеясь сказала Ира, я так плохо выучила Маяковского, ну никак не идет в голову его поэзия. Надь, а ты выучила стихи?
- Да ничего я не выучила, ни одного. Отец вчера пришел пьяный, такой концерт нам закатил, пол ночи мать не могли успокоить. Так что было не до стихов. Я так тряслась, он меня должен был спросить, у меня же там между тройкой и четверкой, – Надя помолчала, справилась с волнением. – А тут так повезло, все внимание тебе было. Так что спасибо тебе, Люда.
- Все девушки сочувственно посмотрели на Надю.
- Все хорошо, что хорошо кончается. Только мне как—то не по себе до сих пор, сделал из меня... не пойму кого, – сердито ответила Мила.
- Да все нормально, ты нас сегодня здорово выручила, завтра мы свободны от двух его уроков, он же оставил только тех, кто будет переписывать сочинение. И твой литературный успех надо отметить. Люда, пошли, столько поводов, – настаивала Ирина, взяв подругу под руку.
- Девчонки, да не пойду я, – ответила Мила, высвобождая свою руку, – не обижайтесь.
- Да в чем дело? – воскликнули Татьяна.
- Ты хочешь, чтобы мы поссорились? – добавила Ирина.
- Нет, конечно.
- Тогда говори, – твердо сказала Татьяна.
- У меня совсем нет денег, – тихо произнесла Мила.
- О, Боже! Так бы и сказала.
- Я и говорю.
- Я угощаю, у меня есть. Пошли. Все. Идем, – Таня решительно взяла ее за руку.
- Все девушки весело пошли в сторону кафе—мороженое.

Вскоре улыбающиеся девушки сидели за столиком в кафе, ели мороженое. Ирина и Надя непринужденно болтали, обсуждая фасон платья, которое хотела сшить Ирина на выпускной вечер. Ира рисовала фасон платья на салфетке. Татьяна задумчиво смотрела на Людмилу.

А Мила смотрела в окно, за окном парень целовался с девушкой, они смотрели влюбленными глазами друг на друга, отвела от них взгляд и увидела, что Таня внимательно смотрит на нее: «Что? Танюш, что ты хочешь сказать?»

Таня нагнулась над столом к Миле, тихо сказала: «Я прочитала твою работу, все предыдущие твои работы я тоже читала, как ты помнишь, спасибо за доверие. И я полностью согласна с Ароном Соломоновичем, что тебе надо и дальше развивать свои способности и поступать в ВУЗ в этом направлении».

– Не знаю, – пожала плечами, – не думала об этом всерьез, пишу, как—то легко, – так же тихо ответила Мила.

– Тем более, вот и хорошо, что легко пишешь, это и есть способности, их надо развивать. Поступать надо не в институт культуры, а на факультет журналистики.

– Нет. Не хочу быть журналистом, это не мое. В Литературный институт – это просто исключено, там огромный конкурс, да и... Тань, мне нужна твердая профессия, чтобы ежемесячно зарплату получать и быть не зависимой от родителей. Какой я писатель, смешно, право. Нет, я умру от страха. Нет, это не мое.

– А я знаю, что надо делать, – оживилась Таня. – У меня родственник, двоюродный брат Виктор, закончил в прошлом году ВГИК, режиссер—документалист. Хороший парень, без всяких там киношных прибабасов. Я, кстати, как-то рассказывала ему о тебе, еще в прошлом

году. – Увидев удивленный взгляд Милы, Таня продолжила: Помнишь, ты рассказывала о своих каникулах в деревне? О твоих там юношеских победах, ты тогда дала мне свой дневник. Так я зачитывалась им и в тот день, тогда у нас в гостях были родственники. Виктор застал меня, как раз за чтивом. Извини, но так получилось, что я дала ему прочитать. Ведь там ничего такого секретного не было. Это не красиво, я понимаю, но так получилось... извини.

– Понятно. И что?

– Что? Я сегодня же ему позвоню, все расскажу и можно покажу ему последнюю твою работу?

Мила достала из портфеля тетрадь и молча ее отдала.

– Замечательно. Я вас познакомлю. Он обязательно посоветует тебе что—то дельное. И потом... – Таня замолчала, опустила глаза.

– Что потом?

– Потом у него и у его отца, – тихо смущенно продолжила Таня, – большой круг знакомств. Они замечательные, грамотные, образованные люди. Виктор обязательно тебе поможет. Я это чувствую. Договорились?

– Танюш, как-то неудобно. Может не стоит беспокоить людей.

– Стоит. Все. Договорились. Знакомимся?

– Не знаю. Танюш, решай сама, доверяюсь полностью вам, синьорина, – улыбнулась Мила.

– Наконец—то улыбка появилась на твоем лице. Сегодня же ему звоню и вас знакомлю, – улыбнулась Татя, повернулась к девушкам. – А вы, девчонки, что там все рисуете? Покажите нам, – весело обратилась Татьяна к подругам.

– Вот наши платья на выпускной вечер, – Ирина, смеясь протянула рисунки, нарисованные ею на салфетках, – вот мое, а это платье Нади, – показала Ирина.

– Какие красивые. Ирин, ты художница, так красиво рисуешь. Молодчина. А я вот совсем рисовать не умею, – Мила с интересом рассматривала рисунки.

– Ой, не умеешь рисовать! Ах—ах! Зато ты играешь на пианино, хорошо поешь, да еще красиво пишешь. Вон какие восторги вслух выслушиваешь. А мне никто восторгов не высказывает по поводу моего рисования, – Ирина укоризненно посмотрела на Милу, – если ты еще будешь и рисовать, то это будет уже слишком, – добавила она.

– Перестань завидовать. Зависть – это самое низкое чувство, – одернула подругу Татьяна.

– О каких талантах ты говоришь, прекрати. Способности – это еще не талант. Я вот не знаю в какой институт поступать. Татьяна, молодец, четко знает куда поступать – на искусствоведческий. Вы с Надей определились – в институт культуры. А я со своими способностями плыву не знаю куда, – Людмила вздохнула и вновь посмотрела в окно, – в голове какая—то пустота и отсутствие желаний.

– Не наговаривай на себя. В твоей голове пустота? Что ты болтаешь? Просто в твою голову поселились другие мысли. В последнее время тебя что-то занимает помимо учебы, ты эти мысли гонишь, но они все равно лезут в голову. Так? Влюбилась? Признавайся, – Татьяна шутливо подмигнула девушкам.

– Что? Влюбилась? Ты, о чем, в кого?

– В Володю! Непросто же так, он из Люберец несколько лет к нам на Щелковскую мотается, провожает тебя.

– Людмил, колись, ля—мур? – таинственно спросила Надя.

– Такая скрытная. Никогда ничего не рассказывает. Ну, расскажи хоть нам, – взмолилась Ирина.

– Разочарую вас. Рассказывать нечего. Мы с Володей просто друзья, учились вместе, он мне стал симпатизировать где-то в 7—м классе, по-моему. В общем, замечать я стала в 7—м классе, в 8—м как—то хихоньки да хаханьки, все вместе компанией общались, а после

8 класса я поступила сюда. Он стал настойчивей в своих ухаживаниях, стал зачем—то провожать, встречать.

– Просто вы повзрослели, вы столько лет вместе, а он за тобой все ухаживает... уже 6 лет, разве это о чем-то не говорит, – тактично заметила Татьяна.

– И что у тебя к нему ничего не екает, – спросила Ира.

Людмила пожала плечами и скорчила гримасу: «Нет, ничего».

– А вы целовались? – наклонилась и тихо спросила Надя.

Мила улыбнулась, смутилась, промолчала.

– Людмил, ну ладно тебе, скажи, целовались?

– Один раз, – с улыбкой ответила Мила.

– И что? Как? Понравилось? – Ирина затаила дыхание.

– Нет. Не понравилось.

– Как? Совсем?

– Совсем. Не понравилось, я попросила его больше этого не делать.

– И что? Что он послушался и даже больше не пытался тебя еще поцеловать? – продолжала допытываться Ирина.

Мила смущенно молчала, опустив глаза. Ирина шутливо с улыбкой толкнула ее в плечо, все девушки смотрели на нее и ждали ответа.

– Пытался, – с усмешкой ответила Мила.

– И что? Потом понравилось? – Таня, затаив дыхание, не сводила глаз с Милы.

– Нет, было легкое неприятное ощущение, и я его тогда оттолкнула и, по—моему, даже поморщилась, – Мила вздохнула. – Всё, больше не целовались. Все? Удовлетворили свое любопытство? – Мила хитро улыбнулась.

– А потом? Что было потом? Он больше не пытался тебя поцеловать? – спросила громко Ира.

– Тихо ты. Что ты кричишь? Пытался. Хватит на эту тему. Я все рассказала.

– И после этих двух поцелуев он перестал тебя интересоваться? – не унималась Татьяна.

– Да. Вы очень проницательны, девушка, – вздохнула Мила.

– А ты ему сказала об этом? – не успокаивалась Ирина.

– Ну, нет, конечно, – нахмурилась Мила.

– А почему? Почему ты ему не сказала, – Надя хитро смотрела на Милу.

– А напрасно, – засмеялась Ира, – надо было сказать, может он бы стал учиться, как надо целоваться с девушками.

– С кем? – удивилась Таня.

– Да с кем угодно, это его проблема.

– Ты что говоришь, Людмиле это совсем не надо, пусть учится вместе с ней, – засмеялась Надя, – правда, Людмил?

– Нет, мне это совсем не надо. Все! Тема закрыта! – Мила нахмурилась.

– Хорошо, эту тему закрыли, а давай откроем другую тему? – Ирина, улыбаясь, смотрела на подружку.

– Какую?

– Расскажи нам о своих летних каникулах в деревне.

– Почему я? – нахмурилась Мила.

– Потому что ты сегодня у нас героиня дня.

Девушки переглянулись между собой, и все дружно рассмеялись.

Мила жила в двухкомнатной квартире, в «хрущевке», смежные комнаты, крошечная прихожая, совместный санузел и ванная, маленькая шестиметровая кухня. Их квартира скромно, но уютно была обставлена всем необходимым, в первой комнате – книжный шкаф, диван-кро-

вать, на которой спали родители, рядом стоял красивый торшер с большим абажуром, платяной шкаф, прямоугольный стол со стульями, тумбочка с телевизором. Во второй, смежной комнате, у окна стоял большой письменный стол, за которым в основном занималась Мила. У окна стояла тумбочка с красивой вазой, девушки следили, чтобы там всегда стояли цветы, диван-кровать, на которой спала Валентина, платяной шкаф, за дверью стояла железная кровать, с большими мягкими подушками на которой спала старшая сестра Лида, а когда она вышла замуж, то на нее перебралась Мила, чем была очень довольна. За занавеской находилась кладовка, маленькая комнатуха, в которой от пола до потолка были сделаны полки, уставленные банками с соленьями и вареньем, коробками и стояла односпальная кушетка. На кушетке долгое время спала Мила, до замужества старшей сестры.

В кухне мать Милы, Мария Федоровна – женщина не большого роста, полноватая, русые, не густые волосы зачесаны назад и собраны в пучок, маленький курносый носик, круглые большие, уставшие глаза, жарила большую сковороду картошки с луком.

Старшая сестра Лида – стройная, среднего роста молодая женщина, темно русые густые волосы, прическа «каре» с легким начесом, нарезала за столом салат из овощей и зелени.

– А Люся скоро приедет? Совсем ее не вижу. Как у нее дела? – спросила Лида.

– Да мы сами ее не видим, крутиться, как белка в колесе, рано уезжает, приезжает поздно. Если приедет пораньше, бежит в библиотеку, то еще куда—то, потом занимается до поздней ночи... Одни глазищи остались...

– Ничего, – улыбнулась Лида, – последний год остался, самый трудный – окончание техникума, да еще и окончание музыкальной школы. И у нас у всех троих будет специальное среднее образование.

– Дай-то Бог, что бы все хорошо было.

– Валентина в институт-то готовится?

– Да вроде занимается, ездит на подготовительные курсы со своей Анькой.

– Только вот зря она в педагогический, – сморщила нос Лида.

– Да в какой же еще поступать, закончила педагогическое училище, работает воспитателем, пошла по своей специальности. Дети ее любят. Да и заведующая с методистом ею довольны. Замуж ей пора выходить, уж 21 год.

– А у нее кто-то есть?

– Да толком не пойму. Гуляют с Анькой по вечерам, а с кем не знаю, никого не видела... Ты бы, как сестра, у нее спросила, тебе быстрее скажет.

– Попытаюсь выведать. А Володя Разумов продолжает за Люсей ухаживать? – продолжала расспрашивать Лида.

– Продолжает, – Мария Федоровна с улыбкой повернулась к старшей дочери, держа нож в руках, – хороший парень, нравится мне, воспитанный, скромный, симпатичный, из хорошей семьи. Только наша как-то не серьезно к нему относиться.

– Да ладно, он за ней столько лет ходит, она просто привыкла к нему. Да она еще молодая, восемнадцати еще нет. Пусть гуляет, сама разберется. Меня Валентина больше беспокоит, – участливо говорила старшая сестра, – она какая-то грустная в последнее время, я ее спрашивала, она ничего толком не говорит.

– Да нет, вроде ничего такого я не замечала, – пожала плечами мать, – она вон больше с Анькой шушукается.

– Ну и ладно, значит мне показалось, – улыбнулась Лида.

А в дальней комнате средняя сестра Валентина с подругой Анной сидели на диване и тихо беседовали.

Анна – девушка еврейской наружности, с длинными черными, волнистыми волосами, похожими на химию, нос слегка с горбинкой, верхние зубы несколько выпирали, выше среднего роста, слегка небрежно и скромно одетая.

Валентина – полная противоположность Анне: среднего роста, красивая девушка, зеленые миндалевидные глаза, черные, правильной формы брови, черные густые волосы до плеч, прямые ровные зубы.

– В пятницу, на танцы идем? Мы с Тиграном договорились на 20 часов. Там будут все ребята... и твой красавчик Грант, – улыбнулась Анна.

– А он и вправду красавчик, правда?

– Да, хотя они все красавцы, вся пятерка, только вот Гарик худенький, по-моему, он чем-то болен и всегда бледный, и грустный.

– Нет, Гриша все—таки очень симпатичный парень, обрати внимание на его глаза, у него удивительно красивые глаза. Они у него разные – то серые, то темно голубые, то серо—голубые... нет правда.

Аня улыбнулась: «Не спорю. Только он какой-то молчаливый, не компанейский, то ли мой Тигранчик – веселый, легкий, одно слово грузин – добрая душа, всегда в настроении, легкий он человек, мне хорошо с ним и легко».

Валентина мечтательно тихо произнесла: «Да молчаливый, но он какой—то особенный... не такой, как все парни. Нет, мне он нравится. Мне так нравился только один парень в школе Преображенский и все, но это было как бы детство, а это совсем другое... По-моему, я влюбилась».

– Тем более бери все в свои руки! Как я с Тиграном, я ведь сделала первый шаг и все замечательно получилось, мы любим друг друга. А ты что? Маешься только... Мне кажется он сам никогда первый шаг не сделает... не решительный он потому что. Бери все с свои руки, я тебе говорю!

– Ой, я не знаю, – вздохнула Валентина, – как-то неудобно мне... я всегда теряюсь, когда его вижу.

– Да я это уже заметила, ты мямля, он, мямля, да вы и наедине то не бываете, с ним все время Борис.

– Это так, они прям не разлей вода.

– Вот что, – решительно заявила Аня, – Борису надо найти какую-нибудь девушку, – помолчав она посмотрела на подругу, – с кем бы его познакомить?

– Что он сам не может познакомиться, тоже мне сваха.

– Валя, ты не понимаешь, когда он там познакомиться, а нам надо что? Нам нужно Гришу с тобой как—то соединить, а для этого у вас должна быть какая-то возможность быть наедине, чтобы понять, как он к тебе относиться, а для этого надо Борю куда-то деть. Их надо разъединить, надо чтобы Борис увлекся кем—то, на свидания ходил ну и все такое прочее.

– Ну да. Я с этим согласна. И что для этого мы можем сделать?

– Надо подумать. Я знаю точно, что Борису надо найти девушку.

Ладно, идем сегодня на танцы и будем думать и искать ему девушку, а там посмотрим. Все, я пошла встречаемся около ДК, около восьми вечера.

Аня встала, поцеловала Валентину в щеку: «Не дрейфь, подруга, прорвемся и все будет нормалек. Пока. До встречи».

– Ладно. До встречи, – улыбнулась Валентина.

Глава 3. Знакомство

В общежитии поселка ТЭЦ-22, в скромной комнате парней стены были окрашены в голубой цвет. Посередине комнаты стоял прямоугольный большой стол, на столе с одного края лежали книги, тетради, в рулонах чертежи. На другом краю стола стояли – чайник, чашки с блюдцами, несколько тарелок, лежали сыр, любительская колбаса, хлеб, помидоры, огурцы, разделочная доска, на ней нож и укроп, в граненом стакане стояли ложки, вилки, ножи, необходимые для еды принадлежности.

Грант чертил за чертежной доской, рядом лежали заточенные карандаши, линейка, на кровати – открытые книги и тетради.

Вачик за столом готовил бутерброды. Борис сидел на своей кровати, напротив Гранта, брэнчал на гитаре, тихо напевая «Я встретил девушку».

В дверь постучали. Вошли Тигран с Анной и Валентина. Молодые люди поздоровались, никто из парней не встал. Вачик любезно предложил всем выпить чай, девушки отказались.

Тигран радостно согласился: «Мне два бутерброда с колбасой и с сыром оба».

– Мог бы и не говорить, итак знаю, сложный бутерброд, будет сделано, – добродушно ответил Вачик. – Вот... все готово, а сверху укропчика обязательно, держи дорогой, – положил бутерброды на тарелку.

– Тигран, только вначале надо руки помыть, нельзя же с грязными руками есть, – укоризненно сказала Аня.

– Принял. Сейчас сбегая. Пошли со мной?

Аня послушно встала, он обнял девушку за плечи, и они вышли из комнаты.

Валентина под села на кровать к Гранту: «Чертишь?»

– Да. Надо вот доделать работу обязательно, – ответил, не отвлекаясь от чертежа.

– Я мешаю тебе?

– Немного есть.

– Ты не в настроении?

– Немного есть, – ответил он, продолжая чертить.

– Ты обиделся за прошлый раз? ... Ну там, на танцах?

– Совсем нет. Ты в праве танцевать с кем хочешь.

– Гриш, я просто хотела объяснить... Понимаешь...

– Не надо ничего объяснять, все в порядке.

– Тогда на танцы пойдем?

– Валя, спасибо за приглашение, но вряд ли я пойду, – посмотрел на девушку, она нахмурилась, он добавил, тоже слегка нахмурившись, – посмотрим... как семинар в институте пройдет. А ты, смотри, танцы любишь?

– А ты не любишь? – Валя посмотрела ему в лицо.

– Да так, по настроению.

– Вот и я по настроению. Мы с тобой похожи.

Грант молча посмотрел на девушку, слегка усмехнулся.

Все это время Борис тихо наигрывал на гитаре, посматривая на друга и девушку.

– Хватит петь, возмись за учебу, завтра семинар, – сердито обратился к другу Грант.

– Не могу, не лезет ничего в голову.

– Да что с тобой?

– Сам не знаю. Душа щемит. Только песня меня и успокаивает.

– Завалишь сессию, прекрати дурить.

Грант встал, подошел к столу, начал что-то искать... затем подошел к своей тумбочке, пошарил рукой, слегка нахмурился, обратился к Вачику: «Вачик, ластик не видел?»

– У нас его нет, в прошлый раз Неля забрала для Машеньки.

Грант смутился, опустил глаза, подошел вновь к своему чертежу, внимательно посмотрел на него. – Я напортачил в одном месте и мне нужен ластик.

– Так сходи к ним и возьми.

– Да нет, я лучше схожу в магазин и куплю.

– Тогда придется ехать в «Дзержинку», – заметил Вачик.

– Почему? – Грант посмотрел на друга.

– Только там до восьми работает книжный, там есть раздел канцтовары, если поторопишься успеешь, на моторе быстро.

– Успею. Валя, извини, мне надо уехать, обязательно надо сегодня все доделать, – Грант быстро стал одеваться.

Борис встал, подошел к окну: «Гриш, купи еще ручки, писать уже нечем», – бросил он через спину.

– Куплю. Что еще? До свидания, – Грант быстро вышел из комнаты.

– Хлеба еще купи, – вдогонку крикнул Вачик.

Борис постоял немного, смотря в окно, вдруг вскрикнул, бросил гитару на кровать и выбежал из комнаты.

– Что это с ним? – Валентина удивленно посмотрела на Вачика.

Вачик пожал плечами: – «Не бери в голову, садись чай пить».

Валентина в задумчивости присела за стол.

– А куда это Борис так устремился? – Анна посмотрела на Тиграна.

Тигран соорудил гримасу и пожал плечами.

– Никому неизвестны его шаги, – улыбнулся Тигран, – потом узнаем, может быть.

Мила ехала в рейсовом автобусе, смотрела в окно. Автобус ехал уже по улице Ленина, она встрепенулась, встала и стала проходить к выходу. Через стекло автобуса увидела Наташу Симонову, разговарившую с двумя девушками, на противоположной стороне улицы, напротив остановки.

Выйдя из автобуса, Мила остановилась, поправила одежду и стала переходить улицу.

Увидев ее, Наташа махнула ей рукой. Стоявшие с ней девушки оглянулись, увидев Милу, одна из девушек тут же прекратила разговор, опустила голову и быстро перешла улицу, направилась в «Гастроном». Вторая девушка удивилась неожиданному поведению своей подруги, стала рассматривать Милу и когда та, подходила к Наташе, что—то ей сказала и быстро перебежав улицу, устремилась за своей подругой в магазин.

Мила, улыбаясь, подошла к Наташе: «Привет».

– Привет, дорогая. С учебы?

– Да, с нее родной. Как ты? С матушкой помирилась?

– Да мирись, не мирись, как бухала, так и бухает. Достала она меня совсем, нервы уже не выдерживают.

– Наташ, я понимаю тебя, но все равно держи себя в руках. Не отталкивай ее и не забывай, что она же твоя мать. Кто ей поможет, кроме тебя? У сестры своя семья, свои заботы и живет она не с вами, к вам не набегается с двумя детьми. Одна ты ее надежда.

– Какая надежда? Ты, о чем?

– Надежда на спасение! Ты ее опора! А ты на нее кричишь, отталкиваешь, нельзя же так! В прошлый раз я ушам своим не поверила, когда услышала, как ты кричишь на мать, да еще материлась, как сапожник... Ты же девушка, нельзя так опускаться.

Девушки посмотрели в глаза друг другу.

– Наташ, ты же добрая и сердечная, – тихо продолжила Мила, – напустила на себя образ дьяволицы... гулящей... И что? Зачем тебе это? Про тебя черте что в поселке болтают. Я с отцом чуть не поссорилась из-за этих сплетен про тебя.

– А ты меня не защищай! Пусть болтают, чего хотят, мне наплевать на всех. Мне совершенно все равно, что там про меня говорят.

– Как это не защищать? Я-то знаю, что ты не такая, как о тебе говорят. Нет, я так не могу.

– Ты меня всегда защищала и в школе перед учителями и перед матерью, перед ребятами. Спасибо тебе. Ты единственная добрая душа, – повернулась и порывисто обняла девушку.

Мила смутилась: «Ну что ты, ты всегда можешь на меня рассчитывать, однокашница».

– Одноклассница, – улыбаясь, Наташа смахнула слезу.

– Однокашница! – засмеялась Мила. – Какая разница, что в лоб, что по лбу, от этого суть не меняется.

– Ладно, переменим тему, – усмехнулась Наташа, молча постояли.

– Слушай, Людмил, скажи честно, а что у тебя с Володькой Разуваевым?

– Почему ты спрашиваешь? – удивилась Мила.

– Ну скажи, у вас отношения? Серьезные? Он же тебя провожает в техникум, встречается, говорят чуть ли не каждый день?

– Есть такое, – улынулась грустно, – а что?

– А то, что у него из—за этого проблемы с родителями.

– А почему ты о нем так волнуешься? Он большой мальчик, сам справиться со своими проблемами. Его никто не заставляет провожать и встречать меня.

– И все-таки скажи честно, у вас серьезные отношения?

– Наташка, отстань! Не твое это дело.

– Я спрашиваю не из—за любопытства.

– Правда? – хитро улыбаясь, Мила посмотрела на Наташу, – тогда из—за чего? И с каких это пор Разуваев тебя стал интересовать? Давай, колись.

– Ольгу Мусаеву помнишь? В параллельном «Б» училась.

Мила нахмурилась: «Смутно».

– Она в него влюблена и давно. Очень страдает, – потерла нос и исподлобья посмотрела на Милу.

– Да? – Мила задумалась, – влюблена говоришь... и давно...

– Нет, все знают, что он за тобой давно бегаёт и она тоже знает. Да и он не от кого это сам не скрывает. Но ты, ты—то сама как к нему относишься?

– Это она сейчас с тобой разговаривала и, увидев меня, ушла бегом?

– Ну да, – усмехнулась Наташа, – ты видела?

Мила утвердительно качнула головой: «Понятно. Для нее стараешься?» – усмехнулась Мила.

– Да нет, не стараюсь. Мне на нее наплевать, просто спрашиваю...

– Да не продолжай... Успокой ее. У нас с ним ничего серьезного нет, ни—че—го, кроме школьной дружбы. Не было и нет! Володька замечательный парень, но я к нему ничего, кроме дружеских отношений, не испытываю. Так что у нее есть перспектива завоевать его.

– Ей можно это передать?

– Да. Я же сказала, можешь ее успокоить. Все? Могу идти?

– Ты не обиделась? – смущенно спросила Наташа.

– Нет, все в порядке. С чего мне обижаться. Ты спросила – я ответила, – посмотрела на часы, – слушай, вспомнила, мне надо в книжный и как раз автобус вон идет, успею. Я побежала.

– Давай. Пока, – улынулась Наташа.

Мила перебежала улицу и успела войти в автобус.

В это время из-за угла общежития выбежал Борис и кинулся перебегать улицу, но встречные машины мешали ему это сделать. Он перебежал улицу как раз в тот момент, когда автобус на его стороне тронулся и двинулся в сторону поселка имени Дзержинского.

Борис подбежал к Наташе: «Девушка, извините, вы только что разговаривали с девушкой, такой симпатичной с длинными волосами, где она?»

Наташа слегка опешила, удивленно посмотрела на него: «Да, была... – потом хитро улыбнулась, – была и сплыла».

– Как была? Куда сплыла?

Наташа показала на уходящий автобус: «В автобусе укатила. А зачем она вам?»

– Уехала?! Опять! Опять уехала! Да что ж такое?

– Что значит опять? – улыбнулась Наташа.

– Она все время уезжает на автобусе, а мне она очень нужна.

– А откуда вы ее знаете? И зачем она вам нужна?

– Знаю! – сердито добавил, – не скажу. – запустил руки в волосы, начал делать быстро массаж головы, медленно уходя.

– Ох, какой сердитый! Что ей передать, красавец? – смеясь, крикнула ему в спину Наташа.

Борис оглянулся, посмотрел серьезно на Наташу, вернулся.

– Помогите мне. Где я могу ее найти? Где она живет?

– Ох, как много вопросов.

– Красавица, пожалуйста, помоги мне найти ее.

– А зачем она вам?

– Зачем? Нужна. Очень нужна, не могу сказать.

– Ну если нужна. Ищи и найдешь.

– Где, где искать? Где она живет? – волновался Борис.

– Здесь в поселке, вон... в том доме, – Наташа указала в сторону дома Милы. – Первый дом от ДК на этой стороне улицы, крайний подъезд. В этом парке бывает вечером, правда редко. Так что ей передать?

– Передать? Ничего! Я сам ее найду. Спасибо вам, – воскликнул он. Перешел улицу и скрылся за углом общежития.

– Ох, какой горячий, – Наташа, улыбаясь, смотрела ему вслед.

Мила вышла из автобуса в поселке Дзержинского, огляделась. Посмотрела на старинные стены Николо-Угрешского монастыря. Вдоль стен монастыря расположился небольшой местный рынок, где сидели бабушки, пожилые женщины, продавали свою «продукцию», выращенную на огородах и в своих садах. На площади было не многолюдно. Пройдя автобусную площадь, повернула в небольшой парк, напротив монастыря, шла и думала о разговоре с Наташей. Подойдя к книжному магазину, очнувшись, посмотрела на часы, быстро вбежала по ступенькам крыльца, споткнулась и упала... острая боль пронзила ее, она вскрикнула, закрыла глаза.

В это время из магазина вышел высокий светловолосый парень, воротник его куртки был поднят, под мышкой держал двухтомник Расула Гамзатова. Открыл дверь, сделав несколько шагов, он на мгновение закрыл глаза от неожиданного толчка, замер, прямо ему под ноги что —то свалилось...

Открыв глаза, Мила увидела мужские ноги, поморщившись от боли, ухватила за перила...

Открыв глаза, Грант, а это был он, увидел на ступеньках лежавшую и охавшую девушку...

...Мила, держась за перила, попыталась встать, но не смогла: «Ой, больно, как мне больно», – морщась, тихо произнесла она. Присев на ступеньки, подула на разбитую коленку... достала из кармана носовой платок, начала им вытирать кровь...

Грант, уронив книги, бросился помогать Миле, протянул ей руку...

...Мила подняла глаза и увидела светловолосого, симпатичного молодого мужчину. Их глаза встретились: ее – большие, темно—карие, с длинными ресницами, испуганные глаза; его – голубовато—серые, добрые, выразившие большое удивление... а потом сочувствие.

Грант протянул ей руки: «Девушка, давайте я вам помогу, вам больно?»

– Да, – поморщившись, тихо произнесла Мила.

Он, так же поморщившись, начал ее поднимать.

– Как я свалилась, не пойму... ой... коленку больно, разбила... все порвала... Господи, как мне больно... – стонала она.

Грант поднял ее, ухватив за талию. Мила встала, тихо простонала, зажмурилась, постояла немного с закрытыми глазами. Грант рассматривал ее лицо, улыбнулся, прищурил глаза. Открыв глаза, Мила увидела, что мужчина смотрел на нее улыбающимися глазами, одной рукой он держал ее за талию, а второй придерживал за руку. Их глаза опять встретились, они молча изучали друг друга несколько минут. Их взгляды были очень разными: его глаза излучали теплоту, доброту, улыбались, ее – колючие, веки слегка подрагивали, длинные ресницы почти их прикрывали, были непреступными.

Мила смутилась, у нее появилась легкая дрожь в теле. Она первая отвела взгляд, опустила глаза, поморщилась: «Спасибо вам. Мне лучше. Спасибо, я сама... я сама пойду, – высвободив руку, она увидела на полу, свой портфель и книги. – Книги, ваши книги, мой портфель», – она оглянулась, посмотрев на него и вновь увидела его теплые, улыбающиеся глаза, внимательно смотревшие на нее.

Он молчал и внимательно смотрел на нее, не отводя взгляда.

Мила тихо повторила: «Ваши книги».

Он, очнувшись, поднял все, молча протянул ей портфель.

– Спасибо... еще раз спасибо, – тихо произнесла Мила, взяла портфель.

Прихрамывая, она медленно подошла к двери. Он быстро открыл ей дверь. Она вошла в магазин. Он смотрел ей вслед.

Из двери вышли две дамы, посмотрели на него, на прихрамывающую девушку. Грант смутился, быстро спустился по ступенькам вниз.

За кассой книжного магазина сидела полная пожилая дама, которая обслуживала покупателей и работала за кассой. Когда покупатели спрашивали о наличии какого-либо товара она неохотно, с недовольным лицом вставала и медленно двигаясь от кассы к товару, бормотала: «Почему я должна всех обслуживать и работать за мизерную зарплату».

Мила вошла в магазин, огляделась, поздоровалась с кассиршей, прихрамывая, прошла в раздел «Ноты».

В магазине было мало народу: два подростка в разделе канцтоваров, пожилая дама с маленьким внуком выбирали детские книги, девушка с прыщами на лице в разделе «Поэзия» перебирала книги. Магазин был небольшой, здесь продавались книги, канцтовары, был раздел «Ноты» и рядом с этим разделом в углу, около окна стояло старенькое черное пианино. Пожилая дама с внуком, выбрав детские книжки, подошла к кассе. Пока дама расплачивалась, малыш подбежал к инструменту, открыл крышку пианино и стал долбить по клавишам.

Бабушка обернулась и сердито окликнула внука: «Марк, сейчас же перестать долбить».

Малыш посмотрел на бабушку, скорчил недовольную гримасу: «Хочу играть!» – продолжил бить по клавишам.

Кассирша сморщилась и сердито поддержала бабушку: «Мальчик! Тебе же бабушка сказала, перестань долбить по клавишам».

Мальчик оглянулся, насупился: «Хочу играть! – потом сердито добавил, – а то заплачу! Громко!» – сердито посмотрел на кассиршу и бабушку.

Дамы переглянулись. Бабушка, подняв вверх глаза, прошептала: «Только не это! Пусть немного поиграет, мы сейчас пойдем».

Кассирша поморщилась, взяла деньги и стала отсчитывать сдачу. Мальчик продолжить бить по клавишам.

Мила оглянулась на малыша, с нотами подошла к мальчику, нагнулась и тихо спросила: «Тебя зовут Марк? – Малыш не ответил. Мила тихо продолжала, – на инструменте надо играть не так, а тихо и ласково, клавишам ведь больно, они живые».

Мальчик замолчал, посмотрел на Милу: «Живые?»

– Да. А ты не знал этого?

– Нет. – тихо ответил он.

– Они разговаривают музыкой, ты ведь слышал, как играют на этом инструменте?

– Нет, – все также упрямо ответил малыш.

– Хочешь я тебе покажу, как клавиши умеют разговаривать?

Мальчик широко распахнул глаза и тихо ответил: «Хочу».

Мила села за инструмент и тихо заиграла пьесу А. Моцарта, две клавиши «западали». Малыш смотрел на ее играющие руки широко распахнутыми глазами.

Грант вернулся в магазин, забрал лежавший на окне свой красный шлем, посмотрел в спину сидевшей за инструментом Милы, слушая ее игру, не сводил с нее глаз.

Мила перестала играть, наклонилась к малышу: «Вот видишь эти две клавиши не звучат, как другие, – она показала на две клавиши, – они не звучат, потому что ты сделал им больно, и они перестали звучать, разговаривать с нами. Поэтому нельзя по ним бить, – продолжила играть. – Ты услышал, что они тебе говорили?» – посмотрела на мальчика.

– Да-а.

– Вот и хорошо. Никогда больше не бей по клавишам, потому что им больно. Обещаешь?

– Да-а.

Дамы, улыбаясь, смотрели на Милу и мальчика. Посмотрели на Гранта, задумчиво стоявшего около окна. Грант очнулся и тихо вышел из магазина, забрав шлем.

– Хорошо девушка играет, – тихо сказала бабушка.

– Да, эта девушка к нам часто приходит и играет красиво, – так же тихо с улыбкой ответила толстая кассирша. – Такая молодец, учится в Москве, нам помогает, полы моет и ей за это завмаг разрешает заниматься на инструменте, она музыкальную школу заканчивает. Услужливая такая, воспитанная. – тихо рассказывала, наклонившись к даме, кассирша.

Бабушка, забрав свою сдачу, подошла к внуку, погладила его по голове и с улыбкой сказала: «Спасибо, девушка. Вы хорошо играете. Марк, пойдем, мой хороший, нам пора».

Марк не отреагировал на слова бабушки, стоял и смотрел на инструмент: «Я хочу с ним разговаривать, – тихо сказал он, помолчал немного, обратился к Миле, – тетя, я хочу с ним разговаривать... как ты», – тихо добавил он.

Мила присела перед малышом на корточки: «Если хочешь разговаривать с музыкой, она обязательно отзовется на твой зов. Попроси родителей, только не кричи, а тихо, тихо попроси маму, папу и бабушку, чтобы они отвели тебя в музыкальную школу. Там тебя научат разговаривать с музыкой. Но это будет не сразу. Нужно будет много потрудиться и очень, очень желать, чтобы музыка услышала твоё желание разговаривать с ней. И тогда она обязательно отзовется. Пройдет время и ты услышишь однажды, как клавиши начнут с тобой разговаривать. Запомни это, малыш».

Малыш смотрел на клавиши, потом пальчиком потрогал их.

Мила встала, задумалась, потом опять присела и обратилась к малышу: «Ты запомнил мои слова?»

– Да-а, – прошептал малыш.

Малыш пошел к двери, оглянулся и сказал бабушке: «Пошли, – опять оглянулся. – До свидания, – помахал Миле рукой. – Я запомнил».

Пожилая дама с внуком вышли из магазина.

В небольшом парке посёлка Дзержинского напротив книжного магазина, откуда были видны стены Николо—Угрешского монастыря, на лавочках сидели пожилые люди, одни читали газеты, другие играли в шашки, третьи в домино. Дама с внуком присели на одну из лавочек, стали рассматривать иллюстрации в купленных книжках. Девочки играли в мяч, в игру «вышибалы». Трое молодых парней сидели на скамейке и тихо беседовали, один из них Володя Разуваев. Мотоциклист в красном шлеме стоял при въезде на автобусную площадь.

Из книжного магазина вышла, прихрамывая Мила, в руках она держала ноты и портфель и медленно направилась к автобусной остановке.

Один из парней, увидев ее, толкнул в бок Володю: «Смотри, это твоя Люда?»

Володя посмотрел в сторону, указанную другом, улыбка промелькнула на лице: «Ребята, все, я пошел», – встал, постоял немного с опущенной головой, решив что-то, стремительно направился навстречу Миле.

– Привет. Что с тобой, почему ты хромаешь?

– Привет. Да вот упала, – Мила остановилась, – приехала в книжный, на ступеньках споткнулась и упала.

– Как же так не осторожно, болит? Давай, я тебе помогу, – взял портфель, книгу и ноты, – а это в портфель нельзя убрать? – показал на ноты и книгу.

– Не влезает. А что ты здесь делаешь?

– Да вот, с работы вышли, у отца в гостях были. Присели с ребятами обсудить увиденное и тебя увидели.

Мила посмотрела в сторону ребят, узнала их, улыбнулась и помахала им рукой. Парни помахали ей в ответ.

Володя взял ее под руку: «Облокотись на меня, легче будет. Так нога болит?»

– Болит. Да ничего, спасибо. Вначале было очень больно, а сейчас мне уже легче.

Они медленно шли к автобусной остановке.

– Людмил, давай в субботу в кино ходим.

– Я не смогу, много учебы, да и по музыке много чего надо выучить.

– Ну, пожалуйста, часа 2—3 отдыха и все. Нельзя же все время заниматься, – усмехнулся Володя.

– Володь! – Мила резко остановилась, – именно сейчас надо заниматься, потому что у меня скоро сессия, да и тебе тоже надо поступать в институт.

– Да мне скоро в армию, забыла?

– Ой, забыла, извини.

– Я соскучился по тебе, давай погуляем немного.

– Тебе совсем не надо скучать по мне, я тебе уже не раз говорила об этом.

– Да, помню я, помню все, что ты мне говорила и думал об этом, но это идет помимо меня... я скучаю. Пошли погуляем.

Мила резко повернулась к нему, посмотрела ему в лицо: «Володь, тебе не меня надо приглашать в кино, а Ольгу Мусаеву. Ты знаешь, что ты ей нравишься? И давно, вот кого тебе надо приглашать в кино, вот с кем тебе надо гулять, провожать и встречать. Я тебя очень прошу, услышь меня. Мы с тобой только друзья! Пойми это».

– Да, понял, понял. А разве друзья не могут ходить в кино?

– Могут. Когда есть время, а у меня времени совсем нет для кино... с тобой и долго не будет. Володь, ты хороший парень, но у нас с тобой помимо дружеских отношений ничего не может быть. Услышь меня! Услышь, наконец! Я не хочу с тобой ссориться. Пойми меня и не обижайся. – Она посмотрела ему открыто в лицо. – Спасибо тебе. И не надо больше меня провожать и встречать из техникума. Не трать на меня время. И обрати уже внимание на Ольгу, она хорошая девушка».

Володя грустно усмехнулся, опустил глаза.

Грант, сузив глаза, через стекла шлема смотрел на Милу: около нее стоял молодой парень, опустив голову, чертил что-то на земле мыском ботинка. В руках парень держал портфель, книги. Она что-то убедительно говорила парню, пыталась забрать у него книги, а он их не отдавал, улыбаясь изворачивался, и в чем-то ее убеждал в ответ, она вначале улыбалась, потом начала сердиться.

Мила, наконец, вырвав у Володи книги и портфель, пошла к остановке. Подойдя к автобусу, остановилась, нагнулась и потеряла колено, слегка поморщившись. Вошла в автобус. Автобус тронулся. Володя задумчиво стоял и смотрел вслед автобусу, затем опустив голову, медленно пошел назад в парк, вновь оглянулся. Двое парней наблюдали сцену их разговора, когда автобус тронулся, встали и пошли навстречу другу.

– Что грустный такой? Облом? – спросил один из парней.

Володя грустно утвердительно закивал головой.

Мотоциклист поехал за автобусом.

Автобус из поселка Дзержинского приехал в поселок ТЭЦ-22, остановился на остановке. Мила вышла из автобуса, пошла медленно по тротуару, не успев перейти перекресток, она испуганно остановилась. Дорогу ей преградил мотоциклист в красном шлеме.

– Девушка, как ваше колено? Давайте я вас подвезу до дома?

Мила удивленно смотрела на мотоциклиста, молчала.

– Как ваше колено, болит?

Еще больше удивившись, она попыталась молча обогнуть мотоцикл и пройти.

Мотоциклист ловко преградил ей путь, снял шлем и посмотрел на нее: «Так как ваше колено?» – он улыбался белозубой улыбкой, его серые глаза улыбались.

Мила узнала его, слегка улыбнулась: «Болит».

– Давайте я вас подвезу до дома?

– Спасибо. Не надо, мне совсем рядом идти.

– Вы не бойтесь, я лишь довезу вас до вашего дома.

– Нет, спасибо, я сама дойду.

– Садитесь... я довезу вас до дома и... очень хочу с вами познакомиться.

Ее лицо выразило удивление, глаза расширились, ресницы часто заморгали, она закрыла-открыла глаза: «Ко мне так нагло еще никто не подкатывался».

– Простите, я не хотел вас обидеть. И, по-моему, наглова я ничего не сказал?

– Вот так сесть на мотоцикл к незнакомому мужчине – это вы считаете нормально?

– Нет... – растерялся он, потом улыбнулся, – так давайте познакомимся.

Она молча отрицательно покачала головой.

– Но почему? Давайте познакомимся. Я... очень хочу с вами познакомиться. Я хороший, – он улыбнулся, – и вам понравлюсь.

– Вы так уверены? – удивилась Мила и изменилась в лице, окатив его сверху донизу взглядом с ухмылкой.

– Приходиться, – он пожал плечами, смущенно улыбнулся и тихо добавил. – Я же лидер.

– Лидер? – усмехнулась Мила. – И в чем же?

– В жизни.

– И чего же, лидер, достиг в жизни? Позвольте узнать, – улыбнулась она.

– Всего, чего захочу.

– Вы не внимательны к вопросу. Я спросила, чего вы достигли? А не чего вы достигните?

Лидеру понятна разница вопроса? – она вновь усмехнулась.

– Ну-у, хвастаться ведь не пристало лидеру?

– Согласна. А вы без хвастовства, просто назовите ваши достижения, лидер.

– Достижения они ведь разные, для одного человека это достижения, а для другого нет.

Это в двух словах не скажешь.

– Если вы лидер, значит вы достигли того, чего не достигли другие? Так?

– Нет, не так. На этот раз вы не внимательны к моему ответу. Я же сказал, что достижения бывают разные, для одного человека это достижения, а для другого нет.

– Тогда вы не лидер.

– Почему это? Лидер – это человек, который идет впереди других людей, пользующийся авторитетом товарищей, победитель. Победитель в жизненных ситуациях, которые происходят в моей жизни. Лидеры разные бывают в школе, в городе, стране.

– Согласна. Вот и назовите свои победы?

– Вот так, незнакомому человеку? На улице? Вы считаете это нормально?

– Согласна, не нормально, – она посмотрела на него и засмеялась.

Он, глядя на нее, тоже улыбался плотно сжатыми губами и все так же внимательно смотрел на нее, потом рукой указал на заднее сиденье мотоцикла.

Она медленно отрицательно помахала головой, затем быстро обошла мотоцикл, обернулась, внимательно посмотрела на него: «Прощайте! Свидимся ль еще? Кто знает?» – улыбаясь, сделала реверанс.

– Свидимся обязательно, – улыбнулся он.

– Тогда и пофилософствуем, – улыбаясь, добавила Мила, – в следующий раз, возможно, – пошла к дому.

Он растерялся от неожиданного ее ухода, крикнул: «Подождите».

– До следующего раза, – крикнула в ответ Мила.

– А когда он будет? Когда будет следующий раз?

Она остановилась, спиной к нему, не повернулась.

– Так, когда будет следующий раз? – в спину ей вновь крикнул он.

Она медленно повернулась, улыбаясь, посмотрела на него: «Когда вы сможете перечислить свои достижения... лидер», – медленно и четко произнесла каждое слово, ее глаза смеялись.

Его глаза тоже засмеялись, он, сдерживая улыбку, смотрел на нее. Мила повернулась и, прихрамывая, пошла к своему дому. Грант растерянно смотрел ей вслед.

Он задумался: «Таково быть не может, – подумал он, – как такое может быть? Но, я хорошо все помню...» – тряхнул головой, освобождаясь от своих мыслей, затем медленно поехал за ней по улице, остановился, задумчиво глядя на нее, завернул за угол дома вслед за ней, увидел, как она входила в подъезд дома. Постояв немного, он развернулся и поехал к общежитию.

Глава 4. Виктор

Из подъезда техникума вышли Мила с Ириной.

– Воздух! Здорово! Зачет сдали, можно и отдохнуть. По мороженому? – весело проговорила Ира.

– По мороженому, – согласилась Мила.

Девушки засмеялись, подняли руки и ударили ладошками друг друга.

– Пошли, девчонки уже там заждались, наверное.

Из подъезда техникума вышли две девушки, подошли к Миле и Ирине.

Мила улыбнулась им: «Ну, как все в порядке?»

– Не совсем, – вдохнули девушки, – не сдали. – Обе закурили.

– Как не сдали? – ахнула Ира.

– Завалила, зараза.

– Да ладно вам, Ирина Леонидовна, даже не придиралась, была очень лояльна, – добавила Мила.

– Да прям, лояльна! Зараза она! Это она к вам, к любимчикам лояльна, а нас, простых смертных, просто запросто завалила и все. Теперь ходи к ней на поклон. Думаю, что придется ходить не раз, – вздохнула девушка.

– Ходить надо было на лекции в течении года и тогда было бы все нормально – язвительно заметила Ира.

– Ох, Ох! Отличница, молчи уж.

– Почему это я должна молчать? – вскрикнула Ира.

– Тихо девочки, – Мила взяла Иру за руку. – Ладно, не унывайте, пересдадите, – обратилась она к девушкам. – До свидания. Пошли, – потянула Иру за руку.

– Пока, – ответила одна из девушек.

Вторая промолчала, потом обратилась к подруге с ухмылкой: «А чего ты на нее напала-то?»

– Терпеть не могу эту Ирку, ставит из себя. Толи дело Люда – добрая душа, всегда даст списать, поможет, посочувствует, не то что эта...

– С этим я согласна.

– Ладно, пошли. Опять придется зубрить, черт побери, не проскочили, – девушки, бросив сигареты в урну, пошли к метро.

– Терпеть их не могу, – добавила Ира, немного отойдя от техникума. Девушки шли к кафе-мороженому.

– Тихо. Успокойся. Забудь, – успокаивала подругу Мила.

– Ты права, не буду портить себе настроение, – Ирина поправила свои светлые распущенные волосы, взяла Милу под руку. Девушки, смеясь и беспечно болтая, подошли к кафе.

Мила с Ирой вошли в кафе. Осмотрели почти полный зал, увидели своих подруг.

Татьяна и Надя, сидели за столиком у окна с двумя парнями и весело болтали. Девушки, увидев подруг, переглянулись.

– Во дают, уже с парнями сидят, – воскликнула Ира.

– Может не будем им мешать? – Мила слегка смутилась.

– Еще чего, пошли, – Ира дернула подругу за руку.

– Ирина, да подожди ты, не удобно как-то. Зачем мешать людям, смотри, как им вместе хорошо, какие они веселые. Давай уйдем? ... Пошли, – Мила повернулась назад к двери.

– А мороженое? Хотели же поесть.

– Перестань. На улице купим и поедем.

– Людмил, нет, я не согласна. Договаривались же. Пошли к девчонкам, – Ирина потянула Милу за руку.

– Нет, я не пойду. Иди если хочешь, – нахмурилась Мила.

Мила развернулась и пошла к выходу, войдя в фойе кафе, постояла немного, пошла в дамскую комнату. Выйдя оттуда, подошла к зеркалу, поправила нос, направилась к выходу.

На улице возле кафе стояла Татьяна с молодым парнем, его внешность сразу говорила, что он еврейской национальности.

Стройный, элегантно одетый, с черными, как смоль волосами, с модными большими очками на носу, через плечо болталась сумка. Парень смотрел по сторонам.

– И куда она исчезла? – спросил парень.

– Да вот она, – Татьяна, увидев Милу, пошла ей навстречу.

– Ну ты даешь подруга, ты куда делась? Мы ее ждем, ждем. Виктор же специально приехал на встречу с тобой, а ты бежать решила. Почему к нам не подошла? – набросилась на подругу Татьяна.

Мила, увидев Татьяну, смутилась, не зная, что ответить.

Виктор увидел на ступеньках кафе симпатичную девушку, быстро и внимательно оглядел ее близорукими глазами с ног до головы. Улыбнулся, поправил очки, волосы и пошел навстречу ей, протянул Миле руку: «Здравствуйте, Люда, давайте знакомиться, я Виктор».

– Здравствуйте, Виктор, очень приятно, – медленно и тихо произнесла Мила.

– Это тот самый Виктор, о котором я тебе говорила, режиссер, окончил в прошлом году ВГИК, мой брат, очень хороший человек, – быстро сказала Таня. – Он прочитал все твои работы, которые я ему показала и захотел сам с тобой познакомиться. В этом наши с ним желания совпали. Приехал сегодня специально с тобой познакомиться. Спе—ци—аль—но, а ты убегаешь, как маленькая капризная девочка, – продолжала словесную тираду Татьяна.

Мила часто заморгала глазами, сглотнула слюну, расширила глаза: «Из—ви—ни—те, – по слогам протянула она, – я же не знала».

Таня хотела ей что—то возразить и уже открыла рот, но Виктор встал перед ней: «Танюш, Танюш, успокойся, пожалуйста. Все же в порядке».

– В порядке... а если бы мы ее сейчас не встретили? А завтра ты улетаешь и что было бы, когда бы состоялась эта встреча? Я же о ней беспокоюсь...

– Если, да кабы, выросли грибы... Все же в порядке. Я ведь тоже неожиданно приехал для Люды. И чего ты так завелась? На тебя это совсем не похоже, сестренка, всегда такая спокойная, а тут такая словесная тирада. Все в порядке, мы познакомились. Ты молодец, – Виктор с улыбкой обнял Таню.

– А теперь, иди, – тихо добавил он ей на ушко.

Татьяна глубоко вздохнула—выдохнула, опустил глаза, немного постояла молча.

– Ты прав. Я свою миссию выполнила, вас познакомила. Дерзай, – и прошептала ему на ухо. – Повторяю она большая умница, но жутко в себе не уверена, – посмотрела на него, – смотри ее не обижай, убью!

– Ни за что! – Виктор опять обнял ее. – Пока.

– Пока, – Татьяна улыбнулась, подмигнула ему. Подошла к Миле: Свое дело я сделала, вас познакомила. Пошла доедать свое мороженое.

– Танюш, ну извини меня, не сердись. Я же не знала ничего, – сделала расстроенную гримасу. – Я ушла, потому что думала, это ваша личная встреча с парнями, я просто не хотела вам мешать, вот и все... Из чувства вежливости.

– Ну да, ну да, хорошо Ира тебя не послушала. Понимаешь он завтра уезжает, неизвестно на сколько, а времени итак мало осталось. Ладно, все выяснили. Я пошла. Пока.

– Ну ты не сердись больше? – Люда взяла ее за руку.

– Да нет! Я не могу на тебя долго сердиться, – улыбнулась Таня, девушки обнялись. – Ну пока.

– Пока, – Мила посмотрела подруге вслед, которая быстро вошла в кафе, потом повернулась к Виктору: Что теперь?

– Теперь вы сядете в машину, и мы поедem ко мне домой.

Увидев удивленный взгляд Милы, он улыбнулся, поправил на переносице очки: «Да, да, ко мне домой. Нам о многом с вами надо поговорить и не спорте со мной! Я теперь беру над вами шефство».

– Какое шефство?

– Люда, я прочитал ваши работы и ваш дневник. И, по моему мнению, и как я знаю не только, по-моему, вам надо поступать... впрочем, мы с вами это обсудим, куда вам надо поступать. А для поступления в любой Вуз надо готовиться, и я готов вам в этом помочь, – они подошли к его машине, – вы согласны?

– Я? Все так неожиданно. Учиться я готова. Я согласна.

– Вот и хорошо. Садитесь, сударыня, – он открыл ей дверь.

– Спасибо, – Мила села в машину.

Виктор осторожно закрыл дверь, обежал машину и сел за руль машины: «Люда, пристегнитесь».

Мила не сразу нашла ремень. Виктор посмотрел на нее, молча помог пристегнуться, сам пристегнулся, поправил зеркало: «Вот так, порядок. Поехали. У нас мало времени».

Машина тронулась. Они некоторое время ехали молча.

– Люда, давай на «ты», тем более я старше вас, вы ведь ровесницы с Танюшкой, вы не против?

– Да. Конечно.

– Итак, ты определилась куда хочешь поступать?

– Нет, пока.

– А к чему тебя «тянет»?

– Мне нравится выбранная мной профессия.

– Библиотекарь?

– Да. А что не так?

– Да нет, но ведь после техникума надо дальше учиться, получать высшее образование, ведь так?

– Так.

– Но в какой Вуз поступать еще не определилась?

– Нет, не определилась.

– Познакомившись с твоими работами, могу определенно сказать, что у вас есть способности к писательству.

– Я как – то всерьез это не воспринимала и не воспринимаю. Когда пишу, как-то само все ложится на бумагу.

– Это хорошо, что легко. Твои сочинения, как и дневник, читаются легко и с интересом. А по твоему дневнику я бы поставил фильм, – Виктор посмотрел на Милу.

Она расширила глаза и посмотрела на него.

– Да ладно вам! Не преувеличивайте...

– Я ничего не преувеличиваю. По дневнику легко написать сценарий и получится интересный фильм для молодежи, там самое главное есть – интересный сюжет. Ты с юмором, твои мысли о братьях добрые, читал и смеялся. У тебя интересная жизнь была, не скучная.

– Это да, – с улыбкой заметила Мила.

– А с этими братьями ты поддерживаешь сейчас связь, хоть с кем—то из них?

– Нет... Средний брат сейчас в армии.

– Пишет?

– Да.

– А старший, что музыкант... ну, который играл на кларнете? Неужели, так все и закончилось, когда вы уехали из деревни? Не может этого быть.

– Нет.

– Что нет, не понял?

– Виктор, вы любопытны, мне и не хочется говорить о них.

– Почему? Остались какие—то чувства?

– Нет, никаких чувств не осталось. Это было детство.

– 15-16-17 лет это не такое уж и детство.

– Если уж точно воспроизводить события жизни, то 14-15-16 лет, в прошлом году я не ездила туда. Старший брат писал, объяснялся в любви, но я решила порвать с ними, не должны братья ссориться из-за одной девушки... ничего хорошего из-за этого не получится ни у кого.

Виктор опять внимательно посмотрел на нее близорукими, с прищуром, глазами. Помолчали.

– Вот, что я подумал, – нарушил молчание Виктор, – я постараюсь твои работы показать одному очень уважаемому человеку, другу моего отца. Он преподает во ВГИКе на сценарном факультете, его мнение будет нам очень важно для выбора дальнейшего пути. Как ты на это смотришь?

– На сценарном? Вы сказали показать преподавателю сценарного факультета ВГИКа? А зачем мне сценарный факультет?

– Как зачем? Поступать.

– Мне? Мне? Я чего-то не понимаю... Да вы что?

– Ничего, а в чем дело? Почему такая реакция?

– Какая реакция?

– Реакция такого удивления... да нет, точнее реакция испуганного ребенка.

– Сценарный факультет, с ума сойти! Нет, вы издеваетесь, остановите машину, остановите, я выйду. – Мила начала отстёгивать ремень. – Остановите! – закричала она.

Виктор остановил машину, посмотрел вперед, на дорогу, его дыхание перехватило от злости, закрыл глаза, постарался справиться со своим состоянием. Справился.

Мила уставилась в одну точку, смотрела широко распахнутыми глазами, ее длинные ресницы подрагивали. Он также смотрел в одну точку – на нее. Прошло несколько минут.

– Так, успокоились, успокоились, – он медленно гладил себя по груди, – вдох—выдох, фу, вдох—выдох, фу, – посмотрел на Милу. – Слушай меня внимательно, вни—ма—тель—но, потому что ты меня не услышала. У тебя есть способности писать, писать интересно и это тебе дается легко. И это здорово, понимаешь здорово. Эти способности надо развивать, учиться дальше в этом направлении, но куда поступать, в какой Вуз надо определиться. И я хочу просто показать твои работы знающему, большому профессионалу в этой области, человеку или компетентным людям, они посоветуют и все. Чего ты так испугалась?

– Не знаю, а это удобно? – уже спокойно спросила Мила.

– Не знаю, но буду просить отца.

– Может тогда не надо?

– Да нет, я думаю надо... Попытка не пытка. Будем пытаться пробиться к занятым и уважаемым людям. Итак, решено? – повеселев спросил Виктор, посмотрев на совсем притихшую девушку. – Да ты совсем напугалась я вижу, так не годиться! Будь смелее и тогда все получится, – приободрил Виктор.

– Я не знаю, что сказать, для меня все это так неожиданно.

– В жизни часто главное начинается с неожиданного.

Дальше они ехали по Москве спокойно и молча, каждый думал о своем. Машина подъехала к старому «сталинских» времен дому. Виктор остановил машину, вышел из машины, открыл дверь и протянул руку: «Приехали. Выходим. Как ты?»

– Все в порядке, – Мила вышла из машины, осмотрелась по сторонам, посмотрела на дом. – Может я здесь подожду?

– Не понял?

– Ну я здесь подожду, а вы мне книги вынесите.

– Вынесите... а какие книги тебе нужны, я ведь еще не знаю, мы должны с тобой поговорить, чтобы понять, что нужно тебе прочитать. Так?

– Так, – не смело произнесла Мила.

– Пошли и перестань бояться, я ничего тебе не сделаю, очуметь можно с тобой, девушка, пошли. – Они вошли в подъезд дома.

Виктор и Мила вошли в квартиру.

– Раздевайся. Я быстро поставлю чайник.

Виктор быстро разделся, быстрой походкой пошел на кухню, оглянулся: «Люда, будь посмелее, успокойся, я же сказал никто тебя не тронет и не обидит. Да мне и некогда, дел еще полно. Иди в большую комнату, осмотришь там».

Виктор вошел на кухню. Постоял немного, усмехнулся, поправил очки, подошел к раковине помыл руки, вытер полотенцем. Открыл крышку самовара, налил из стоявшего на столе кувшина воды, воткнул вилку от самовара в розетку. Подошел к холодильнику, открыл его, достал сыр, ветчину, фрукты, сливочное масло, холодное вареное мясо. Помыл фрукты. Быстро начал делать разнообразные бутерброды.

Мила робко вошла в большую, с двумя окнами, комнату, в углу стоял большой черный рояль. Увидев инструмент, она сразу изменилась в лице, улыбнулась, подошла к роялю, начала рассматривать его, поглаживая его поверхность. Открыла медленно крышку рояля и одной рукой тихо наиграла мелодию. Звук ей понравился, она осторожно, не смело присела на стул и заиграла пьесу Вагнера. Квартиру наполнила красивая музыка.

На кухне Виктор приготовил много разных бутербродов, положил их на большое блюдо, поставил на стол салфетницу с салфетками, красивые бокалы, достал чайные ложки, заварил в маленький чайник чай. Услышав музыку, он застыл... подошел к большой комнате и незаметно заглянул в нее, поправив на носу свои большие очки.

В комнате Мила сидела за инструментом и тихо играла. Виктор какое-то время смотрел на нее, потом тихо подошел к инструменту, пододвинул ногой пуф, присел на него, посмотрел несколько минут на играющие руки девушки и незаметно подхватил мелодию. Он играл тихо и спокойно, и музыка зазвучала совсем по-другому в четыре руки. Мила удивилась, увидев рядом с собой играющего Виктора, сбилась, остановилась и смотрела, как Виктор продолжал играть. А он, закончив играть одну пьесу, играл другую, сыграв еще одну пьесу он остановился, посмотрел на Милу.

– Красивая музыка. Ты хорошо играешь. – Мила смотрела на его играющие руки, – а вот мне до такой игры далеко.

– Музыкальная школа при консерватории, мама хотела, чтобы я дальше пошел учиться, поступил в консерваторию и стал пианистом, как она. Но это не мое, нет, я люблю музыку, но только играть для себя, что и делаю, особенно когда мне плохо или очень хорошо. Меня захватил кинематограф, и я с другом поступил во ВГИК и успешно его закончил. – Он посмотрел в ее широко открытые глаза, поправил очки. – Вот так. Ну, а ты? Таня сказала, что ты заканчиваешь вечернюю музыкальную школу?

– Так точно, вечернюю, я поздно начала учиться, в 12 лет. В 13 поступила в вечернюю музыкальную школу. Не было возможности, родители не могли платить, да еще инструмент

такой дорогой надо было покупать. Родители долго копили и только полгода назад смогли купить, да и то в кредит.

– Полгода? А как же ты четыре года занималась, где?

– Занималась и до сих пор продолжаю заниматься везде, где только можно – в ДК, в музыкальной школе, если свободные классы, в книжном магазине, после закрытия магазина.

– Не понял? Как в книжном магазине?

Она грустно улыбнулась: «Вот так. У нас в соседнем поселке Дзержинского, это в 10 минутах езды от моего дома, есть небольшой книжный магазин и там в углу стоит старый инструмент. Вот там я и занималась и сейчас иногда занимаюсь, когда дома нет возможности заниматься... За это я помогала им, мыла и мою полы. Там наша соседка, мы с ней давно знакомы, жили в одном доме раньше, теперь соседи по дому, так вот тетя Зина, там работает уборщицей на пол ставки, пол ставки они экономят на мне. Всех все устраивает. Обещали потом платить эти пол ставки. Так, что будут хоть какие-то деньги».

– Когда же ты все успеваешь, ведь еще учеба?

– Да успеваю. Как все студенты во всем мире, кручусь.

– С ума сойти! Такое желание было заниматься музыкой?

– Да. Очень большое было желание с пяти лет, музыка мне снилась по ночам, и я все время играла, воображая, что я играю на инструменте, – показала, как играла на инструменте, – у меня из-за этого хорошая гибкость пальцев.

– Да, у тебя длинные пальцы, хорошая гибкость, и у тебя красивые руки... у тебя действительно красивые руки, – он взял ее руку и стал рассматривать.

Мила смутилась, высвободила руку: «Мне говорили об этом. Можно я посмотрю эту стопку нот?» – указала на стопку, лежавшую на инструменте.

– Смотри, конечно, а я пойду доделаю нам бутерброды к чаю. Будешь? Ведь ты так и не успела сегодня пообедать, правда?

– Правда. Буду с удовольствием, – с улыбкой ответила она.

– Вот и хорошо, скоро все будет готово.

Виктор встал и быстрой походкой пошел на кухню. Там уже кипел во всю самовар, он подбежал, быстро выдернул из розетки вилку. Посмотрел на стол, поставил тарелки, положил две вилки, на блюдо уложил сделанные бутерброды, разрезал на четыре части помидоры, посмотрел на них, подумал, посолил и поперчил их. Затем разрезал на две части огурцы, посолил, положил на другую тарелку. Подумав, подошел к холодильнику и достал баночку оливок, открыл банку, слил воду и положил их к огурцам, посмотрел на свое кулинарное, сервировочное произведение, поморщился и переложил оливки в маленькую вазочку.

Зазвенел телефон, Виктор машинально схватил трубку, приложил к уху, придерживая трубку плечом, продолжал перекладывать оливки в вазочку: «Алло, слушаю... привет... ко мне? Зачем? Нет, нет... я не могу, я очень занят. Да брось ты... Да не выдумывай», – в трубке звучал приглушенно раздраженный женский голос... он поморщился и аккуратно положил трубку рядом с аппаратом. Поставил вазочку на стол.

Музыка вновь наполнила красивой мелодией квартиру.

Виктор оторвался от стола и прислушался, взгляд его упал на телефонную трубку, он тихо подошел к телефону, наклонился – женщина продолжала раздраженно что-то говорить – он опять поморщился, тихо отошел, оставив трубку лежать на том же месте.

В дверь позвонили. Виктор посмотрел на часы, побежал к входной двери. Мила, услышав звонок, перестала играть, напряглась. Осторожно закрыла крышку рояля, встала и начала смотреть стопку нот.

В комнату вошел Виктор: «Что притихла? Почему перестала играть? – Мила смущенно пожала плечами. – Расслабься. Все нормально, сосед передал отцу новые журналы. Ты играешь опять Вагнера? Любишь его музыку?»

– Мой педагог мне эту любовь привила, она его любит и дает все время его разучивать, так втянулась, а потом почувствовала всю красоту его музыки, меня она очень трогает.

– Понятно. Мы с тобой еще поиграем. А сейчас пошли перекусим, жутко кушать «хотца», – он улыбнулся, поправил свои большие очки на переносице, – пошли, я все приготовил. – Устремился быстрой походкой в кухню.

Мила пошла за ним, войдя, осмотрела просторную, уютную кухню, посередине которой стоял круглый стол, накрытый яркой красивой скатертью. На столе стояли чашки и тарелки с бутербродами, овощами...

В дверь опять позвонили.

– Садись за стол, наливай чай. Я сейчас, – Виктор быстро вышел. Послышались тихие голоса.

Мила медленно пошла вдоль кухонного гарнитура, рассматривая его, проходя мимо, задела рукой телефон, оглянулась и увидела около телефонного аппарата лежавшую на столешнице кухонного стола трубку. Взяв ее, она послушала, там кто-то плакал, она удивилась.

– Алло, вы плачете? Алло, – пожав плечами она опять послушала, – алло ... – в трубке раздались гудки, послушав, она положила трубку на телефонный аппарат.

Подошла к столу налила из заварного чайника чай. Оглянулась и подошла к раковине, помыла с мылом руки. Поискала глазами полотенце и начала быстро прибираться на кухонном столе, где готовил Виктор.

Виктор вошел на кухню и увидел, как ловко Мила убрала все на столе и вытирала столешницу стола.

– О! Здорово у тебя это получается, все уже чисто.

– Только вот не знаю куда мусор выбросить.

Он подошел, приоткрыл дверцу стола: «Вот ведро».

Она выбросила мусор, сполоснула руки: «А полотенце?»

Он показал на полотенце, висевшее на крючке, она вытерла руки.

– Виктор, там по телефону кто-то плакал, женщина или девушка, – смущенно произнесла Мила, оправдываясь, – я нечаянно задела лежавшую здесь трубку и услышала, спросила алло, алло, там молчали и потом пошли гудки, я положила трубку.

– Плакал? Да нет, вряд ли, тебе показалось. Не бери в голову. Давай, наконец, перекусим и поговорим.

Они подошли к столу.

– Я налила заварку. А кипяток? Чайника не вижу.

– Чайника нет. Есть самовар, горячий еще, не остыл.

– Он работает? Я думала это сувенир, такой красивый.

– Нет, не сувенир, из него пьют чай. Это подарок отцу.

– Чудо какое, никогда не видела такого красивого самовара.

Мила с интересом рассматривала роспись на самоваре. Затем налила в бокалы кипяток.

Виктор взял бутерброды, положил их один на один: «Это сложные бутерброды, ты такие ешь?»

В дверь опять позвонили. Они переглянулись.

Виктор, вздохнув, встал: «Мы сегодня с тобой чай попьем? Нам определенно не дают перекусить, что же это такое? Не буду открывать».

В дверь опять позвонили, два коротких и один длинный звонок. Виктор прислушался: «О! Это свои, тогда открываю!»

Быстро встал, жуя бутерброд, вышел.

Из прихожей слышались голоса: «Тетя Глаша, это вы, здравствуйте».

– Витенька, ты жуешь в сухоматку, я же не готовила на сегодня. Мама твоя сказала, что ты уедешь на дачу. А родители сегодня будут ужинать в Доме кино и придут поздно.

– Тихо, тихо, тетя Глаша, я не один.

– Опять гости, Витя?

Голоса замолчали, слышался не разборчивый шепот, что-то упало. Раздался телефонный звонок.

Мила вздрогнула, посмотрела на телефон, звонок повторился и замолчал. Она встала и подошла к телефону.

Из коридора слышался голос Виктора: «Соломон Израилевич, добрый вечер, рад вас слышать. Как вы себя чувствуете?»

В кухню вошла не высокого роста, с пучком седых волос, пожилая, полная, аккуратно одетая женщина. В руках она держала сумки с продуктами. Увидев Милу, она, изучающим взглядом, посмотрела на нее.

– Здравствуйте, – робко произнесла Мила, – давайте я вам помогу, вам тяжело, – быстро подошла и взяла сумку. – Ой, какая тяжелая! – поставила сумку на кухонный стол, быстро вернулась, взяла вторую сумку, поставила рядом с первой, обернулась к тете Глаше, – я правильно поставила их сюда?

Тетя Глаша молча продолжала стоять на том же месте, на лице появилось выражение удивления.

Мила смутилась: «Я что-то не так сделала? Я не туда поставила сумки? Скажите куда, я переставлю».

Тетя Глаша вышла, наконец, из оцепенения: «Да нет, все так. Здравствуйте».

– Здравствуйте, я Люда... Людмила.

– Будете с нами пить чай? Мы вот только присели, хотели попить чай, – смущенно произнесла Мила. – Если вы не против?

– Против? Я? Да пейте на здоровье, только...

В кухню быстрой походкой вошел Виктор, посмотрел на дам. Мила стояла около кухонного стола, придерживая рукой вывалившиеся из сумки продукты. Тетя Глаша стояла у входа на кухню.

– Это моя гостя Люда.

– Мы уже познакомились. Витенька, что же вы едите? В холодильнике нет же ничего, опять в сухоматку?

– Все нормально. Я бутерброды сделал, вон сколько, овощи, нам хватит.

– Ты же весь день, небось, голодный, разве бутербродами наешься? Я же не знала, что ты дома будешь и что у тебя гостя будет, я бы приготовила еды.

– Да все нормально, я же сказал, тетя Глаша, все нормалек. Спасибо за продукты. Вы идите, идите, нам очень нужно с Людой поговорить, у нас важные дела еще. – Виктор взял тетю Глашу за плечи, повернул к двери, подмигнул ей и осторожно начал толкать ее к выходу.

Тетя Глаша, поняв его, посмотрела с улыбкой и так же подмигнула ему, затем подняла большой палец руки, качнув головой в сторону Милы, отстранилась от него, посмотрела на Милу и с улыбкой произнесла: «Очень приятно было с вами познакомиться Люда—Людмила, угощайтесь, чем бог послал, до свидания, пошла я, – обернулась, – а продукты в холодильник положите, если вам не трудно».

Мила смущенно продолжала стоять около кухонного стола с сумками продуктов, придерживая их: «Хорошо. Все положу, не волнуйтесь. До свидания».

Тетя Глаша посмотрела одобрительно на Виктора: «Хорошо. Ну я пошла».

Виктор с тетей Глашей вышли. Мила посмотрела на продукты, не зная, что делать, посмотрела на дверь, за которой были слышны тихие голоса хозяев квартиры. Подошла к столу, положила в рот кусочек огурца и подошла к окну.

К дому Виктора подъехало такси. На переднем сиденье крашеная блондинка, с длинными, прямыми волосами, нервно курила. Было видно по ее внешнему виду, что девушка недавно плакала, макияж «поплыл», лоб, нос блестели, тушь на глазах была размазана, губы небрежно накрашены и смазаны. Яркая помада на больших губах делала ее старше своих лет, на вид ей было лет 27. Брючный костюм из дорогой ткани синего цвета, обтягивающий ее стройную фигуру, красивая куртка на распахку, модная сумка на плече, красивый маникюр, говорили о том, что девушка из состоятельной семьи. ИНГА – так звали девушку, была расстроена, нервно курила сигарету.

– Остановите, вон у того подъезда... да, да у этого.

Машина подъехала к указанному подъезду.

Инга выбросила в открытое окно сигарету, расплатилась с водителем, небрежно кинула: «Сдачи не надо».

Водитель поблагодарил, убрал деньги. Инга продолжала сидеть в машине. Вновь нервно закурила сигарету. Молчала и курила. Водитель терпеливо ждал, поглядывая на нее, когда пассажирка выйдет из машины.

Докуривая вторую сигарету, Инга посмотрела на окна дома, увидев свет в нужных окнах, тихо произнесла: «Свет, значит дома, значит так... ладно, посмотрим, чем ты занят».

Она открыла, наконец, дверцу машины, решительно бросила сигарету на мостовую, вышла из машины, хлопнув дверью, тихо с ухмылкой произнесла: «Ну, что ж, посмотрим, посмотрим какие у вас важные дела. Не ждали? А я – вот она». – Постояла немного, раздумывая, сузив глаза... потом решительно шагнула к подъезду дома.

– Господи! Наконец! Ну и ну, – водитель, посмотрел через стекло вслед пассажирке, машина отъехала.

Виктор и Мила, сидя за столом, громко смеялись.

Мила салфеткой вытерла глаза: «Ты прямо кладец анекдотов и так смешно их рассказываешь, молодец», – смеясь, она смотрела на Виктора.

Виктор, улыбаясь, смотрел на нее: «Я рад, что тебя рассмешил и что у тебя настроение поднялось. У тебя необычные глаза, а ресницы, такие длинные, они настоящие? Или приклеены?»

Мила удивилась: «Ты чего? Как приклеены? Это мои».

В дверь позвонили.

Виктор посмотрел на часы: «Кто это? – нахмурился. – Я никого не жду. Сегодня день звонков... Я сейчас», – встал и направился к двери.

– Мы же все обсудили. Мне пора ехать. Я засиделась.

– Не волнуйся, я тебя отвезу, – на ходу ответил Виктор.

Мила начала собирать со стола, быстро помыла тарелки, бокалы. Убрав со стола, поправила скатерть, рассматривая ее.

В прихожей послышалась женская брань: «Это как называется? Нет, ты мне скажи, как это называется?»

– Что? Тише, тише... Инга, не распаляйся, тише ты... – голос Виктора звучал растерянно и тихо.

– Что? Он еще спрашивает, что... мы с тобой договорились ехать на дачу, я все приготовила, договорилась с водителем, а ты, в последний момент вдруг даешь по тормозам и не приезжаешь. И какие это у тебя дела вдруг образовались?

– Да что такое? Перестань кричать... – возмутился Виктор.

– Как это перестань? А почему ты меня держишь в прихожей?

– Прекрати истерить. До завтра... я говорю тебе до завтра... – послышалась какая-то возня, потом быстрые шаги каблучков.

Мила подошла к окну. В кухню влетела разъяренная Инга, лицо блестело, глаза сверкали, губы дрожали.

– Вот какие у нас важные дела оказываются. Ты кто?

– Здравствуйте, – увидев девушку, тихо произнесла Мила.

– Ты оглохла? Я спросила – ты кто? – резко спросила Инга.

Виктор, задержавшись в коридоре, быстро вошел вслед за Ингой, посмотрев на девушек, оценил ситуацию: «Это Инга, – посмотрел на Милу, – а это Людмила, – подошел к ней и тихо сказал, – прошу, будь только спокойна с ней».

– Я все поняла, не волнуйся, – так же тихо ответила Мила.

Позвонил телефон.

– Господи! Что за день? – воскликнул Виктор, схватил трубку.

– Алло, слушаю, – чуть ли не крикнул он, – да, да... привет. Да, завтра улетаю... да...

Мила вышла из кухни, вошла в комнату, взяла стопку книг, лежавшую на стуле и начала их запихивать в свой портфель.

В комнату вошла сердитая Инга.

Мила улыбнулась, внимательно, прищурив глаза, посмотрела на нее твердым взглядом: «Извините, у вас нет какой-нибудь свободной сумки или авоськи, а то вот книги не помещаются?»

– Ты мне не ответила, кто ты?

– А ты кто? – резко ответила Мила.

– Что? – воскликнула Инга.

– Сколько отрицательных эмоций, они не красят твое лицо, кстати, посмотри в зеркало, оно все блестит, как блин на сковороде. Успокойся, Виктор мой репетитор, только и всего.

– Репетитор? – удивилась Инга.

– Да, я его ученица, он готовит меня в институт. А что ты так нервничаешь? – усмехнулась Мила.

Инга рассеянно присела на диван.

– У вас красивые волосы и красивое имя Инга. И вы такая красивая, только сердитая почему-то и это очень портит ваше лицо. Вы его девушка? Я поняла. Так его никто у вас не собирается отнимать. Пока его нет, лучше приведите свое лицо в порядок и явитесь перед ним в новом облики – красивой и спокойной.

Инга смотрела на нее обезумевшими глазами.

– Воды хотите? – спокойно спросила Мила.

Девушки смотрели друг на друга: одна – злыми, безумными глазами, вторая – спокойными, с прищуром глазами. Потом их взгляды изменились, под твердым, спокойным взглядом Милы, Инга как-то вдруг успокоилась и тихо ответила: «Да».

Мила вошла в кухню, взяла чашку, налила из заварного чайника заварку, потрогала самовар и налила из него воды. Виктор, продолжая разговаривать по телефону, наблюдал за Милой: – «Я не знаю, что сказать тебе сейчас по этому вопросу. Я должен обдумать твое предложение, не скрою оно мне интересно», – вопросительно посмотрел на Милу.

Она подмигнула ему и показала жестом, что все в порядке, вышла с чашкой в руках.

Виктор продолжал: «Нет, сейчас я не могу сказать ничего определенного. У меня сегодня изменились обстоятельства. Да... да... еще есть время, я обдумаю твое предложение, я уже сказал, после возвращения дам свой ответ. Да... До свидания».

Виктор положил телефонную трубку, задумался. Прислушался, снял очки, протер стекла, потер переносицу. Вдох-выдох, уф! Вдох-выдох, уф!...

Виктор осторожно вошел в комнату. Инга сидела на диване и с улыбкой смотрела на Милу, которая сидела за инструментом и наигрывала тихо «Черного кота». Он с удивлением посмотрел на девушек.

Мила, увидев его, вскочила со стула: «Все? Вы освободились? Мне пора ехать. Уже поздно, родители будут волноваться. Вы не проводите меня?»

– Конечно, – Виктор удивленно посмотрел на Ингу.

– Мне нужна какая-нибудь сумка, книги не помещаются в мою, – виновато попросила Мила.

– Сумку? Конечно, сейчас дам, – Виктор с удивлением смотрел на девушек, вышел из комнаты.

Мила подмигнула Инге, та улыбнулась и подмигнула ей.

Вскоре девушки сидели на заднем сиденье машины, тихо вели беседу. Виктор посматривал на них через зеркало.

– Инга, твой дом, – тихо произнес Виктор.

– Уже доехали? Так быстро? Ну, что ж, Люда, было приятно с тобой познакомиться. Ты, уж меня извини, – тихо произнесла она.

Услышав извинения Инги, глаза Виктора расширились, очки слегка сползли на переносице, он молча поправил их.

– До свидания, Инга, – Мила улыбнулась, затем нагнулась и что-то прошептала ей на ушко.

Инга тихо ей ответила, потом обратилась к Виктору: «Виктор, до свидания. Я завтра позвоню?»

– Как хочешь.

Инга вышла из машины, помахала рукой Миле, та ей ответила тем же движением руки. Машина тронулась, отъехав немного, остановилась.

Виктор оглянувшись, с расширенными глазами посмотрел на Милу: «Что это было? Людмила, что ты с ней сделала? Ты ее укротила и так быстро, каким образом ты это сделала? Я глазам своим не верил!»

Посмотрев друг на друга, они рассмеялись.

– Уметь надо, – кокетливо произнесла Мила, – поехали.

– Пересядь ко мне на первое сиденье, пожалуйста, – протяжно попросил он.

Мила с улыбкой, быстро вышла из машины и пересела на переднее сиденье: «Поехали. Уже поздно».

– Расскажи, как все было.

– Сек—рет, – таинственно и протяжно произнесла она, добавила, – да что было? Ничего не было, – засмеялась Мила.

– Нет было, как ты так быстро смогла Ингу успокоить, да еще расположить к себе. Я ее знаю несколько лет и знаю, что успокоить ее не так—то просто.

– Значит, ты плохо ее знал. Вот и все! Факт же на лицо! Так? —улыбнулась она.

– Так! Но как? Как ты смогла так быстро, даже волшебю, пока я разговаривал по телефону, за несколько минут ее привести в чувство? И не только успокоить, но и расположить ее к себе. Вы ворковали на заднем сиденье, словно старые подружки, это просто удивительно! Я глазам своим не верил. Ну, расскажи!

– Любопытной Варваре, на базаре нос оторвали. Смотри лучше на дорогу, нам еще до моего дома надо добраться.

– Доберемся, не беспокойся. Я вожу машину больше 10 лет. Значит секрет свой не расскажешь?

– Так если я расскажу, то это будет уже не секрет, на то и секреты, чтобы их не рассказывать всем. Так?

– Так. – Виктор посмотрел на Милу. – Слушай, почему мне так легко общаться с тобой? Такое впечатление, что мы с тобой знакомы тысячу лет, – он вновь посмотрел на нее.

– Не надо заблуждаться. Напоминаю – мы познакомились с тобой сегодня и на этом настояла Татьяна.

– Да помню я, что сегодня... только я говорю о своих чувствах.

– Не надо! – сердито отрезала Мила.

– Что? – тихо спросил Виктор.

– Не надо говорить ни о каких чувствах, надо спокойно смотреть на дорогу, – посмотрела на него. – На дорогу и все.

– Смотрю я, смотрю, – вздохнул Виктор, помолчав, задумчиво добавил, – женская логика, наверное, создана для того, чтобы офигела мужская психика... ничего в женщинах не понимаю.

Мила посмотрела на него внимательно, улыбнулась: «Ты хорошо сказал, мне понравилось, надо запомнить твои слова».

Дальше ехали молча, Виктор включил радио, машину наполнили звуки ритмичной музыки. Он время от времени посматривал на Милу. Машина подъезжала к поселку ТЭЦ-22.

Мила смотрела в окно, встрепелась: «Теперь налево, а теперь направо и прямо».

Проезжая мимо Дворца культуры поселка, который был весь в огнях, они услышали музыку, смех, молодежь отдыхала.

– О! Молодежь веселится, это что, ДК? Наверное, танцы мансы-обжимансы?

– Да. Это наш дворец культуры, сегодня вечер танцев.

– А ты ходишь на эти вечера танцев?

– Редко, сейчас совсем некогда.

– Значит приехали? Никогда здесь, в Люберцах, не был.

– Это не Люберцы. Это поселок ТЭЦ-22, а чуть дальше поселок Дзержинского и там старинный Николо-Угрешский монастырь, построенный еще в 1380 году.

– Монастырь? Как интересно, поехали посмотрим?

– Ты серьезно?

– Да. – Виктор посмотрел на нее.

– А ничего, что ночь на дворе? И тебе завтра уезжать, забыл?

– Нет, не забыл. Ну еще не ночь, нет еще двенадцати даже. Еще впереди ночь и завтра день, я улетаю вечером.

– Нет. Никуда мы не поедem, мы ничего не увидим в темноте.

– Ну я очень хочу посмотреть монастырь. Поехали.

– Витя! Значит так, уже поздно, мы ничего там сейчас не увидим. И я устала, я сегодня с пяти часов утра на ногах.

– Сегодня же пятница, завтра вы не учитеcь, и ты выспишьcя, а за меня не беспокойcя, я все успею.

– Нет. Сегодня никуда не поедem. В следующий раз я тебе все покажу и расскажу. После твоего возвращения. Хорошо? – она улыбнулась ему.

– Хорошо... Я рад, что Танюшка настояла на нашем знакомстве. Вернусь, цветы ей за это подарю.

– Я тоже рада. Все, я пошла. Где мои книги?

– На заднем сиденье, сейчас подам.

Машина остановилась около подъезда дома Милы.

А в это время по улице проходили Валентина с Анной, Тигран и Грант, возвращались из ДК, с танцев.

– Валюш, смотри, красивая машина к вашему подъезду подъехала. Кто это у вас разъезжает на таких машинах?

Валентина и парни посмотрели на машину цвета вишни.

Виктор вышел из машины, обошел ее и открыл переднюю дверь, подал Миле руку. Она вышла. Он открыл заднюю дверь, достал портфель, сумку с книгами: «Ты все должна это прочитать, только не тяни».

– Слушаюсь. Будет сделано, товарищ репетитор. До свидания? – Мила взяла свои вещи.

– До свидания, Люда.

Они посмотрели друг на друга, постояли несколько минут молча, улыбаясь.

Анна посмотрела на Валентину: «Ничего себе!»

– Вот так. Знай наших, – засмеялась Валентина.

Все посмотрели на парня и девушку, вышедших из машины.

– Вы, о чем? – спросил Тигран девушек, проследил за их взглядами. – Вы об этой паре? Их знаете?

Грант посмотрел в сторону стоявшей машины, его взгляд изменился, глаза сузились, он внимательно смотрел в их сторону.

– Знаем. Это моя сестра, – с улыбкой сказала Валентина.

– Кто-о-о? – удивленно протянул Грант.

– Сестра, а что? – улыбнулась Валентина.

– Да нет, ничего, – смутился Грант, – вы не очень похожи.

– Да. Люда похожа на маму, а я на отца.

– Симпатичная. Вы обе просто красавицы, сестренки, – заметил Тигран.

– А я? – тихо вставила Анна.

– А ты, вне конкурса, – засмеялся Тигран, обнял Анну.

Грант внимательно смотрел на Виктора и Милу.

Мила поднялась по ступенькам к подъезду, оглянулась: «Счастливого возвращения!»

– Спасибо. И до скорой встречи! – улыбнулся Виктор.

Мила вошла в подъезд. Виктор смотрел ей вслед, затем сел в машину, обнял руль и задумчиво уставился в одну точку, минут через десять он очнулся, посмотрел по сторонам и поехал.

Молодые люди остановились, пропуская машину. Виктор, дав задний ход, пытался развернуться. Машина медленно выехала на главную улицу поселка, улицу Ленина, набрав скорость поехала в сторону столицы.

– Ну, что погуляем немного? – Анна посмотрела на подругу.

– Погуляем, – Валентина пожала плечами.

– Конечно, погода хорошая, пошли, – Тигран взял Аню за руку.

Все прошли вперед, затем оглянулись. Грант, задумавшись стоял на месте, держа руки в карманах.

Тигран позвал друга: «Гриша, пошли, что ты там увидел?»

Грант очнулся, смутился, помедлив, тихо произнес: «Иду... птицу красивую увидел». – Медленно пошел за ними, не догоняя их, думая, о чем-то своем.

Был теплый вечер, по улице шли много молодых людей, радуясь жизни.

А в это время: в комнату общежития вошел злой Борис, налил из чайника воды в бокал, залпом выпил, подошел к окну, открыл настежь окно, подставил свежему воздуху лицо, постоял с закрытыми глазами. Включил приемник, пел Муслим Магомаев, он сделал звук громче, запустил руки в волосы, закрыл глаза, стал раскачиваться в такт музыки. Песня закончилась, открыл глаза, посмотрел на приемник, запела певица, сделал звук тише. Закрыл окно. Задернул шторы. Разделся до пояса, подошел к шкафу, взял полотенце, плавки. Закрыл шкаф. Подошел к умывальнику, взял мыло и вышел из комнаты.

В комнату вошли Вачик и Гарик.

– О! А его здесь нет! – воскликнул Гарик.

– Да здесь он, – медленно произнес Вачик, оглядывая комнату, – кто-то же открыл комнату, свет включил, да вот его одежда на кровати.

– Ушел с танцев, никому ничего не сказал, чего это с ним?

– Ну что, что? Он не нашел там свою спасительницу, мы же его уверили, что он ее там увидит, а получился облом. Вот он и психанул на нас. Он ведь не хотел сегодня идти туда... мы же его уговорили, вспомни...

– Ну да, помню. Ну я не думал, что он так запал на нее.

– А вот запал получается. Ладно, ты сейчас его не трогай и не расспрашивай ни о чем, посмотрим, что будет дальше.

– Понял. А Тигран с Гришей пошли с девчонками гулять?

– Наверно. Видел, как они вместе выходили из фойе, а что там было дальше не знаю.

– Грише будем говорить про Борю?

– Давай пока не будем. Понаблюдаем за ним, Гриша итак на него сердиться.

– Понял. По-моему, идет.

В комнату вошел Борис, с мокрой головой, через плечо перекинута полотенце, молча взглянул на друзей. Повесил полотенце на крючок около умывальника, посмотрел в зеркало, причесался. Не смотря на друзей, прошел к своей кровати, поудобнее уселся, включил над кроватью бра, взял книгу и стал читать. Парни молча переглянулись.

Вачик встал со стула: «Я пойду спать, спокойной ночи», – вышел из комнаты.

– Я тебя провожу, – Гарик вслед за ним вышел из комнаты. Борис молча посмотрел им вслед, задумался.

Глава 5. Долгожданная встреча

Время шло, жизнь у всех текла своим чередом.

Парни работали на стройке и учились в вечернем инженерно-строительном институте, поздними вечерами обязательно гоняли на своих байках.

Валентина с Аней работали воспитателями в дошкольном комбинате, по вечерам занимались в педагогическом институте, по средам, когда парни и они не учились, они приходили к ним в гости, а по субботам, все вместе часто гуляли, встречались на танцах, ходили в кино. Анна часто заходила к Валентине в гости, к себе ее не приглашала из-за тяжелой болезни бабушки, которая уже не вставала с постели. Подруги были увлечены парнями-кавказцами. Аня второй год встречалась с Тиграном, они познакомились на танцах, а потом познакомилась с ним и его друзьями и подругу.

В маленькой комнате на диване сидели Валентина и Аня.

– Валентин, сегодня идем гулять?

– Идем.

– Ну как у вас дела-то, расскажи? – спросила Аня.

– Пока никак. Не пойму я его, его перемены настроения. Вначале все шло, как будто хорошо, он был внимателен, я бы даже сказала галантен, но всегда правда сдержан.

– Но в прошлый раз, когда мы гуляли, я заметила, что он шутил, вы там о чем-то перешёптывались, все же было вроде нормально, – удивилась Аня.

– Да все было нормально. Потом, когда мы подошли к моему дому, он ни с того, ни с чего замкнулся и больше не разговаривал. Ты что не заметила?

– Нет, как-то не заметила, разве? Да брось ты, ты к нему придираешься просто, перестань придумывать.

– Ты думаешь? – задумчиво спросила Валентина.

– Уверена.

– А может у него все-таки кто-то есть? Ну не может быть у такого симпатичного взрослого парня и никого не было?

– Я узнавала у Тиграна, он как-то расплывчато ответил, что мол у вас есть все шансы его завоевать, но это не просто. Мол Гриша редкий и особенный парень. Представляешь? Редкий и особенный. Они его все очень ценят, уважают, слушают. Он у них главный. Напрямую он ничего не ответил, причем я его несколько раз о нем спрашивала, и он всегда уходил от темы разговора. Это просто поразительно.

– Вот видишь, это подтверждает мои сомнения. Есть в нем какая-то загадка. С ним очень непросто.

– С этим я согласна. Но ты не должна отчаиваться, тем и интересней будет победа, когда мы разгадаем его загадку. А? Только не кисни. Итак, план мы наметили. Помнишь, что нам надо? Надо его неотлучного Бориса познакомить с кем-то, что бы он отпустил немного Гришу.

– Помню, только с кем?

– Будем думать и действовать, подруга. Слушай, в ДК в субботу выставка молодых художников открывается и потом французский фильм будет, идем?

– Да? Там будет портрет моей сестренки, картина «Читающая» называется, представляешь? Пойдем обязательно.

– Да? А какой сестры? Лиды? Или младшей?

– Младшей, Людмилы.

– Здорово. Тогда тем более идем, встречаемся около семи часов, – встала, немного подумала, повернулась к подруге. – Слушай, а давай Бориса с ней познакомим? Тем более такой

повод подворачивается, не всех девушек рисуют художники, а потом их портреты на выставке выставляют. – Аня пришла в восторг от своей идеи.

Валентина посмотрела недоверчиво на нее: «Не знаю».

– А что здесь знать-то, познакомим их, и Борис отстанет от Гриши. Я больше чем уверена в успехе этого мероприятия.

– Захочет ли она, она у нас девушка, избалованная мужским вниманием, еще с детства. Да еще с характером! Нет, не захочет... За ней Володя еще со школы, вон сколько лет ходит... а она нос воротит. Представляешь, каждый день ее рано утром провожает. Люда выходит из подъезда в 7.10, а он уже стоит. А потом встречает из техникума. Мотался в Москву на Щелковскую, потом летел в школу в 9, 10 класс, опаздывал, проблемы имел. Его мать маме жаловалась. Парень золотой и симпатичный, воспитанный.

– Ничего себе! – воскликнула Аня, – как интересно. – И что Люда?

– Да ничего. Полный пофигизм. Вся в учебе и в своей музыке. У нее еще какой-то парень появился, старше ее, да ты видела его в прошлый раз.

– Ну да, тот что на машине красивой? – Валентина кивнула головой. – А я думала ее просто кто-то подвез.

– Да нет. Он уехал куда—то там, и звонит ей, представляешь? Нашим соседям, у них телефон есть. Она приходит после их разговоров в настроении и сразу садиться читать, читает чуть ли не до утра и ничего не говорит. Сам он из состоятельной семьи, окончил ВГИК.

– Ничего себе! ВГИК? Это институт кинематографии?

– Ну да, – улыбнулась Валентина.

– И что она? – глаза Анны расширились.

– Да ничего. Пофигизм тоже. Все спокойно воспринимает, никакой влюбленности. Сказала, что это дружеские, скорее деловые отношения, он видите ли помогает ей в институте готовиться. Ты видела, как он на нее смотрел?

– Видела. Галантный такой. Если у них деловые отношения, то почему он ее на машине привез, из Москвы?

– Да вот и я об этом же. Да у нее в голове ветер еще.

– Да—а—а. Тогда ты права, вряд ли она захочет знакомиться с нашими парнями, да еще кавказцами. Куда уж нам до москвичей, – вздохнула Аня.

– Да еще из богатенькой семьи... Он закончил ВГИК, режиссер-документалист, мать в консерватории преподает, один сын в семье, папашка какой-то там... тоже не из простых, как сама понимаешь, – не успев договорить, Валентина замолчала, прислушалась.

Хлопнула входная дверь, послышались голоса и голос отца. В комнату неожиданно буквально впорхнула Мила. Девушки переглянулись.

Аня подмигнула подруге: «Привет. Как дела, студентка?»

– Привет. Нормально, – радостно ответила Мила, поставила портфель на пол и быстро зашла за ширму в маленькую кладовку.

– Что замолчали? Секретничаете, о своем о девичьем? – раздался голос Милы из-за ширмы. Вышла, с распущенными прекрасными длинными волосами, одергивая домашнюю футболку и брюки. – Сейчас уйду, мешать вам не буду.

– Ты же сказала, что уйдешь, что так пойдешь? – спросила сестра.

– Я имела ввиду, что уйду из комнаты, чтобы вам не мешать.

– Да никаких секретов нет. Вот уговариваю Валентину пойти в субботу в ДК, на вечер танцев. Пойдем с нами?

– Нет, ни за что! У меня дел полно... читать много надо, две пьесы разучить еще надо, нет.

– Пойдем, Люда, нельзя же все время учиться... отдых тоже нужен. Тем более выставка художников открывается, там же твой портрет будет я слышала, потом фильм будет новый, – Аня, улыбаясь, смотрела на Милу.

– О-о! Тем более не пойду, что мне смотреть на себя, я его видела уже. А с выставкой картин, в другой раз ознакомлюсь, когда не будет много народу. Нет, девочки, спасибо за приглашение, не пойду. Вам хорошо провести вечер, – Мила выпорхнула из комнаты.

Аня посмотрела на подругу: «Облом».

– Я же тебе говорила, что не пойдет. – Я не сказала ей про французский фильм. Скажи ей, тем более, что ей надо знать мир кино сейчас, чтобы быть в теме с этим парнем. Неужели и фильм ей не интересен будет?

– Да мир кино она знает и читает много. Скажу. Попробую ее на фильм уговорить, может пойдет.

– Валя, уговаривай ее. Ладно, пойду.

Девушки встали и пошли в прихожую. В комнате за инструментом сидела Мила, не обращая на них внимания, уткнулась в ноты, стоявшие на пюпитре.

На площади около дворца культуры висели афиши кинофильма «Гром небесный», «Выставка молодых художников». Люди – пожилые и молодые, потоком шли к Дворцу культуры.

Работы молодых художников были выставлены в фойе дворца культуры и на втором этаже, напротив концертного зала. По громкоговорителю рассказывали о достижениях энергетиков, работников тепловой электростанции №22. Работал буфет. Люди нарядные, тихо переговаривались между собой, рассматривали картины, медленно поднимались на второй этаж, там были выставлены основные работы экспозиции, потом входили в концертный зал, где проходил киносеанс.

Вачик и Гарик в буфете покупали воду, бутерброды.

– Смотри, сколько народу, наверно, весь поселок.

– Да уж, многолюдно. Любит народ зарубежное кино.

– Да это не только из-за фильма, сегодня же выставка эта открылась... выставка молодых художников. Надо посмотреть, что они там наваяли... – Вачик оглядывался по сторонам.

– Сейчас посмотрим. Говорят, и фильм классный, французское кино... – Очередь парней подошла. – Нам две бутылки воды, пять бутерброда с сыром и пять с колбасой. Гарик, держи бутерброды, я возьму воду и стаканчики.

Расплатившись с продавцом, взяв сдачу, воду и стаканы Вачик и Гарик подошли к столу.

– А ребята где? – спросил Гарик.

Парни глазами поискали своих друзей.

– Вон, Борис с Тиграном разговаривают с женщиной, а Григория не вижу. – Вачик открыл бутылку воды, налил воду в стаканчики...

А Грант на втором этаже ДК медленно переходил от картины к картине, недолго рассматривал работы художников. Медленно подошел к большой картине, возле которой собралось больше всего народу. Прочитал внизу картины: «Читающая», художник Илья Морозов. Поднял глаза и замер, удивленно расширив глаза, он смотрел, не моргая. Немного постояв, он ожил, взгляд его менялся: вначале удивление, потом интерес – он внимательно рассматривал детали картины, его взгляд стал теплее, а глаза лучезарными, на губах появилась легкая улыбка. Он долго смотрел на картину. Затем, опустив голову, прищурился, взгляд его затуманился, он задумался, вспоминая. Его слегка толкнули, он медленно отошел в сторону.

– Смотри, красивая девушка, где-то я ее видел.

– Потрясная... прямо королева, смотри какой взгляд, сразу видно горделивая... в жизни не просто с такой, а? – засмеялся парень и шутливо толкнул приятеля в плечо.

– Перестань... Классно художник изобразил ее глаза, волосы, так красиво. Класс! Мне нравится.

– И мне нравится, только где они такие красавицы ходят, только на картинах и в кино. Пошли, скоро сеанс... – два парня отошли от картины.

– Вот это да! Смотри какая! А достоинства сколько.

– Мне нравится, – усмехнулся другой парень и посмотрел на свою девушку.

– Мне тоже. Только вот, наверняка, в жизни она не такая красивая, – ревниво ответила девушка, посмотрев на него.

– Да это не важно, какая она в жизни, ты картину смотришь, мастерство художника, а художник классно все изобразил.

– С этим согласна. Славик, ты такой умный.

– Шикарная!

– Кто?

– Картина. Девушка. Художник талантливый.

– Да. Мне тоже нравится картина. Пошли, – девушка потянула парня. Парень пошел за девушкой, но не сводил глаз с картины.

– Смотрите, девчонки, так это же Людмила, ну да... Люда. Обалдеть! Как здорово нарисовано.

– Да она красавица здесь, а волосы какие красивые, – три девушки, улыбаясь, рассматривали картину.

– Смотри, какая девушка, красавица, а глаза какие красивые... такие задумчивые... Да? – прошептал мужчина даме.

Дама внимательно посмотрела на картину: «Да, картина красивая и девушка необычная, как будто из прошлого века».

– Аннушка, смотри какая красавица, – воскликнул пожилой мужчина, приблизился к картине, поправил свои очки.

Грант оглянулся и медленно вновь подошел к картине.

Мужчина с восхищением рассматривал картину, потом громко произнес: «Богиня смотрит на меня с портрета. Та, что является в тайных снах и та, о которой мечтают поэты. Слагают стихи и сочиняют поэмы. Муза художников и поэтов. Аннушка, как тебе мой экспромт?» – засмеялся мужчина.

– Ах, ты мой романтик, – засмеялась пожилая дама, мужчина обнял жену, – мне тоже нравится. Художник Морозов Илья... Видно талантливый, – шепталась пожилая пара.

Грант, посмотрев на мужчину, улыбнулся, потом вновь посмотрел на картину и не отводя глаз задумчиво смотрел, пока не услышал звонок.

Прозвенел звонок, люди стали заходить в зал, у картины осталась только пожилая пара. По лестнице поднимались Вачик, Гарик, Борис, увидев друга, окликнули его. Грант встрепнулся, молча подошел к ним.

– Ты куда пропал? – спросил Вачик.

– Никуда не пропадал. Работы художников смотрел, – непринужденно ответил Грант.

– А я посмотрел только картины в фойе, а вот здесь еще не видел, – отозвался, подошедший Борис, – вы идите, а я быстро посмотрю здесь, еще время есть. – Борис отошел от друзей, подошел к картинам.

Парни пошли в зал, Грант присоединился к ним. Борис просматривал картины, начиная с начала экспозиции, в центре висела большая картина, около которой стояли Валентина и Анна. Борис тихо подошел сзади девушек и уставился на картину.

Аня оглянулась: «О! Боря! Привет».

Борис не отозвался, удивленно смотрел на «Читающую».

– Боря, привет, – повторила Аня, проследила его взгляд.

Борис посмотрел на девушек: «Привет, девчонки».

– Нравится? – спросила Аня.

– Кто? – смутился Борис.

– Никто, а что? Картина? – усмехнулась Аня.

– Очень, – ответил Борис, смотря на картину.

Аня посмотрела на картину, потом на Валентину, подмигнула ей: «Хочешь с ней познакомиться?» – тихо спросила она.

– Вы ее знаете? – тихо воскликнул Борис.

– Очень хорошо знаю, – улыбнулась Валентина.

– Правда? Нет, правда? – не верил Борис.

– Да. Это моя сестра Людмила, – улыбнулась Валентина.

– Сестра?! Обалдеть! – воскликнул он, удивлённо посмотрел на Валентину, – что же ты молчала?

– Я не молчала, вот говорю.

– Валентин, я ее знаю! Познакомь нас. Пожалуйста.

– Не поняла? Как познакомить, если ты ее знаешь? – засмеялись девушки.

– Ну это потом... Валя, познакомь, прошу тебя.

– Да познакомлю, успокойся.

– Молодые люди, вы заходите в зал? А то я двери закрываю, – громко позвала билетёрша.

Девушки и Борис переглянулись и быстро пошли в кинозал.

Войдя в кинозал, Борис, взяв Валентину за руку, тихо спросил: «А она здесь? Люда, здесь?»

– Должна быть, договаривались, но я ее еще не видела.

– Валя, давай билетами поменяемся, ты сядешь с ребятами, а я на твоё место?

– Но я с Аней, – растерянно произнесла Валентина.

– Меняемся, Гарик и я, а вы с Анной к ребятам.

– Давай, – улыбнулась Валентина, протянула ему билеты.

Они обменялись билетами, прошли на свои места. Борис с Гариком сели на места, рядом было пустое место.

В зале погас свет. Начался фильм, зазвучала музыка Жоржа Гарваренца... Борис, оглядываясь на пустое кресло, смотрел по сторонам... Гарик, улыбаясь, посматривал то на друга, то по сторонам...

Двери ДК открылись, киносеанс закончился, люди не спеша выходили, обменивались впечатлениями о фильме:

– Хороший, добрый фильм.

– А, тягомотина, фильм не понравился.

– Ой, девочки какая же она красивая, эта актриса, игравшая героиню.

– Жан Габен, как всегда на высоте, хороший актер.

– Да ничего особенного. Пьянчужка...

– Чего болтаешь? Это его герой пьянчужка, а я говорю об актере, балбес, разницу улавливаешь?

– Ну актеры все хорошо играли. Я не так выразился...

– Какое поместье! Вот люди живут! Не то, что мы в тесноте вечной, скажи?

– Да—а, домик что надо, огромный, есть где разгуляться. Мечта. Класс!

– Только этот домик замучаешься убирать, очуметь можно.

– Так там прислуга! Служанки...

– Нет там никого, они одни жили, ты откуда их взял-то?

– Да, ладно, прислуга обязательно есть, в таком домище и нет прислуги? Не поверю! Просто нам не показали и все...

– Живут же за бугром люди, не то, что мы живем в хрущевках, да в общагах, как тараканы, – парень, сплюнул сквозь зубы.

Мила стояла в стороне с библиотекарем Натальей.

– Как тебе фильм? Ты какая—то задумчивая... Ищешь кого? – спросила Наталья.

– Ищу сестру, фильм понравился... особенно музыка... актеры очень понравились...

– Да, Мишель Мерсье, Жан Габен... мировые звезды...

– А кто композитор, ты не запомнила?

– Жорж Гарваренц.

– Жорж Гарваренц... музыка очень красивая, у меня в голове до сих пор звучит, буду искать ноты, хочу ее играть... – Мила говорила и смотрела по сторонам.

В толпе показалась Наташа с двумя девушками. Она тоже увидела ее и направились к ней.

– Ладно, фильм обсудим потом, я пошла. Это к тебе девушки идут? – Наташа показала взглядом, на шедших им навстречу, девушек.

– Наверное, – тихо ответила Мила.

– До свидания, я пошла, – Наталья медленно отошла от Милы.

Мила оглянулась, к ней подошла Наташа с девушками.

– Привет, читающая, – весело поздоровалась Наташа, подходя к ней.

– Привет, – отозвалась Мила.

– Мы все в восторге от твоей картины.

– Ну картина не моя, а художника Ильи Морозова.

– Классно он тебя нарисовал, – восторженно сказала одна из девушек.

– А нам понравилось, – сказала другая девушка.

– Да, мне тоже понравилось. Талантливый художник, – скромно ответила Мила.

– Слушай, Людмил, а тебе заплатили за это? – с интересом спросила Наташа.

– За что, за это? – удивилась Мила.

– Ну за картину? – удивилась в свою очередь Наташа.

– Так я ее не писала.

– Ну тебя же рисовали! – воскликнула Наташа.

– Ты имеешь ввиду за позирование? – Мила, улыбаясь, продолжала глазами искать сестру.

Из дверей ДК вышел Борис с Гариком, оглядываясь искали своих друзей... Борис шел впереди, Гарик за ним. Среди толпы Борис вдруг увидел Милу – она стояла в стороне около деревьев с девушками. Борис улыбнулся, сказав что-то Гарику, направился к Миле.

Девушки по-прежнему стояли, разговаривая.

... – Ну да за позирование, – улыбнулась Наташа.

– Девчонки, вы, о чем? Это же молодые художники и это их дипломные работы, откуда у них деньги?

– И что? Не заплатили? Ни копейки?

Мила молча, с улыбкой посмотрела на девушек.

Борис тихо подошел сзади, взял осторожно Милу за руку, улыбаясь, игриво произнес: «Девушки, извините, но Людмилу ждут».

Мила вздрогнула, оглянулась, удивленно взглянула на высокого кавказца, нахмурилась и отстранила свою руку.

Борис широко улыбнулся, посмотрел на нее улыбающимися глазами, сделал ей «реверанс»: «Добрый вечер, спасительница. Наконец-то я вас нашел».

Мила посмотрела удивленно на девушек, скорчила гримасу, потом внимательно на парня. Их глаза встретились: его – черные, улыбающиеся, добрые глаза; ее – вначале колючие, с прищуром, затем игривые, улыбающиеся. Она его узнала.

– Привет. Какие сейчас взаимоотношения с лужами?

– Теперь объезжаю все лужи. Если бы тогда не вы, Людмила, не знаю, что бы было, вы моя спасительница. Позвольте вам представиться, Борис Мамедов, – он вновь сделал «реверанс», – без пяти минут инженер – строитель, заканчиваю МИСИ, остальное о себе изложу лично вам...

Наташа улыбнулась: «Так вы на самом деле знакомы?»

Мила, улыбаясь, пожала плечами.

Борис, не отрываясь, продолжал на нее смотреть: «Знакомы, – затем посмотрел на Наташу. – Я же вам говорил, что найду ее?»

– Говорил, – улыбаясь, ответила Наташа.

Теперь они молча смотрели, улыбаясь и изучая друг друга.

Она – стройная, не высокого роста, с прекрасными, длинными волосами, неповторимыми большими глазами с длинными ресницами.

Он – высокий, стройный, хорошо сложенный, с черными, вьющимися густыми волосами, загоревший, аккуратно подстриженный, с белозубой улыбкой, парень кавказской национальности, настоящий джигит. Он протянул ей руку.

Она удивленно посмотрела на него, скорчила легкую гримасу: «Не поняла?»

– Девушки, извините, но Людмилу ждут, нам надо уйти.

– Кто? – удивилась Мила, – я никуда не пойду с вами.

– Пожалуйста, пойдем, – взмолился Борис.

– Зачем? Куда? – рассердилась Мила.

– Увидите, – Борис улыбнулся.

– Нет, я никуда не пойду с вами, – сердито ответила Мила, обратилась к девушкам, – до свидания, – развернулась и пошла к своему дому.

Борис расстроенный посмотрел на Наташу.

Наташа сочувственно посмотрела на него, тронула за руку: – «Ну, что стоишь? Догоняй, а то опять искать придется, иди».

Борис улыбнулся смущенно и быстро пошел за Милой, догнав ее, он осторожно взял ее за руку, быстро преклонил перед ней одно колено: «Смилуйся, постой!»

Мила, увидев перед собой Бориса, очень смутилась: «Вы что, Борис, встаньте немедленно».

Люди, увидев эту сцену, с улыбками останавливались, наблюдая, что будет дальше.

– Встану, если вы пойдете со мной погулять.

Мила посмотрела по сторонам, увидев улыбающихся людей, тоже улыбнулась: «Встаньте, Борис, неудобно, на нас смотрят и отпустите мою руку».

– Нет, не отпущу.

– Мне больно, отпустите, – нахмурилась она.

– А так не больно? – Борис ослабил руку.

Мила попыталась высвободить руку, но у нее не получилось.

– Девушка, не будьте такой жестокой, пожалейте парня, – улыбнулся пожилой мужчина, проходивший мимо.

Мила оглянулась, несколько человек смотрели на них, улыбаясь.

– Девушка, сжальтесь над ним, такой парень симпатичный и, наверное, хороший, – засмеялась молодая девушка.

– Хорошо, вставайте. Пошли погуляем, – процедила Мила.

Борис встал, не отпуская ее руку, отряхнул брюки.

– Давайте на «ты» перейдем? – улыбнулся Борис.

– Хорошо. Только пошли, на нас все смотрят, неудобно. И отпустите, наконец, мою руку, что вы в нее вцепились, – буркнула недовольно Мила.

Наташа с девушками смотрели им вслед, наблюдая за их сценой, потом пошли за ними, перешептываясь.

Грант, Вачик, Тигран, Валентина, Аня шли медленно, смеясь, по алее от Дворца культуры. Вачик рассказывал анекдоты, все были в веселом настроении. Грант, как всегда был спокоен и немного задумчив, в их беседе не участвовал.

Проходя мимо Наташи, Валентина кивнула ей, в знак приветствия.

– Привет. Сестру нашла? Или опять потеряла? – Наташа улыбнулась.

– Потеряла. Должна была быть, но так и не появилась.

– Да она здесь. Была на киносеансе, она просто опоздала.

– Да? Ты ее видела? А где она сейчас?

– Пошла гулять с молодым человеком.

– Да? – удивленно спросила Валентина и переглянулась с Аней, потом подошла к Наташе, тихо спросила, – с Володей? А куда они пошли, ты видела?

– Видела. К дому ... – хитро улыбнулась Наташа.

Валентина оглянулась в сторону своего дома, поблагодарив Наташу, подошла к своей компании, которая ждала ее. Все, постояв немного, смеясь, пошли дальше.

Мила тихо вошла домой, в квартиру. Поставила сумку на тумбочку, сняла обувь, села на стул, вытянув уставшие ноги, задумалась, улыбнулась, немного посидела.

Встала и пошла на кухню: «Добрый вечер, пап, как дела?» – Мила присела к столу.

Отец – не высокого роста черноволосый мужчина, нос с легкой горбинкой, черные миндалевидные глаза: «Добрый вечер. Да все нормально, вот, газету читаю, мама уже легла, а у тебя как дела, чего так поздно пришла?»

– Все нормально. Из ДК пришла, фильм хороший смотрела, «Гром небесный» называется. Пап, там такая красивая музыка, красивые актеры, дом такой красивый, большой, в котором герои жили... а вот музыка у меня из головы не выходит... красивая музыка, так хочу ее сыграть, – Мила стала имитировать игру на фортепиано, двигая легко и изящно руками по столу, – ноты буду искать. А Валя еще не пришла?

– Нет, еще. Она тоже в кино собиралась, мама сказала. Я ее не видел. А вы, что не вместе были в кино?

– Собирались вместе, но я опоздала. Вошла в зал, когда уже фильм начался, на свои места меня билетёрша такая вредная не пустила... чтобы не мешать зрителям, – Мила передразнила билетершу, – посадила на другое место. Потом, когда вышла, встретила Наташку Симонову, поболтали немного... Да она со своей Анной, наверно, потом гулять пошли. Там народу было так много, что Валу я так и не увидела.

– Опять ты с этой Наташкой? Люся, дочка, не хорошо, что ты с этой девчонкой дружишь. Тебе же мать много раз говорила, чтобы ты с ней не дружила.

– Пап, перестань. Да и не дружу я с ней особо, не волнуйся ты. Просто видимся время от времени, поселок ведь не большой, не убежишь, если кто-то идет навстречу. Да она не плохая девчонка, просто мама не любит их семью, вот и все.

– Не плохая? Да она гулящая!

– Пап! Перестань, пожалуйста. Я тебе все объяснила и закончим разговор о ней... Пойду, переоденусь.

– Есть будешь? Разогреть? – заботливо спросил отец.

– Да, если не трудно, – Мила встала, вышла из кухни.

Вошла в ванную комнату, посмотрела в зеркало, помыла руки, умылась, вытерлась полотенцем, повесила полотенце на вешалку. Взяла щетку и смотрясь в зеркало, начала расчесывать свои длинные волосы, напевая мелодию Ж. Гарваренца из фильма, затем задумалась... Расчесав волосы, она вновь пошла на кухню. Отец разогрел еду, положил на тарелку макароны по-флотски, салат, налил в чашку горячий чай.

– Садись, я тебе все положил, ешь и ложись. Ты же каждый день поздно ложишься, рано встаешь, ешь плохо, так нельзя.

– Спасибо, пап, все нормально. Ты иди, ложись, я Валю дождусь.

– Пошел, – отец вышел из кухни.

Мила принялась с аппетитом за еду.

Валентна тихо вошла в квартиру, положила на тумбочку ключи, сняла туфли, посмотрела на часы, висевшие на стене в прихожей, они показывали 24 часа. Быстро юркнула в ванную. Из ванной вышла в халате, умытая, без косметики. Валентина вошла в кухню: «Привет, сестра».

– Привет, – ответила Мила, читая, за столом, книгу.

– Как дома обстановка? – тихо произнесла сестра.

– Все нормально, – буркнула Мила.

– Ты давно пришла?

– Давно, два часа назад.

– А куда ты пропала?

– Да не пропадала я никуда. Я опоздала, задержалась в техникуме, потом автобус долго ждала и в общем опоздала на сеанс. Вошла в зал, когда фильм начался, меня не пропустила билетерша на место и посадила на предпоследний ряд.

– Понятно. А потом куда делась?

– Вас искала, не нашла... и домой пошла.

– С Володией гуляла?

Мила ухмыльнулась, поморщилась, как-то не определенно махнула рукой, встала: «Чайник разогреть?»

– Да, попью чайку. Всем очень понравилась твоя картина, вернее твой портрет. И один молодой парень прямо влюбился в тебя, очень просил познакомить его с тобой. Симпатичный.

– Да ну? – устало улыбнулась Мила, – Да ну их всех, Валь, я устала, пойду спать.

– Давай поболтаем.

– Давай завтра. Тебе фильм понравился?

– Да. Особенно Роберт Оссейн.

– Да, актеры замечательные все, а Мишель Мерсье необыкновенная такая, просто красавица мне фильм понравился, а музыка из головы не выходит красивая, тревожная, – Мила встала, устало улыбнулась. – Все, пей чай, я пошла, спать хочу, – вышла из кухни.

Валентина налила крепкий чай, положила дольку лимона, подошла с кружкой к окну. Мечтательно улыбнулась, глядя на яркую луну.

Борис сидел за столом с чашкой чая, читал книгу. На столе тетради, книги, чайник, сухари, печенье. Отложив книгу, он посмотрел на часы, которые показывали без пяти двенадцать. Он задумался, вспоминая встречу с Милой:

...Подойдя к дому Милы Борис весело предложил: «Пойдем, немного погуляем?»

– Зачем? – спросил она, посмотрев на него в упор.

– Просто так...

– Просто так – это как? – усмешка звучала в ее голосе.

Он опешил, не зная, что ответить.

Она улыбалась, показывая глазами удивление, затем пожала плечами: «Вот видишь, ты сам не знаешь зачем нам гулять», – повернулась и пошла к своему подъезду.

Борис растерялся совсем, немного постояв, пошел за ней: «Люда, стой, ну стой, пожалуйста. Почему ты все время убегаешь от меня?»

– Я не убегаю, я просто иду домой после киносеанса.

– Я искал тебя, – сказал он ей в спину.

– Искал? Зачем? – она остановилась.

– Чтобы сказать тебе спасибо.

– Говори, – она повернулась к нему, глаза ее смеялись.

– Спасибо тебе.

Она опять выразила глазами удивление: «За что?»

– За то, что в прошлый раз помогла мне... нам.

Она внимательно посмотрела на него: «Не за что. Ничего особенного я не сделала».

– Нет, сделала! – возразил он.

– И что же я сделала?

– Помогла мне и Гарику не попасть в милицию...

– Но вы ведь ничего не сделали, чтобы вас забрали в милицию.

– Вот именно! Что ничего не сделали, а могли попасть в милицию... Та дама... О! Она из мухи такого слона сделала, а потом... ты помнишь? Потом эти тетеньки подняли целую бурю в стакане воды. И только одна ты нас защитила... Ты молодец!

– Мне было жалко... девочку... ее ноты.

– Только девочку?

– Ну да, – улыбнулась Мила.

– А нас? Нас тебе не было жалко? – хитро спросил Борис.

– Я не думала о вас, – усмехнулась Мила.

– Тогда зачем нас защищала перед теми тетками, перед милиционером? – удивился Борис.

– Я защищала правду, не терплю лжи, обмана.

– Лжи? – Борис удивленно посмотрел на Милу.

– Ну да, они ведь договорились до того, что вы сбили мотоциклом девочку, а это ведь была не правда. Вот и все.

– Значит ты не нас защищала?

– Я же сказала, что нет.

Борис задумался, нахмурился: «А я подумал...»

– Не надо придумывать, – прервала она его с улыбкой...

– Все равно, я очень рад, что тогда все так получилось...

– Что?! Что получилось? – воскликнула она.

Борис изумился ее реакции, не зная, что ответить.

– Что получилось? Что вы обрызгали девочку с ног до головы? Что испортили ей ноты? Что мне пришлось ей отдавать свой сборник нот. И ты рад этому?

– Свой сборник? Зачем отдавать?

– Затем, чтобы ее не пилила мать. Мне жалко было девочку.

– И ты отдала ей свой такой же сборник?

– Да.

– Ты играешь на музыкальном инструменте?

– Да, на фоно... на фортепиано.

– Здорово. А я играю на гитаре. Люда, какая ты...

– Какая?

– Замечательная... красивая и добрая. Я и говорю, что ты молодец! Ты помогла и мне, нам, девочке и ее маме.

– Ладно, – смущено прошептала Мила, – закончим эту тему.

– Согласен. Пойдем пройдемся?

Она вздохнула, посмотрела на него: «Извини, но я устала. И хочу есть и спать. Я пойду. До свидания, Борис, приятно было познакомиться».

– Мне было очень приятно, что я тебя нашел и что мы познакомились, наконец. Когда я тебя опять увижу?

– А надо? – она опять устало улыбнулась.

– Когда я тебя снова увижу? – упрямо повторил он.

– Поселок маленький, увидимся, – добавила игриво, – после дождичка. До свидания, Боря, – быстро вошла в подъезд.

– До свидания, Люда.

Борис, вспомнив их встречу, улыбнулся, закрыл глаза. Посидев немного, открыл глаза, вздохнул, почесав затылок, принялся за чтение учебника.

В комнату весело ввалились ребята Вачик, Гарик, Тигран и спокойный Грант.

Тигран весело воскликнул: «О! Посмотрите-ка, мы его везде ищем, а он сидит за учебниками».

– Что-то случилось у тебя? – спокойно спросил Гарик.

– Какой прилежный юноша, после просмотра фильма сразу домой и за учебники. Так? Или все-таки погулял? Колись! – смеясь, спросил Вачик.

Парни подсели к другу, тот повеселел и взглянул на Гранта.

Грант улыбнулся, тихо спросил: «Ты куда исчез?»

– Никуда я не исчезал, просто вас не нашел, там столько народу было, весь поселок собрался.

– Это точно, народу сегодня было много, выставка, киносеанс, – Вачик весело присел на стул, – потом начались танцы, мы тебя искали и не нашли.

– Куда ты делся после фильма? Догнал ее? – спросил Гарик.

– Ее? – воскликнул Вачик. – Кого ее? – похлопал по плечу Бориса и посмотрел на Гранта.

Грант подошел к окну, присел на подоконник, улыбаясь, посмотрел на Бориса. Вачик подмигнул ему и вышел из комнаты.

Борис смущенно опустил голову, закрыл учебник: «Так! Вы мне мешаете заниматься, налетели как воробы, между прочим, уже скоро час ночи, не орите, сейчас от тети Маши разгон опять получим».

– Да мы вроде не шумим. Ты от вопроса не уходи, так догнал ее? – настаивал Гарик.

– Догнал, – смущенно ответил Борис.

– И что? Познакомились?

– Познакомились.

– И что?

– Что, что? Ничего, – сердито вскочил Борис.

– Погуляли?

– Нет. Ушла домой. Как не уговаривал, ушла...

В комнату вошел Вачик: «Эй, друзья, вы, о чем? О чем говорите-то?»

Гарик обратился к Вачику: «Боря нашел ту девушку, которая нам тогда помогла не попасть в милицию, помнишь, тогда после зачета, около музыкальной школы?»

– А—а, да, помню, красавица с длинными волосами, помню, и что? – обратился к Борису. – Ты на нее запал? Боря, запал?

– Запал, – смущенно ответил Борис.

– И взаимно? – донимался Вачик.

– Не знаю... Пригласил погулять, отказала, ушла.

Грант прыгнул с подоконника: «Ну, что вы к нему пристали, давайте пить чай и по кроватям».

– Гарик, видел там ее портрет? – спросил задумчиво Борис.

– Портрет? Ее? На выставке? Нет. Ничего себе! Завтра пойду посмотрю.

– Ребята, она не обычная девушка... посмотрите на выставке на втором этаже ее большой портрет... Меня так зацепило...

Грант, прищулив глаза, внимательно посмотрел на друга.

– Гриша, а ты видел портрет девушки? – Борис посмотрел на друга, – на втором этаже?

– Там много было картин. Не обратил внимания...

– Ну, как же, такая большая картина? Ее нельзя было не заметить, – удивился Борис.

Грант нахмурился: «Да, там толпились люди около большой картины, но я не стал ждать».

– И напрасно. Я сразу ее узнал, как только взглянул на картину, меня, как током ударило. Да, пока не взаимно, но будет взаимно, – задумчиво произнес Борис.

– А мы и не сомневаемся. Кто же перед тобой устоит? – Вачик подмигнул ребятам.

Гарик поддержал друга: «Конечно».

Грант молча смотрел на Бориса, затем повернулся к окну.

Борис стал убирать книги и тетради со стола, подошел к окну и положил стопку книг на подоконник, тихо спросил: «Гриша, а ты сегодня здесь ночуешь?»

– Да, – повернулся к другу Грант.

– Не пойдешь к ней?

– Нет, – хмуро ответил Грант.

– Почему? Поссорились?

– Нет. Просто не хочу.

Борис усмехнулся: «Разлюбил?»

Брови Гранта взлетели вверх: «Какая любовь, – усмехнулся он, – ты, о чем? Ее и не было».

– Да, вот и у меня тоже... а хочется, – тихо произнес Борис.

Грант сузил глаза, посмотрел на друга, задумчиво произнес: – «Хочется... расхочется... давай ложится спать».

– Давай, я теперь с удовольствием ложусь спать, значит она мне опять приснится.

– Кто? – нахмурился Грант.

– Она. Моя спасительница, – вздохнул мечтательно Борис. – Запала она мне в душу, снится мне с первой встречи с ней.

– Не верь снам, – тихо, задумчиво произнес Грант.

Глава 6. Она и они

Книги, как и музыка, были страстью Милы с детства, она любила книги, любила читать. В двух поселках была единственная библиотека во дворце культуры посёлка ТЭЦ-22. Как только во дворце культуры, или как его все жители называли ДК, открылась библиотека, Мила тут же записалась в нее и стала активным читателем. Она быстро подружилась с библиотекарем Натальей, которая достаточно повлияла на ее выбор профессии и вот уже несколько лет, как Мила помогала Наталье, часто приходила в библиотеку – разбирала, оформляла книги, получая при этом большое удовольствие.

Мила взбежала по ступенькам дворца культуры, быстро вошла в вестибюль, там везде стояли ящики, картины стояли около стен, люди ходили туда-сюда. Рабочие приносили картины со второго этажа. Она осмотрелась и прошла в библиотеку. Там было много народу. Библиотекарь Наталья сосредоточенно обслуживала людей, несколько человек стояли в очереди, в книжном фонде было восемь человек.

Мила оценила обстановку и быстро подошла к Наталье, поцеловав ее в щеку: «Привет, ничего себе сколько сегодня народу».

– Привет, поможешь? – спросила тихо Наталья.

– Конечно, но недолго, мне надо обязательно позаниматься.

– Добрый день, ваша фамилия? – обратилась она к мужчине.

– Здравствуйте, Максимов Егор Петрович.

Мила достала формуляр, быстро приняла книги у стоявшего пожилого посетителя: «Выбирать будете?»

– Девушка, дайте мне воспоминания Жукова.

– Хорошо. Вы пока присядьте, а я сейчас принесу.

Мила встала и быстро вошла в зал книжного фонда.

Трое подростков небрежно перебирали книги, нервничая переговаривались: «Ни фи́га не могу найти, нет в этой библиотеке (сделал ударение на „о“) ни черта».

– Ищи, должны быть. В школьной библиотеке уже нет ничего.

– Надо найти, а то пара нам обеспечена.

Мила зашла за стеллажи, нашла воспоминания Жукова, с толстой книгой вышла, подошла к мальчишкам: «Ребят, что вы ищите? И, пожалуйста, поаккуратнее обращайтесь с книгами».

– Че? Вы библиотекарша? – спросил один из мальчишек.

– Да. Так что вам нужно?

– Гайдар.

– А мне этот... как его... поэт...

– Блок! – помог другу парень.

– А тебе? Что и им? – Мила обратилась к третьему мальчишке, – вы не здесь ищите, вам нужен другой раздел, поэзия, а там по алфавиту.

– А найдите нам книжки.

– Хорошо. Стойте здесь. А ты, пошли со мной, я все вам найду книги.

Они пошли вперед за стеллажи, откуда послышался ее голос: «Вот смотри, раздел 20 век, поэзия, посмотрим... вот Блок, Есенин тоже, наверное, нужен?»

– Ой, да, спасибо, он тоже нужен...

– А вот и Гайдар. Держи... посмотри, то, что надо?

Она вышла с мальчишкой, он нес 3 книги.

– Пацаны, нашли, все, что нужно, – весело обратился он к друзьям.

– А нам? Это ты себе взял, а нам?

– Так, слушайте сюда, – строго сказала Мила. – Берете все по одной книге, читаете, а потом обмениваетесь книгами и заодно обсуждаете прочитанное, понятно?

– Понятно.

– Тогда пошли все за мной, – Мила кивнула головой и быстро пошла на абонемент.

Путь им преградила дама в очках на носу: «Девушка, милая, неужели у вас в библиотеке нет Пастернака? Это ужасно».

Мила посмотрела на разделители: «Пастернак писатель и поэт 20 века, а вы ищите его в 19 веке, посмотрите на разделители», – прошла к другим стеллажам, дама пошла за ней.

– Надо же, а я даже не обратила внимания на эти ваши разделители, а когда он жил, вы говорите? – спросила дама.

– В 20 веке. В нашем веке, в котором мы живем, умер 10 лет назад, – улыбаясь, уточнила Мила.

– Что вы говорите! А я думала он жил в 19 веке...

– Родился Борис Пастернак в 19 веке, а поэт и писатель 20 века, – Мила передала даме книгу, – это то, что вы хотели?

Дама взяла книгу: – «Да, спасибо, голубушка».

Мила улыбнулась, обратилась к мальчишкам: «Пошли».

Из книжного фонда вышло пять человек.

Мила быстро встала за стол, обслужила мальчишек: «Все, ребята, расписались и пошли все на воздух читать. До свидания».

– Спасибо, тетя, до свидания.

Мила обратилась к даме: «Вы еще что-то хотите?»

– Даже не знаю, – тихо проговорила дама.

– Фамилия, Имя, Отчество? – спросила Мила.

– Марианна Петровна, – улыбнулась дама.

– Ваша фамилия? – Мила внимательно посмотрела на даму.

– Я и говорю Марианна Петровна Ставицкая, вы разве меня плохо слышите?

Мила промолчала, обслужила даму: «Распишитесь, пожалуйста, на формуляре, вот здесь».

– Где расписаться? А когда мне возвращать надо эту книгу?

– Через две недели, вот срок здесь указан.

– Через две недели, хорошо.

– Все? – уточила Мила.

– А может еще Мандельштама взять почитать, как вы думаете?

– Я думаю, насладитесь вначале поэзией Пастернака, – улыбнулась Мила, – а потом погрузитесь в поэзию Мандельштама. Тем более на него запись.

– Ах, как жаль! Все хотят в жизни поэзии, нас много, а поэтов мало, вот и очередь создалась, – мечтательно, вздохнув, сказала дама.

– Ну, что поделать, книг мало и они пользуются спросом.

– Ну хорошо, так и поступим, вы правы – вначале Пастернак, а потом Мандельштам. Запишите меня на него.

Мила достала тетрадь, сделала нужную запись: «До свидания, Марианна Петровна, приятного вам чтения».

– До свидания, вы очень любезны, девушка.

Обслужив пять человек, Мила посмотрела на часы: «Наташ, мне пора, надо еще заниматься».

– Спасибо дорогая, ты как всегда мне помогла, уже убегаешь?

– Сейчас себя обслужу и убегу, – она достала три книги из сумки, достала свой формуляр...

– Что на этот раз тебе нужно, – спросила тихо Наталья.

– Легенды и мифы древней Греции... и фольклор, – на распев, тихо ответила Мила, затем встала и быстро пошла в зал книжного фонда.

Наталья продолжала медленно обслуживать читателей.

– Девушка, нельзя побыстрее работать, вон ваша напарница за десять минут пять человек обслужила, а вы копаетесь еле-еле, – проворчал пожилой мужчина.

Наталья невозмутимо посмотрела на него: «До закрытия осталось десять минут, вас я все равно не успею обслужить, приходите лучше в понедельник».

Мужчина возмутился: «Еще чего! Я здесь стою уже полчаса и никуда не уйду. Вы обязаны меня обслужить. Ишь ты какая... Это... это безобразие, я буду жаловаться».

– Мужчина, не шумите, вы всем мешаете, – спокойно парировала Наталья.

– Кому я мешаю? Вы меня обидели, а я еще, видите ли, кому-то мешаю... да вы... вы вообще не умеете работать.

Наталья вздохнула и, не реагируя на него, продолжала молча спокойно работать.

Из книжного фонда быстро вышла Мила с книгами в руках: «Что за шум, надеюсь, драки нет?» – спросила не принужденно.

– Да вот товарищ нервничает, что не успеет сдать книги, до закрытия пять минут, а еще три человека перед ним, конечно, я не успею его обслужить.

Мила посмотрела на часы, на пожилого мужчину, подошла к нему: «Давайте ваши книги... Фамилия ваша?»

– Что? Что вы сказала? – спросил расстроенный мужчина.

– Я вас обслуживаю, назовите вашу фамилию...

– Ильичев. Ильичев Павел Максимович, пожалуйста девушка, вот мои книги, но мне неудобно, передо мной стоят люди.

– Не беспокойтесь, я приму книги у всех. Поторопитесь, идите выбирайте нужные вам книги.

– Девушка, милая, быстро я не смогу найти, у вас по-другому теперь стоят книги, может вы мне поможете... найти то, что мне нужно...

Две женщины возмутились: «Мужчина, вы стоите после нас, прошли вперед, да еще вам книги найди, совесть имейте».

Мила посмотрела на расстроенного мужчину, он снял очки, у него затряслись руки, пот выступил у него на лбу.

– Успокойтесь все! Мы всех обслужим, не надо волноваться, – громко произнесла Мила, окинув посетителей взглядом.

– Люда, заканчивай. Смотри, уже ровно 19 часов. Может дверь закроем, а то еще кто-нибудь придет.

– Конечно, сейчас, – вновь обратилась к мужчине, – что вы хотели? Идёмте, я вам помогу.

– Спасибо, – взволнованно сказал мужчина, – мне бы хотелось взять журнал «Звезда» и что-нибудь из мемуаров...

Мила быстро подошла к двери. Дверь в тот же миг открылась. Она быстро дернула дверь на себя, проговорив: «Извините, закрываемся, уже время», – не взглянув даже на парня, закрыла дверь перед его носом.

Грант, а это был он, опешив, не успел ничего сказать, как перед ним закрылась стеклянная дверь.

Мила подошла к мужчине, который вытащил из кармана мятый листок, поправив очки, он обратился к ней: «Вот здесь у меня указаны книги, которые мне бы хотелось прочитать, голубушка, посмотрите».

Мила взяла протянутый ей листок, прочитав его, обратилась к мужчине: «Знаете, что я вам предложу, вот возьмите журналы „Звезда“, – она подошла к стеллажу и взяла два жур-

нала, – вы до понедельника их прочитаете, а в понедельник подойдете и возьмете ваши книги, их вам уже подберут по вашему списку. Хорошо? А то люди нервничают, видите? Все хотят, чтобы их обслужили. Посмотрите, здесь есть, что почитать», – быстро вернулась к столу.

– Ваша фамилия? – обратилась она к женщине, взяла у нее две книги.

– Самойлова Анна Ивановна.

Мила быстро нашла формуляр женщины, приняла книги: «Что вы хотите взять?»

– Что-нибудь про любовь, что вы мне порекомендуете?

– Золя, Эмиля Золя, вы читали его?

– Нет, – ответила женщина.

– Я сейчас вам принесу, – быстро прошла в зал фонда, вышла с книгой. – Вот, пожалуйста, – быстро оформила книгу женщине.

Посмотрела на мужчину: «Давайте, я вам оформлю журналы и дайте ваш список, – посмотрев еще раз список, улыбнулась, взглянув на него, – договорились? В понедельник?»

– Хорошо, хорошо, голубушка, но вы мне подберете книги?

– Конечно. Я же вам обещала. Приходите во второй половине дня и заберете свои книги, – на листке она написала его фамилию. – Все? Пойдёмте, пожалуйста, я вас выпущу, – Мила встала, подошла к двери, открыла и выпустила мужчину и женщину.

Грант, не попав в библиотеку, стоял спиной немного дальше от двери библиотеки, в фойе ДК. Дверь библиотеки открылась и оттуда вышли женщина и мужчина с журналами в руках. Женщина быстро прошла и вышла на улицу.

Мужчина открыл журнал «Звезда», медленно пошел в сторону Гранта, читая на ходу оглавление в журнале: «А она права, здесь есть что почитать», – пробормотал он.

– Что? Вы что-то спросили меня? – Грант оглянулся, посмотрел на мужчину.

Мужчина, посмотрев поверх очков, увидел молодого человека с книгами в руках: «Что?»

– Вы меня о чем-то спросили?

– Нет, нет – это я сам с собой. А вы я вижу не успели в библиотеку?

– Не успел. Время перепутал, думал они сегодня до восьми работают, а они сегодня до семи.

– Да неудачно. Я тоже чуть не пролетел, но мне повезло, там молоденькая девушка такая быстрая, такая молодчина, хорошо так помогает библиотекарьше. А та, такая копуша, вы не представляете... еле-еле работает, народу много, а ей хоть бы что, копается и все. А эта голубушка быстрая, вежливая и в литературе хорошо разбирается, сразу чувствуется начитанная. Она и мне помогла. Может она у вас хоть книги примет, а? Попробуйте.

Грант пожал плечами, медленно отошел в сторону и стал рассматривать афиши на стене.

Мужчина, сделав несколько шагов к выходу, оглянулся: «Молодой человек, а вы смелее, смелее... а девушка просто загляденье, не пропустите звездочку», – подмигнул он.

Грант оглянулся, улыбнулся: «Всего вам хорошего».

– И вам. Удачи вам и смелости, – улыбнулся мужчина и пошел медленно к выходу.

Дверь опять открылась, из библиотеки вышли две женщины. Грант посмотрел на часы, повернулся к афишам.

Из кинозала вышли трое рабочих и завхоз Мария Семеновна, крикнула: «Так, стулья выносите сюда, в вестибюль, только проход в библиотеку не загораживайте», – командным голосом давала указания Мария Семеновна.

– Понятно, а инструмент куда ставить будем? – спросил один из рабочих.

– Пианино давайте... – завхоз подумала, – а давайте его поставим... в библиотеку.

Завхоз постучала в дверь библиотеки. Мила открыла дверь. Завхоз решительной походкой вошла в библиотеку: «Здравствуйте, хорошо, что вы еще работаете. Наталья, у нас в кинозале косметический ремонт начинается, нам надо пианино временно приютить у вас».

– Пианино? А куда ж его здесь поставить? – спросила Наталья.

– Пианино? Здорово! – воскликнула Мила, быстро окинула взглядом абонемент библиотеки и предложила перестановку. – Столы с журналами сдвинуть, а выставки поставить сюда, а напротив окна будет место для инструмента. Годиться?

– Ну да, можно, – пролепетала библиотекарь Наталья.

– Молодец, Люда, быстро сообразила, – одобрила завхоз, обратилась к рабочим. – Давайте, ребята, действуйте, помогите девчонкам здесь все передвинуть и тащите пианино сюда. А мы с вами пойдем дальше, – обратилась она к старшему рабочему.

Рабочие принялись делать перестановку под руководством Милы.

Наталья обслужила последнего посетителя, встала: «Наконец-то рабочий день закончился, уже половина восьмого, хорошо, что ты помогла, а то бы я еще копалась. Ты уходишь?»

– Наташ, ведь инструмент здесь стоять будет, можно я здесь позанимаюсь, мне очень надо выучить заданные пьесы?

– Да занимайся, пожалуйста, жалко, что ли... Смотри, сколько книг сегодня сдали? Завтра придется выйти на пару часов, а то в понедельник не успею все сделать, там еще новые книги надо будет оформить. Да еще по заказам подобрать книги.

– Ой, спасибочки, а книги я постараюсь перенести в книжный фонд, – весело сказала Мила. – Еще надо по списку мужчине подобрать книги, он с утра придет в понедельник, вот список, – показала список литературы.

– Да не надо. Я сама завтра все сделаю, ты давай занимайся. Людмил, я тогда пойду? Ты все здесь закроешь? Ключи сдай сторожу.

– Конечно. Я все сделаю, ты не волнуйся, иди. Иди отдыхай.

– Не забудь дверь опечатать, печать где лежит ты знаешь.

– Знаю. Все сделаю.

– Чай попей, а то небось голодная.

– Спасибо, – улыбнулась Мила.

– Я пошла, – Наталья подошла к двери.

В дверях появились рабочие, они аккуратно везли инструмент: «Девушки, куда ставим?» – спросил один из рабочих.

Мила посмотрела на Наталью: «Хозяйка сейчас вынесет окончательный вердикт. Наташ, так куда ставим инструмент?»

– Ставьте, куда вам было показано, – ответила Наталья. – Люда, до свидания, я ушла, – вышла из библиотеки.

Рабочие быстро закатали инструмент на указанное место и вышли из библиотеки.

Мила, радостная, вприпрыжку прошла в книжный фонд, быстро вернулась с тряпкой и маленьким ведерком с водой.

Дверь отворилась и в библиотеку вновь вошла Наталья, протянула Миле две книги, сверху торчала бумажка: «Люда, положи на стол, эти книги с читателя надо будет списать... уж очень просил парень, симпатичный такой, не могла ему отказать, – улыбнулась Наталья. – Глаза! Такие красивые».

Мила, посмотрев на Наталью, улыбнулась: «А что, если бы у него глаза были обыкновенные, ты бы не приняла у него книги?»

– Конечно нет, сколько можно работать? – буркнула Наталья.

– Ах, эти глаза! Глаза зеркало души человека. Его глаза ее пленили и поразили, – засмеялась Мила, весело посмотрела на Наталью, протирая инструмент влажной тряпкой.

– Хорошо сказала, это так... симпатичный парень. Но увы, увы, увы, – вздохнула Наталья. – На, положи на стол, – передала книге Миле. – Я сама все завтра сделаю, ты занимайся, уже восемь скоро... дверь закрой за мной, – вышла, закрыв за собой дверь библиотеки.

– Да. Сейчас закрою. Пока, – Мила закрыла на ключ дверь.

На площади около ДК было много народу: на лавочках сидели молодая пара, пожилые люди; бабушки прогуливались с внуками, девочки играли в «классики».

Грант, выйдя из вестибюля ДК, огляделся по сторонам, затем присел на одну из лавочек, рядом с пожилой парой. Осмотрел сидящих на лавочках и гуляющих прохожих, услышав звуки мотоциклов, он встал, увидел троих подъезжающих мотоциклистов, быстро пошел за здание ДК. За зданием ДК сидели подростки и курили, пряча от всех сигареты, увидев Гранта, они испугались и сразу спрятали за спины сигареты, изображая, что они играют в «слова»: – капуста, – акварель, – линейка, – акула...

Грант, кинув взгляд на мальчишек, стал осматривать окна здания ДК. Увидев стеллажи с книгами, он подошел к этим окнам, попытался в них заглянуть, подпрыгнув. В окнах горел свет, фрамуги окон были открыты, слышались звуки музыки. Вначале аккорды звучали неуверенно и тихо, чувствовалось, что шло разучивание пьесы. Он постоял немного и медленно пошел вдоль здания.

Трое мотоциклистов, подъехав к ДК, притормозили. Первый из них, остановился, снял шлем, Вачик осмотрел площадь. Натянул шлем, махнул рукой мотоциклистам и поехал вдоль здания ДК...

На улицу со стороны ДК выехали три мотоциклиста, впереди ехал мотоциклист, сзади у него сидел Грант. Мотоциклисты проехали по улице Ленина и завернули за угол, к общежитию.

Мила сидела за инструментом в библиотеке и разучивала музыку Ж. Гарваренца из фильма «Гром небесный». Посмотрела на часы, висевшие на стене, встала, потянулась, сделала гимнастику пальцев рук, прошла в книжный фонд.

Медленно вошла в зал книжного фонда, подошла к окну, посмотрела на улицу, было темно. Постояв немного, быстро стала закрывать окна, выключила свет. Вернулась в зал абонементов, подошла к пианино, немного постояла, подумав, села и сыграла всю пьесу. Красивая музыка наполнила помещение библиотеки...

Около ДК заметно «поредело» – ушли бабушки с детишками, пожилые люди. Только молодые пары в основном сидели на лавочках и прогуливались по тротуару.

С улицы к ДК повернул мотоциклист в красном шлеме, въехав на площадь, он повернул за здание дворца культуры, остановился напротив окон библиотеки, свет в окнах не горел, он снял шлем, прислушался, сошел с мотоцикла и подошел к окнам. Фрамуги были открыты, доносилась красивая музыка, играли уверенно, музыка звучала то тихо, то громко и тревожно.

Грант, прислонившись спиной к стене, устремив взор вдаль, слушал музыку. Музыка трогала своей проникновенностью. Вскоре музыка замолчала. А Грант все стоял, прислонившись к стене здания, и смотрел вдаль... Звонкий смех, проходивших мимо молодых девушек и парней заставил его вернуться к реальности. Начал накрапывать дождь. Он посмотрел на группу молодых людей, натянул шлем и подошел к своему Харлею.

Проходя мимо него, от группы молодых людей отделились два парня: «Посмотри, какой мотор, класс!»

– Да уж, мечта жизни! Это же Харлей.

– Что, правда?

– Кажется, да. Давай спросим у парня?

Парни подошли к Гранту.

Из дверей ДК вышла Мила с сумкой в руках, шел дождь, посмотрела на небо, по сторонам, вернулась в вестибюль ДК. Через несколько минут она вновь вышла из ДК, в руках держала дождевик, за ней, придерживая массивную дверь, шел сторож дядя Миша.

Мила подняла над головой дождевик, поправила на руке сумку с нотами: «Ну, как я вам?» – посмотрела с улыбкой на дядю Мишу.

– Во всех ты, душечка, видах хороша. Иди с Богом, труженица—пчелка. Осторожно, не поскользнись, вон какой дождь идет.

– Спасибо вам, дядя Миша. Я завтра занесу дождевик.

– Хорошо, хорошо, иди, – улыбнулся дядя Миша.

Мила осторожно спустилась по ступенькам, прошла площадь и повернула к своему дому. Дядя Миша закурил папиросы «Беломор», стоял и смотрел ей вслед, до тех пор, пока она не скрылась из виду.

Из-за угла здания выехал мотоциклист в красном шлеме, остановился, спросил о чем-то дядю Мишу, тот показал в сторону дома Милы. Грант, поправив шлем, поехал через площадь.

Мила подошла к своему дому, протянула из-под дождевика руку, проверив закончился ли дождь. Дождь закончился. Она сняла и стряхнула дождевик, поправила волосы, перекинула через руку мокрый дождевик.

– Люда, Люда, – услышала она, оглянувшись, никого не увидела. – Посмотри направо, – кричала ей девушка.

Мила посмотрела и увидела Наташу с двумя девушками, стоявших на углу ее дома, подошла к ним: «Привет».

– Привет, муза художников, – весело поприветствовала ее Наташа. – Узнаете девушку? – обратилась она к своим попутчикам.

Девушки присмотрелись к Миле и лица их изменились: «Так эта та девушка с картины, что на выставке висит», – воскликнула одна из них.

– Так точно, она самая – «Читающая» – Людмила—Люда—Люся, моя одноклассница, – весело ответила Наташа.

– Привет, – с опозданием ответила вторая девушка, – твой портрет всем очень понравился на выставке, ты там такая красивая.

– Спасибо, – усмехнулась Мила, – а ты, что здесь? – обратилась к Наташе.

– Да на почте была, там встретила вот девчонок, ну и заболтались, а потом решили перед сном прогуляться, воздухом подышать. Знакомьтесь – это Галя, это Нина, – представила девушек Наташа.

Девушки улыбнулись Миле, не сводя с нее глаз.

– Приятно познакомиться, – равнодушно ответила Мила.

Из подъезда почты, которая находилась в доме Милы, вышел Борис, держа в руках газеты и конверты. Посмотрев на небо, он протянул руку, проверяя идет ли дождь...

Нина посмотрела вперед, увидела Бориса: «Смотри, смотри, какой красавчик», – толкнула в бок подругу.

Галя посмотрела на парня, подняла удивленно брови.

– Давай подкатимся? – не унималась Нина.

– Закрой рот. Бесполезно, я его знаю, он из «не приступных», из нашей «общаги», – разочарованно ответила Галя.

– Почему бесполезно-то? Мы симпатичные девушки, молодые, – она кокетливо поправила грудь, одежду, волосы.

– Я ж тебе рассказывала... ты что глухая? Ничего не помнишь?

– Что помню-то? Ты, о чем? – недоумевала Нина.

– И мне интересно, ЧТО ты помнишь? (сделала ударение на слове «что»). Потому что ты ничего не помнишь, что тебе говорят и рассказывают, – раздраженно парировала Галя.

– Тише вы, девчонки, не заводитесь, – одернула девушек Наташа, оглянувшись, увидела Бориса, улыбнулась и хитро посмотрела на Милу.

Мила тоже посмотрела на парня, стоявшего у подъезда почты.

Борис посмотрел в сторону, увидел девушек, равнодушно отвернулся и стал убирать конверты в газеты. Потом услышал спор девушек еще раз обернулся, поморщился, посмотрел на девушек, присмотрелся... лицо вначале выразило удивление, потом изменилось и озарилось улыбкой, он узнал Милу. Быстро подошел к девушкам, радостно произнес: «Привет, девчонки. Что стоите под дождем?»

– Привет, так дождя уже нет, – ответила Наташа.

– Привет, молодой человек, – ответила кокетливо Нина.

Борис повернулся к Миле: «Здравствуй. Вот мы и встретились. Как ты и говорила, после дождичка».

– Добрый вечер, – улыбаясь, ответила Мила. – А что ты здесь делаешь, возле моего дома, в столь поздний час? – медленно спросила она.

– Да разве поздний час? Еще нет одиннадцати.

– Хм... так что?

– Был на почте, вот газеты и конверты купил... Потом дождь переждал, встретил вот Наташу, поболтали... и вдруг вижу тебя, я вначале даже не поверил, что это ты.

– Около 4—х часов дождь переждал? Почта же до семи работает, а сейчас одиннадцатый час.

– Почему четыре? Откуда четыре? Да какая разница? Главное, что я тебя, наконец, увидел, – затараторил Борис.

Мила, не понимая ничего, посмотрела на Наташу. Та кокетливо опустила глаза, пожав плечами.

– А вы разве знакомы? – удивленно спросила Мила.

– Знакомы, – Наташа смотрела на Бориса.

– Значит это твоих рук дело? – Мила прищурила глаза.

– Я здесь ни при чем! Встретились случайно, поболтали ни о чем, кстати, Боря здорово рассказывает анекдоты, здесь дождь начался... вот и вся история.

– Так почта закрылась в 19 часов, а сейчас около одиннадцати? И... – Мила попыталась еще что—то сказать.

Но Борис осторожно взял ее под руку и отвел от девушек, оглянувшись подмигнул Наташе, послав ей воздушный поцелуй: «До свидания, девчонки, – крикнул он, повернулся к Миле. – Пошли, пошли, теперь я тебе расскажу анекдот и просветлю юмором твою загруженную голову и у тебя поднимется настроение».

– Пока, пока, – крикнула Наташа, подмигнула Борису.

– Черт! Да что же это такое? – выругалась Нина. – Даже не дали мне парня закадрить.

– Да успокойся ты! Я же долблю тебе, что многие из девчонок пытались закадрить его – бесполезно! Понимаешь ты? – сердито сказала Галя.

– Как, совсем? Почему это? Не может быть такого!

– Может. Он любезен со всеми, шутки, прибаутки, анекдоты и все. Все! Стена! И дружок у него, главный их, тоже красавчик такой же и тоже стена. Наши бабы их называют «не приступными». Я ж тебе рассказывала про них, хотя ты была тогда под шафе, наверное, не «усекла».

– А—а—а, теперь припоминаю... кавказцы, на мотоциклах гоняют, их несколько человек... ты тоже ведь старалась подкатить к ним, да?

– О! Смотрите—ка головка просветлела у моей Нины. Да.

– А тогда, что сейчас я видела? Он же за ней... – оглянулась, – он ее, что ждал? – недоуменно спросила Нина.

– Пошли. Хватит, – махнула рукой Наташа и пошла вперед.

– Нет, я не поняла? Ты же сказала, что он не с кем? А...

– А на Людмилу он давно «запал», вот, что ты сейчас видела. Теперь все понятно? – Наташа с презрением окинула взглядом сверху вниз девушку.

– Давно? ... Так они встречаются?

– Пошли. Не твое это дело. Он и она тебе не по плечу.

– Нет, она, конечно, симпатичная, ничего не скажешь, и он тоже красавчик, но... – не унималась Нина.

– Без всяких, но! Я же тебе сказала, что тебе она не по плечу.

– Почему? Нет ты объясни мне... Я его отобью! И вы мне поможете, – не унималась Нина.

– Галь, скажи ей, чтобы она закрыла рот и меня не нервировала, – резко оборвала Наташа.

– Заткнись! Успокойся... и пошли! – Галя преданно посмотрела на Наташу, – а расскажи о ней... – тихо попросила девушка.

Наташа медленно шла по тротуару, посмотрела в сторону и увидела Бориса и Милу, остановилась...

...Борис и Мила, не спеша шли в противоположную сторону от улицы Ленина, по которой шли девушки. Борис нес ее сумку, они остановились, он накинул на ее плечи дождевик, слегка обняв ее. Мила посмотрела на руку Бориса, улыбаясь, ловко увернулась, когда он хотел ее обнять, повернулась в обратную сторону к своему дому. Борис что-то говорил ей, а она, покачивая головой, говоря «нет, нет», медленно, спиной шла к своему дому. Он наступал на нее и рассказывал ей что-то...

Наташа улыбнулась, смотря на них, потом посмотрела на девушек: «О ней? Она порядочная, скромная, начитанная, хорошо поет, танцует, всегда сама по себе. Ни с кем не водит дружбу, в школе ее звали гордячкой, но с ней мы в хороших отношениях, еще со школы. Учится в техникуме, в Москве и заканчивает музыкальную школу, играет на пианино. У нее две старшие сестры, родители работают на станции. В поселке мало появляется. Что еще? В школе она была незаметная, а в 7 и 8 классах стала привлекать внимание парней. Один парень до сих пор за ней бегает. Представляете, чуть ли не каждый день ее провожает в Москву до техникума, а она ни с кем ни-ни, – медленно рассказывала она, немного постояла, затем пошла вперед, помолчав, продолжила. – Еще она под личной защитой Масловского, он приказал всем своим ребятам, чтоб с нее ни один волосок не упал... Вот так!»

– Да ты что?! Санек фигура серьезная, – протянула Галя.

– Ни фига себе-е-е... штучка, – присвистнула Нина.

– Усекла теперь? Отобью... вы мне поможете... (передразнила Нину Наташа). Скажи же, тебе она не по плечу, – она вновь окинула Нину презрительным взглядом.

– А почему Санек ее оберегает? – с интересом спросила Галя. – Он что? С ней того... с ней встречается?

– Да нет, они не встречаются. Они с детства дружат, в одном подъезде жили. Потом, когда его посадили, она ему как—то помогала, да и Валька, его сестра с ней в детстве дружила. Санек очень ее оберегает. Думаю, что он тайно в нее влюблен, но без ответа. Вот такие дела... Все. Говорим о другом.

– А Борис, он откуда ее знает? Откуда ты знаешь, что он на нее «запал»? – вновь пристала к Наташе Нина.

– Откуда, откуда... от верблюда! Он сам мне об этом сказал.

– Что сказал?

– Да отвали ты! Достала! – огрызнулась Наташа.

– Нин, ты чего такая тупая? Чего тебе не понятно? Когда Наталья все понятно объяснила.
– Откуда Борис знает эту Людмилу, если она в поселке не появляется? – язвительно вновь спросила Нина.

– Где-то раньше познакомились, я не знаю, – задумчиво ответила Наташа. – Она здесь живет, не появляется – я имела ввиду, что не гуляет по вечерам и ночам, как мы.

– Да, везуха этой Людмиле – картины с нее рисуют, провожают каждый день, авторитет под личную защиту поставил, да еще богатенький красавчик «запал», – медленно процедила сквозь зубы Галя.

– А кто богатенький красавчик? – Нина расширила глаза.

– Догадайся с двух раз... ну напряги свои мозгушки, – Галя презрительно посмотрела на подругу.

– Этот красавчик что ли?

– Смотри-ка и правда догадалась.

– Ни фиги себе! – протянула Нина. – А откуда ты знаешь?

– Бабы в общаге рассказывали. У него здесь родственники какие-то посты занимают, в Баку отец то ли в Совмине работает, то ли еще где-то высоко.

У Нины расширились глаза, открылся рот.

– Закрой рот, детка, – Галя посмотрела в сторону Бориса.

– А что же тогда этот богатенький красавчик в общаге живет?

– С друзьями своими живет, они еще с армии вместе. Вместе в институте учатся. Все, хватит о них. У них своя жизнь, а у нас своя, правда? – Галя повернулась к Наташе.

– Правда. Пошли. – улыбнулась Наташа.

Глаза у Нины сузились, ухмылка промелькнула на губах.

– А парень мне понравился и чем я хуже нее, даже лучше, – поправила свою большую грудь, – и намного лучше, – передернула плечами Нина.

Грант ехал по улице Ленина, у дома Милы притормозил, увидел ее, стоявшую с девушками, повернул направо к рядом стоящему дому. Проехав вперед, в конце дома, развернулся, проезжая мимо дома, услышал громкое: «Гриша!» – он притормозил, оглянулся.

У подъезда дома стоял пожилой мужчина: «Гриша, здравствуй».

– Здравствуйте, Петр Иванович, – улыбнулся Грант.

Петр Иванович протянул руку, Грант ответил рукопожатием.

– Что ты здесь у нас делаешь? Кого-то ищешь?

– Нет, никого не ищу. Ехал, а навстречу грузовик, повернул, чтобы разъехаться, развернулся здесь, а что здесь запрещено ездить?

– Да нет, нет... Это я так просто, пошутил. А я вот вышел покурить, а то моя бабка чего-то разошлась на ночь, все ей не так и не эдак, вот я и ушел от греха подальше, чтобы не скандалить на ночь... Гляжу, ты едешь на своем мустанге и по сторонам смотришь, вот я и решил, что ты кого-то ищешь.

– Понятно.

– Как жизнь-то, молодая? Как там Борис поживает? Невест себе еще у нас не нашли?

– Да все в порядке, жизнь идет своим чередом. Скоро институт заканчиваем. А так все пока без изменений, работа, учеба, иногда кино и танцы, немного спорта, мотогонки...

– А насчет невест, как?

– Пока никак.

– Это Гриша плохо... без женщины никак, нам мужикам, нельзя. Пора, пора... уж к 30-ти время идет. Армию с честью прошел, за рубежом повоевал, досталось... Молодцы, институт заканчиваете, время настало и для любви, – засмеялся, – а Борис-то как?

– Да тоже ничего, здоров. Работает, учится.

– А на личном фронте у него как? Вы ж, как братья с ним.

Грант с улыбкой пожал плечами.

– Значит также. Сердца храбрых джигитов свободны от пламени сжигающей любви...

– О! Петр Иванович, да вы поэт!

– А ты, что думаешь, я всегда был стариком Петром Ивановичем, старшим слесарем Жека? Нет, дружок, был знаешь каким молодцом. О—го—го! Девкам сердца зажигал, лапшу на уши вешал, стихи читал! Любил я стихи... Я помню, любимая, помню. Сиянье твоих волос, не радостно и не легко мне, покинуть тебя привелось... Ох, дурак был. Не видел по молодости где настоящие чувства были, а где так... мишура житейская была... вот и стою здесь на ночь глядя... Ох, Гриша! Найти свою половинку, ох, как не просто в этой житейской суете, смотри, парень внимательно и не пропусти...

Раздался женский смех, Петр Иванович оглянулся... у соседнего дома стояли Мила, укрывшись дождевиком, и Борис. Он что—то ей весело рассказывал, она смеялась.

– Легко на помине! Это же Борис! А девушка наша... я ее знаю. Скромная, уважительная такая, не то, что некоторые здесь живущие... Смотри, смотри, как Борька ее обхаживает, хвост распустил, байки небось заливает. А она... смотри, дистанцию держит... он к ней, а она назад отступает, а он опять к ней, – засмеялся. – Молодец девушка, смотри... уходит от него, – посмотрел на Гранта.

Лицо Гранта изменилось, стало серьезным, глаза сузились.

– Гриша, так что они встречаются, что ли?

Грант, не слыша его, внимательно смотрел на Бориса и Милу.

– Гриша?

– А? Что? – очнулся Грант.

– Я спрашиваю, они что встречаются?

Грант пожал плечами, продолжая смотреть на Бориса и Милу: «Я в неведении. В первый раз вижу... эту девушку», – взглянул на Петра Ивановича.

– Гриша, не надо бы этой девушке мозги морочить. У Бориса ведь невеста у вас на Кавказе, они ведь помолвлены.

– А у вас откуда эта информация?

– Так, дядюшка его, начальник наш, обмолвился как-то, он хоть и дальний родственник, но любит Борьку-то и переживет, что он в ссоре с родителями.

– Так, что вы говорите про эту девушку?

– Хорошая она. Из простой работающей семьи. Отца ее, Илларионыча, хорошо знаю, в «доминишко» одно время хорошо с ним перекидывались. Мужик хороший, работающий, мастер на все руки, а как на гармошке играет, заслушаешься... Он со своей старшей дочкой на станции работает, тракторист, бульдозерист, вкалывает дай бог, на свое бабье царство.

– Какое царство? – нахмурился Грант.

– Да это я так по-доброму, по-простому. Бабье царство – это его три дочки и жена Маша, хорошая, скромная, работающая женщина. Они в том доме и живут, с первых бараков в поселке живут. Сначала Илларионыч приехал на заработки, а потом и всю семью сюда привез. Вот так.

Они обменялись взглядами, Грант молчал.

– А как же Борис с ней познакомился? Ведь Илларионыч говорил, что она вообще не гуляет, учится в Москве, приезжает поздно домой, да все в нашей библиотеке ДК помогает... А—а, наверно, на выставке... Генка мой рассказывал, что на выставке в ДК там ее портрет висит, красивый такой, всем очень нравился, мы с моей бабкой тоже ходили смотреть... а ты видел ее?

– Нет, не видел.

– А, ты что на выставке не был?

– Нет, – сузив глаза, ответил Грант.

– Так я и говорю, что наверняка он с ней там и познакомился и глаз на нее положил. Там все на нее смотрели. А, Гриш?

– Да с чего вы взяли? – нахмурилась Грант.

– Да ты глаза-то открой. Посмотри, сразу видно не вооруженным взглядом, что она ему нравится, – Петр Иванович посмотрел в сторону молодых людей....

Мила забрала свою сумку у Бориса, сняла дождевик с плеч, стряхнула его, перекинула через руку и, улыбаясь, посмотрела на Бориса. А он что-то весело ей рассказывал. Вскоре, она взбежала по ступенькам, подошла к двери подъезда, помахала ему рукой, говоря: «До свидания». Борис продолжал говорить ей что-то.

Грант быстро натянул шлем: «Да, бросьте вы, Петр Иванович, поговорил парень с девушкой, а вы уж сразу и поженить их хотите. Не берите в голову. Это случайная встреча. До свидания», – и дав газу, проехал мимо друга, стоявшего спиной к нему, на улицу Ленина.

Девушки шли медленно по тротуару, вдоль главной улицы, мимо них проехал мотоциклист в красном шлеме.

– А вот еще один красавчик из их компании «неприступных», Григорий, – заметила Галя.

– Красавчик? Познакомь с ним, – оживилась Нина.

– Раскатала губу. Он у них главный, крутой такой, вообще не приступный... но он говорит с одной бабой тайно живет, красивая такая, живет у нас в общежитии, – пояснила Галя.

– Понятно, – разочарованно протянула Нина.

– Смотри, дошло, наконец, – засмеялась Наташа. – Пошли в парк, там ребята поют, наверняка. Песни послушать хочется.

Мила открыла глаза в своей «каморке-кладовке», потянулась, отодвинула занавеску, встала, посмотрела на диван, кровать, где спали сестры Лида и Валентина. Лида сегодня ночевала дома, поссорившись с мужем Виктором. Мила, когда сестра время от времени ночевала у них, спала в каморке, так все называли кладовку в их квартире. Светило солнце. Она улыбнулась, вскочила, сунула ноги в шлёпанцы и побежала в ванную комнату. Вышла из ванной причесанная, волосы были убраны в «хвост», длинная челка игриво доходила до глаз. Глаза сверкали хитрыми искорками. Прошла в кухню.

За столом сидели родители, отец с матерью завтракали бутербродами с овощами, тихо переговаривались, часы показывали 6.40.

– Доброе утро, – поздоровалась Мила.

– Доброе, – ответила мать, жуя.

– Доброе утро, дочка. Ты чего вскочила, птаха? Совсем или как? – улыбаясь, спросил отец.

– Совсем. Завтракать с вами буду, если вы не против.

– Садись, садись. Чай себе наливай, вот бутерброды, а может кашки поешь? – отец пододвинул дочери тарелку с бутербродами.

– Нет, спасибо, я какао себе сделаю с «бутером». Сладенького хочется, – улыбнулась Мила, начала делать какао «Золотой ярлык», присела за стол, взяла бутерброд с сыром. – Как здорово, что сегодня выходной, никуда ехать не надо. Обожаю выходной день!

– Потерпи, немножко осталось ездить.

– Пап, так ездить все равно придется потом, на работу, в институт на учебу... да я уже привыкла за 4 года, нормально.

– А ты, что в нашу библиотеку ДК не будешь устраиваться? Чтобы тебя туда распределили, тебе, что твоя Наташа запрос что ли не сделает? Поссорились что ли? – мать тревожно посмотрела на дочь.

– Нет, все в порядке. Почему я должна с ней ссориться? Она мне даже помогает, вот сейчас производственную практику отработаю и все, а дальше «госы», – Мила шутливо расширила глаза и посмотрела на мать.

– Да в чем же она тебе помогает-то? Это ты дурочка работаешь на нее бесплатно.

– С чего ты взяла, что я на нее работаю?

– Да все говорят, что как в библиотеке не появишься, задерживаешься и работаешь там.

– Mam, перестань, пожалуйста, мне это в удовольствие. Я так практикуюсь, опыт набираю.

– Ой, великая наука книжки выдавать, да принимать, какой там опыт нужен? Ну, и профессию себе выбрала, стыдоба! Там любая девчонка справиться, – мать начинала сердиться.

– Напрасно ты, мама, так говоришь. Принимать книги – да, дело не хитрое, а вот быть настоящим библиотекарем – это дело совсем не простое, как кажется. Знать надо много, в литературе хорошо разбираться, терпение надо иметь, общаясь с людьми. Уметь им порекомендовать интересную литературу, вызвать у них интерес к чтению. Много чего надо уметь... если бы так все было просто и легко, то не было бы учебных заведений, как наш прекрасный Библиотечный техникум. Нет, я довольна своим выбором.

– Ну, конечно, прекрасный он! Только для тебя...

– Мать, кончай! Чего заводишься на ровном месте? – прервал ее муж.

– Mamочка, все! Я свой выбор сделала. Эту тему закрыли, – Мила весело вскочила, сделала себе еще одну чашку какао.

Отец укоризненно посмотрел на жену: «Ты вчера это с кем гуляла?» – хитро спросил отец дочь.

– Я? Гуляла? Разве? – Мила подняв брови, расширив глаза, посмотрела на отца. – Я вчера разучила такую красивую мелодию! Чудо! Помнишь, я тебе говорила, что фильм смотрела французский? Вот из этого фильма. Девчонки проснутся, я вам сыграю.

– Где занималась-то? – улыбнулся отец.

– В библиотеке. Так повезло, книги сдала, а там завхоз зашла, ремонт в кинозале делать будут, вот и поставили временно инструмент в библиотеку. Я так обрадовалась. Наталья ушла, я осталась одна, так хорошо позанималась, никто не мешал.

– А потом?

– А потом дождь пошел, я у сторожа дяди Миши заняла дождевик, сегодня надо будет ему вернуть. Пошла домой, Наташку Симонову встретила около дома, поболтали, потом знакомого парня встретила, поболтали немного и я домой пошла. Все.

– Так это не свидание было? – допытывался отец.

– Какое свидание? Говорю же, что случайно встретила этого джигита около нашего дома, как и Наташку.

– Какого еще джигита? – встревожилась мать.

– Молодой джигит, высокий, красив, как Аполлон – волосы черные, вьющиеся, глаза черные, как ночь. Не хам, воспитанный, весельчак такой, очень приятный парень. Он пришел в восторг от моего портрета, что на выставке был... Я ему понравилась, – скромно и игриво ответила Мила. – Вот.

– Господи! Нам еще этого не хватало! – воскликнула мать.

– Мама, что такое? Не поняла?

– Люсь, ты совсем обалдела? Какой джигит? У тебя Володя есть. Дочка, ты что говоришь, какой Аполлон?

– У меня? Володя? Мама, ты чего—то перепутала. Володя действительно есть, но не у меня.

– Как это не у тебя? Он 4 года ездит провожать тебя на учебу, встречает с учебы. Он за тобой ухаживает, цветы дарит... Такой парень хороший – воспитанный, симпатичный...

– Мама, не продолжай! Володя действительно хороший парень, и все! Все! Он мне просто друг! Сколько раз я могу тебе это говорить? Д—р—у—г! Не более и он это знает, я ему это неоднократно говорила.

– Люсь, ты чего? Вы, что с ним поссорились? Я что—то его не вижу.

– Нет. Просто я ему сказала, чтобы он меня перестал провожать и встречать. Я уже большая девочка. Дорогу знаю.

– Отшила значит? – улыбнулся отец.

– Отшила, – сgrimасничала дочка.

– И тут же нашла замену с джигитом, красивым, как Аполлон? – отец внимательно посмотрел на дочь.

– Ничего не искала, никому никакой замены не делала, – отчеканила дочь.

– Ну, конечно, не нашла она... по тебе видно, что нашла замену... а чтой-то ты с утра такая веселая тогда? – сердито спросила мать.

– Мама, утро, солнце, я разучила красивую мелодию – вот причина моего хорошего настроения.

– А джигит? Расскажи про него.

– Дался тебе этот джигит, мама. Да нечего рассказывать. Поболтали да разошлись. Ну, понравился ему мой портрет, что на выставке был, ну, высказал пару комплиментов девушке, все. Мы может с ним больше и не увидимся. Он взрослый парень, армию отслужил, МИСИ заканчивает. Сам из Баку. – Мила встала, начала мыть посуду.

– У него небось в его Баку две жены ждут с детишками.

– Пусть ждут. Если ждут, значит дождутся.

– А как он к нам—то попал? Жил бы в общежитии института.

– В общежитии института живут дневники, а он учится на вечернем отделении. Как я поняла из беседы с ним, что какой—то близкий родственник у нас в Жеке начальник, вот он ему и его друзьям бесплатно общежитие предоставил. Чего еще желаете узнать, Мария Федорвна? – весело обратилась дочь к матери, помыв посуду.

– Сколько ему лет?

– Раз армию отслужил, институт заканчивает, значит плюс минус 25 лет.

– Так он уже взрослый!

– Да, мама. Не в коляске, не мамин сынок, как Володя. – Мила явно шутила с матерью. – Парень взрослый, – улыбнулась.

– И что он?

– Что он? Он... Он встретил девушку, полумесяцем бровь, на щеке родинка, – игриво пропела куплет из известной песни, – а в глазах любовь, – быстро добавила, – любовь в его глазах, не подумай, что в глазах девушки, как поется в песне. Видишь, как у меня! – указала на свою маленькую родинку слева над губой. Продолжая тихо напевать мелодию, вышла из кухни.

– Ты куда? Я еще не закончила с тобой разговаривать. Нет, ты видел ее? Довольная! Опять закадрила кого-то. Чего ты молчишь то? – обратилась мать к мужу. – Не хватало нам только кавказца... боюсь я их. Видела, целая компания на мотоциклах гоняет по поселку. Наши девки из общежития за ними бегают, на станции бабы рассказывали.

– Да брось ты. И что значит опять закадрила? Она учиться, ни с кем не встречается... Дочка младшая выросла уже...

– Да мне бросать нечего! Забыл недавние события? Как из-за нее две деревни стенка на стенку шли? Две деревни передрались, а ребята всегда дружные были, а тут приехала москвичка, хвостом помахала, потанцевала цыганочку на танцах, песни три попела и началось... матери головы потеряли вместе со спокойствием за своих сыновей... Баба Федора нас теле-

граммой вызывала, забыл? Как мы оправдывались, успокаивали всех... ох, чует мое сердце новая история начнется с этими кавказцами.

– Да помню все! – лицо отца озарилось улыбкой. – Бабки тогда в двух деревнях перессорились между собой, спорили все, кого она из них выберет. А она никого не выбрала. Три года ведь война шла. Надо отметить, что вела она себя как подобает девушке, повторяю – достойно. Ну, кокетка, что поделаешь тут, от природы это у нее, есть в кого, в бабушек. Вспомни, с 4—х лет за ней мальчишки бегали... а вспомни, как она с ними дралась, отбивалась, защищалась... Сашку Масловского помнишь? Как они тогда его втроем поколотили, особенно Люся, а он потом всегда ее защищал от других мальчишек.

– Да помню, все помню. Исколотили они его тогда здорово, – задумчиво произнесла Мария Федоровна, – мать его потом приходила ругалась, кричала, а ей тогда говорю: Зин, что ж ты не приходила, когда от него все девчонки да мальчишки во дворе плакали? Ты что всем матерям тогда говорила: Дети сами разберутся, и нечего вам, взрослым, влезать в их жизнь». Вот и я тебе твоими словами отвечу: Побили? Ничего, дети, сами разберутся. И нечего тебе, взрослой, влезать в их дела. Что заслужил то и получил. А она постояла, постояла, попытала как паровоз, а потом рассмеялась и давай хохотать и говорит мне: Маш, а ты права. Что заслужил, то и получил. Ладно, ты меня извини, это я так, по материнской дури пришла его защищать. Он три дня тогда во двор не выходил, стыдно было.

– Что ж, дочка у нас не простая девушка, парни липнут к ней. Но она-то молодец. Так, что не волнуйся. Разберется сама.

– Ой, точно, она, как медом обмазана. Ты точно сказал – липнут, и мальчишки, и девчонки, а она от всех нос воротит. В книжки свои уткнется и все читает и читает. Так что они с Валентиной учудили, знаешь? Читать стали с фонариком под одеялом.

– Так ты у них вечно свет выключаешь, вот они и нашли выход.

– Так сколько они света нажигают! Валя хоть немножко почитает, да спать. А эта читает, аж до утра.

– Пусть читает! Отстань от нее. Она не только читает, а как танцует – загляденье, поет хорошо, душевно. И ведь упёртая какая – захотела музыкой заниматься и ведь занимается, от усталости падает, а занимается. Все успевает. Молодец! Так что не пили ее.

– Да, поет, танцует – это в свекровь. А кокетка – это в мать мою... это ты правильно отметил. Волнуюсь я за нее.

– Все будет хорошо, – улыбнулся отец.

Вошла Мила с портфелем в руках: «Родители, у вас планы какие? В сад пойдете?»

– А как же, пойдём, – вставая, ответил отец.

– Мам, я хотела позаниматься. Что надо сделать? Понятно, что помимо уборки по дому, что еще на сегодня?

– В магазин надо сходить, мясо бы хорошо купить, вечером после работы ничего купить невозможно, как не приду прилавки пустые. Сходи пораньше, может достанется. Еще молока, масло, макароны и хлеб. Все остальное из сада принесем с отцом. И белье постирайте, – быстро дала указания Мария Федоровна. – Да, цветы пролейте как следует.

– Все сделаем, полъем, уберем, стираем, купим и позанимаемся, – ответила Мила, убирая со стола, – мама, деньги?

– Помню. Сейчас дам, на тумбочку положу. – Родители вышли из кухни.

Мила вышла из подъезда, в руках держала авоську с кошельком, подошла к почте и быстро поднялась по ступенькам. На табличке от руки были написаны часы работы: – пятница с 13—21 часа. Удивившись, она подумала и вошла, в маленьком помещении почты было несколько человек, поискав глазами кого—то, она подошла к окошку и тихо спросила: «Извините, а тетя Зина здесь?»

Женщина за окошком подняла сердитое лицо, увидев Милу, улыбнулась и крикнула: «Надя, Зина здесь?»

– Да нет ее! Она же вчера до одиннадцати вечера проторчала с той машиной. А зачем она тебе? – крикнули в ответ.

– Да здесь ее спрашивают.

– Я поняла. Спасибо. До свидания. – Мила быстро вышла на улицу.

Перешла улицу и быстрой походкой пошла к гастроному, единственному в поселке продуктовому магазину.

Глава 7. Неожиданные встречи

Мила вошла в гастроном. В мясном отделе было много народу, она заняла очередь. За ней быстро встал мужчина: «Вы последняя, девушка? Я за вами?»

– Да, я.

Постояв немного, мужчина спросил: «Как вы думаете, нам хватит мяса? Я вчера стоял, стоял, так нам и не хватило, так и пошли, не солоно хлебавши».

– Не знаю, – пожала плечами Мила. – Простите, я отойду на ненадолго, – обратилась она к мужчине.

– Иди, дочка. Я постою, никуда не пойду, я все уже купил.

Мила отошла, пошла в другие отделы.

К мясному отделу подошел Вачик. Посмотрел сквозь очередь на витрину, потом на очередь, присвистнул, почесал затылок. Отошел к большому окну магазина, посмотрел на улицу.

На улице появился Борис и Тигран. Увидев их, Вачик постучал по стеклу окна. Друзья остановились. Вачик показал на очередь и сделал жест – провел рукой по шее, потом показал на часы на руке. Парни переглянулись. Борис посмотрел на Вачика, потом что-то сказал Тиграну, показал Вачику, чтобы тот занял очередь. Парни ушли. Вачик занял очередь.

Мила пробралась сквозь толпу людей в мясной отдел, нашла свою очередь: «А вот и я, очередь продвинулась, – обратилась она к мужчине, – уже не долго осталось».

– Очередь-то продвинулась, а вот мясо уменьшилось, не хватит нам, наверное, – заметила впереди стоявшая женщина.

– Неужели мне опять не хватит? – взволнованно подхватил разговор мужчина, стоявший за Милой.

– Остались-то, смотрите, одни жилы, да жир, все хорошее разобрали, – вздохнула женщина. Постояв немного, женщина повернулась к Миле. – Девушка, стойте вот за этой женщиной. Я не буду стоять, – подумав, она обратилась к продавцу. – Скажите, еще мясо поднесут? Или только то, что на витрине осталось?

Продавец-мужчина крикнул с кавказским акцентом очереди: «Мясо все, что на витрине. Больше не принесут».

– Ну вот, как я и сказала. Пойду я, там уже нечего брать, надо было раньше приходить. Только время потрачено зря, – женщина вышла из очереди.

Мила продвинулась вперед, посмотрела на часы.

В отделе показался Борис, взглядом искал Вачика. Вачик тихо разговаривал с мужчиной, стоящим впереди него. Борис, увидев его, рванул к другу, задев слегка мужчину, стоявшего за Милой. Мужчина сердито посмотрел на него, но промолчал.

Дернув за руку Вачика, Борис сердито обратился к нему: «Я тебя зову, зову, а ты не видишь меня, видишь ли, разговором увлекся. Пошли».

– Как? Совсем?

– Да. Все в порядке.

– Здорово! Ты молодец. Ай, да Боря, – обрадовался Вачик.

– Пошли.

– Я стоять не буду. Вот держитесь этого мужчину, – обратился Вачик к женщине, стоявшей за ним.

Борис шел впереди, увидел Милу, глаза расширились, радостно улыбнулся, слегка тронул ее за руку: «Людмила, здравствуй, вот так встреча».

Мила оглянулась, улыбнулась, увидев его: «Добрый день, молодой человек. Вы тоже за мясом?»

– Да уже нет.

– Мясо заканчивается, осталось 3 куска, – крикнул продавец очереди. Увидев Бориса, продавец удивился, махнул не заметно головой в сторону.

Борис, перекинувшись взглядом с продавцом подмигнул ему, наклонился к Миле и на ухо прошептал: «Сколько тебе нужно мяса?»

Мила удивилась: «Мне достанется, наверное, но оно такое не приглядное».

– Сколько? Люда, сколько надо, – тихо переспросил Борис.

– Два-три килограмма, – тихо ответила Мила.

– Иди на улицу и жди меня, – прошептал Борис, взял Милу за локоть и вывел из очереди.

– Я уйду, стоять не буду, – обернулась к мужчине Мила.

Борис пошел вперед, обернулся и шепнул Вачику: «Иди на улицу и стереги эту девушку. Понял? Дождитесь меня».

– Понял. Она? – подмигнул весело другу Вачик.

– Она. Людмила, – Борис довольный подмигнул в ответ.

Вачик посмотрел на растерянную Милу: «Выходим на улицу. Не волнуйтесь, все будет нормально».

Выйдя на улицу, Вачик обратился к Миле: «Борис сказал, чтобы вы дождались его, он пошел доставать мясо вам и нам. Нам надо немножко подождать, так что давайте познакомимся и отойдем немного дальше, чтобы не привлекать внимание очередников, а то мало ли что, – он пошел не спеша вперед. Она пошла за ним. Отойдя немного от магазина, он с улыбкой протянул ей руку. – Давайте знакомиться. Я Вачик Мешаладзе, можно просто Валера – для удобства общения и по-русски».

– Люда, Людмила, – пожала протянутую ей руку Мила.

– Очень приятно, Люда. Я слышал о вас от Бориса, вы помогли ему и нашему другу Гарику не попасть по недоразумению в неприятную историю. Вы защищали их, это благородно со стороны молодой девушки защищать не знакомых парней, да еще кавказцев, – он открыто посмотрел на нее своими черными красивыми глазами.

Мила смутилась: «Мне нечего сказать, по-другому я не могла. Мне как-то неловко и неожиданно, что Борис мне предложил эту услугу – достать мясо. Но хочется маму порадовать, не удастся купить мясо уже длительное время».

– Люда, перестаньте. Нет никакой неловкости. Это же он вам предложил, ему это будет только в радость, поверьте мне. Вы помогли, теперь он помогает. Это нормально. Тем более ему это сделать совсем не трудно.

– Каким образом он это сделает?

– У него родственник заведующий магазином. Мы тоже пришли за мясом, хотим сегодня вечер отдыха устроить, шашлык приготовить, настоящий шашлык. Вы любите шашлык?

– О, да! Кто ж не любит шашлык-машлык? – игриво, имитируя грузинский акцент, ответила Мила, напряженность и неловкость у нее стала уходить.

– Люда, а вы знаете, как готовить настоящий шашлык, чтобы его хотелось есть и есть, чтобы мясо было мягкое, душистое.

– Нет. Валера, вы знаете я его только ела. А разве надо знать, какой-то рецепт? Ведь это просто – режешь мясо, добавляешь лук, соль, перец, немного масла, постоит немного и на шампуры. Вот вам и шашлык! Главное – не сжечь, не пересушить мясо.

– Но мясо может быть разным по вкусу, в зависимости от его приготовления.

– Не думаю. Мясо, как мясо, повторяю – главное его не сжечь.

– Вы заблуждаетесь. И я приглашаю вас убедиться в моих словах, отведать наш шашлык, и вы сравните, одинаковый ли шашлык тот, который вы ели и тот, который попробуете у нас. Приходите сегодня к нам в гости. Мы живем в этом общежитии, на последнем этаже. Вон окна нашей комнаты, угловые окна, – показал на окна общежития, – подниметесь на пятый этаж,

направо и последняя наша комната. Приходите, все наши друзья будут вам рады, поверьте и... не бойтесь, вас там никто не обидит. Я даю вам слово чести и свою защиту.

– Не знаю, это как-то неудобно и неожиданно для меня.

– А вы приходите с подругой, с сестрой, с кем хотите, приходите. Я обещаю вам добрый, приятный вечер и главное вкусный шашлык.

– Спасибо, – она посмотрела на его улыбающееся лицо, оглянулась и увидела Бориса. Он шел быстро, нес два свертка, завернутых в газеты.

– А вот и я. Пожалуйста, это вам, милая девушка, вырезка говяжья, как просили хорошее свежее мясо. А это Вачик, нам такая же вырезка. Похвалите меня за добычу.

– Молодец! Боря, как ты смотришь на то, что я пригласил Людмилу к нам сегодня в гости на шашлык, тем более у нас с ней вышел не большой спор о вкусе мяса.

– Замечательно на это смотрю, – улыбнулся Борис.

Мила опять смутилась, взяла протянутый большой газетный сверток: «Ух ты! Он тяжелый. Боря, сколько же здесь? И сколько я вам должна за мясо?» – полезла в авоську за кошельком.

– Ни сколько! Это моя благодарность тебе. Ешь на здоровье.

– Нет, не придумывай, это не удобно, я не возьму.

– Перестань! Не обижай меня, я действительно это делаю от души. Возьми пожалуйста, Люда, – он посмотрел ей в глаза.

– Нет, Боря, пойми меня, я не могу... И, что я скажу маме?

– Ничего маме не надо говорить. Просто купила и все.

– Нет, возьми деньги.

– Пожалуйста, возьми, – тихо сказал он.

Мила молчала, посмотрела на него, потом на Вачика. Они смотрели серьезно на нее и она улыбнулась: «Спасибо. Большое спасибо тебе. Я очень пораую и маму и всех моих, они уже давно не могут купить этого мяса, все никак не доставалось. Я-то по магазинам совсем не хожу».

Парни засмеялись.

– Вот и хорошо, маму надо радовать. И маме радость, и нам радость, – Вачик посмотрел на друга. – Ну, что ты молчишь по поводу приглашения, Боря?

– Да я буду только рад. Только она вряд ли примет наше приглашение. Приходи, Людмил, я тоже с большим уважением приглашаю тебя сегодня к нам в гости.

– Спасибо ребят. Я принимаю ваше приглашение, но не могу точно обещать...

– А ты постарайся! Ведь еще времени достаточно, приходи часам к семи, мы тебя или вас будем ждать, шашлык будет ждать. Ах какой вкусный, пальчики оближешь, – Вачик слегка подтолкнул друга в плечо.

– Прошу тебя, приходи. Хочешь, я за тобой зайду, в семь?

Мила расширила глаза, посмотрела на него, подумала и утвердительно махнула головой, потом, улыбаясь, произнесла: «Спасибо», – повернулась и быстро пошла с тяжелыми сумками.

Парни стояли и смотрели ей вслед.

– Как ты думаешь, придет? – спросил задумчиво Борис.

– Сильно захочешь, придет. Приятная девушка. Пошли готовиться к гостям, должно быть все достойно, – улыбнулся Вачик.

– Сильно хочу, – задумчиво произнес Борис. – Вач, а ты молодец! Я бы не решился ее пригласить, она такая не доступная. Какой хороший сегодня день, пошли, дружище, спасибо тебе...

В квартире Милы звучала музыка А. Хачатуряна «Танец с саблями», шло разучивание пьесы.

Уставшие родители – мать с отцом вошли в кухню. Мария Федоровна обратила внимание на чистоту на кухне, посмотрела на плиту, на плите стояла сковорода с крышкой, кастрюля. Уставшей походкой, она подошла к плите, открыла крышки сковороды и кастрюли: – «Сергей, посмотри».

Сергей Илларионович подошел к жене: «Чего? ... Ничего себе! Мясо! Да как много! Пюре картофельное, – быстро схватил кусок мяса. – А вкусное какое, пожарено как интересно, попробуй, – дал жене откусить. – Значит Люся купила мясо, и пожарила вкусно. Молодец, дочка!»

Мать заглянула в холодильник, вытащила оттуда несколько пакетов, выложила на стол, загрузила овощи, зелень, принесенные с дачного участка. Развернула выложенные пакеты, там лежала мясная вырезка: «Смотри, – обратилась она к мужу, – мясо, да какое хорошее, свежее, слушай, да сколько же она купила, я ей ведь дала на два килограмма. А здесь килограммов пять... Позови ее».

Музыка прервалась... В кухню вошла Мила с отцом.

– Люсь, откуда такое свежее мясо?

– Мама, из магазина. Я его разделила, разложила по пакетам и вот пожарила в кляре, приготовила пюре. Ужин готов. Все здесь помыла. Мне надо еще позаниматься. Что не так?

– Да все так. Молодец дочка. Только мать удивилась, что мяса много, а денег у тебя было мало.

– Мам, все нормально, не бери в голову. Это подарок. Я пошла, не трогайте меня еще с часик, ужинайте. Валентина белье постирала, квартиру убрала, ушла куда-то. Лида на работе, – Мила поцеловала отца, – пап, я занимаюсь...

– Иди, иди, все хорошо, – отец довольный посмотрел на дочь.

– Маш, такой ужин дочка приготовила, под такое мясо и после работы на участке, пивка бы положено, а?

Мария Федоровна, посмотрела на пакеты с мясом, на плиту: «Подарок, от кого? – пробормотала удивленно она, посмотрела на мужа, который вопросительно ждал ее решения. – Ладно, иди, одевайся, сейчас деньги дам». – Муж радостно улыбнулся.

Сергей Илларионович вошел в прихожую, сел на стул, стал обуваться. Входная дверь открылась, вошла Валентина: «Пап, вы пришли? Мы все с Люсей сделали, она мясо хорошее купила, пожарила. Я постирала, убрала квартиру. Пап, нас в гости пригласили, можно мы с Люсей пойдем, часов до одиннадцати побудем?»

– Да можно. Погуляйте, а Люся-то пойдет? Она занимается.

– Сейчас буду уговаривать. А ты куда собираешься?

– За пивком, дочка приготовила вкусное мясо, да и устали мы с этими работами в саду, вот мамка сжалась, дала на пиво.

– Понятно. Только вы не ссорьтесь потом после пива с мамой.

– Валь, ссоры не будет, мама довольна всем, еще вкусное мясо помогло, – отец подмигнул дочери.

Валя улыбнулась: «Ладно, давай, иди».

Отец ушёл. Валя вошла в кухню, поздоровалась с матерью, немного поболтала и пошла в комнату.

Мила сидела за пианино и играла уже другие пьесы.

– Ну, как «Танец с саблями» разучила? – спросила осторожно Валя.

Мила прервала игру, посмотрела на сестру, вытянула спину, полистала ноты и заиграла уверенно «Танец с саблями».

– Вот. Как?

– Хорошо. Молодец. Ну хватит заниматься, ты сегодня итак сидишь три часа за инструментом, пошли прошвырнемся? Помнишь, я тебе говорила, про парня, который очень хотел с тобой познакомиться, когда увидел твой портрет на выставке?

– Да. И что?

– Сегодня есть возможность с ним познакомиться. Нас с Аней сегодня пригласили в гости, и он как раз там будет.

– Вас пригласили, вы и идите, а я тут при чем?

– Нас просили прийти вместе с тобой, пошли, пожалуйста.

– Ой, я не хочу, я тоже, между прочим, сегодня в гости была приглашена, но мне как—то совсем не хочется. Правда, не обижайся, Валя, иди погуляй, а я бы еще позанималась.

– Мама же дома, они пришли из сада уставшие, от твоей игры у нее голова заболит, она начнет нервничать и опять ссора будет. Тебе это надо? Я тебе предлагаю лучший вариант: ты отдыхаешь, родители отдохнут одни, без нас, в доме все довольны. Пошли. Ну, что ты, как синий чулок.

– Ты права. Ладно, уговорила. Пошли, – Мила закрыла крышку пианино. – Мне надо 15 минут.

– Давай, я пойду с мамой поговорю, иди, одевайся, – довольная Валентина вышла из комнаты.

В комнате общежития парни сутились, готовясь к вечеринке. Стол был убран от книг, на столе в стеклянной банке цветы, много овощей, фрукты, порезанный черный хлеб, бутылки лимонада, боржом, квас. По радио пел М. Магомаев. Грант возился с магнитофоном. Борис около зеркала укладывал свои не покорные волосы, смачивая их водой.

Гарик вытирал полотенцем мокрые тарелки, бокалы, вилки, внимательно смотрел на стол, посмотрел на Бориса: «Борь, так на сколько человек ставить приборы, на семь?»

Подумав, Борис посмотрел на него: «Ставь на восемь человек».

– У меня только на семь человек, а кто будет восьмой-то?

– Сюрприз. Гарик, сходи к ребятам возьми еще несколько приборов, может ребята зайдут, пусть будет про запас.

– Борь, ты чего у зеркала так долго сегодня торчишь, как будто невесту ждешь? – обратился к другу Грант.

– Гриша, ты, о чем? Просто меня волосы мои раздражают, у всех они прямые, а у меня, как у девчонок волнистые.

– Раньше не раздражали, а теперь вдруг стали раздражать, с чего бы это?

– Все течет, все меняется, сам же часто говоришь это. Хочется каких—то изменений... Ладно, пусть будет так... Ну, как магнитофон будет работать?

– Будет, не волнуйся. Здесь лента просто запуталась.

Гарик вышел. Борис посмотрел на часы, подошел к окну, выходящему на главную улицу поселка, постоял немного, быстро подошел к вешалке, схватил куртку и молча вышел из комнаты. Грант задумчиво посмотрел ему вслед.

В комнату весело вошли Тигран с Аней и Валентиной. Девушки поздоровались с Грантом. Он тихо ответил.

Валентина подошла к нему: «Привет, чем занимаешься?»

– Привет. Да вот магнитофон чинил, небольшие неполадки. – Грант посмотрел на Валентину, – как у тебя дела, все в порядке?

– Да, все в норме.

– Настроение как?

– Настроение хорошее.

– Высоцкого хочешь послушать? – улыбнулся Грант.

– Да он мне не очень нравится, а тебе нравится?

– Да. Так я поставлю? Ты не против?

– Да, пожалуйста, ставь, что хочешь.

Зазвучал голос В. Высоцкого. На улице раздался громкий свист. Тигран быстро подошел к око, выглянул: «Готово? – крикнул он. – Ребята, Вачик подал сигнал, что шашлык готов. Ура! Садимся за стол. Гриша, а где Боря?»

– Не имею понятия, был здесь, а потом молча ушел. Валентин, шашлык любишь?

– Люблю, если он хорошо приготовлен, не пересушен.

– Пересушен? Обижаешь! Ты не представляешь, какой спец по шашлыку наш Вачик, сейчас убедишься в этом сама.

В комнату вошел с тарелками Гарик, поздоровался с девушками, поставил тарелки, вилки на стол и вышел вновь.

Грант кивнул головой Валентине: «Присаживайся за стол, где тебе удобно, не стесняйся».

– Спасибо. А ты где сядешь? – Валентина посмотрела на него красивыми зелеными глазами. Грант пожал плечами.

В комнату вошел Борис, вид у него был расстроенный, поздоровался с девушками, разделся, сел на свою кровать и взял в руки гитару.

К нему подошла Валентина: «Боря, ты чего такой расстроенный, что-то случилось?»

– Нет. Валюш, все в порядке, просто чего-то не так как-то.

В комнате воцарилась пауза, все слушали В. Высоцкого. Валентина переглянулась с Аней, указывая на Бориса, который тихо перебирал струны гитары.

Вошел Гарик, держа в руках шампуры с шашлыком: – «Привет, девчонки, помогайте, там дождь пошел, мне надо еще Вачику помочь», – положил на тарелки шампуры, все весело засуетились около стола.

Валя подошла к Гранту, который продолжал сидеть около магнитофона, взяла его под руку: «Гриша, пошли за стол, что ты сидишь около него, он пусть поет, а мы пошли твои слова насчет шашлыка, проверить».

Грант улыбнулся: «Пошли, ты сомневаешься?» – встал.

Все, весело болтая, стали рассаживаться за стол.

Валентина посмотрела на Бориса, тот продолжал сидеть на кровати, наклонилась к Гранту: «Гриш, а что с Борисом? Что-то случилось?»

Грант оглянулся на друга: «Борь, ты чего там сидишь, кончай, садись за стол».

Борис подошел к окну, открыл и выглянул в окно, рассматривая кого-то на улице.

– Боря, окно прикрой, пожалуйста, прохладно, – крикнула весело Аня, – и к нам присоединяйся, нам тебя не хватает.

Грант подошел к другу, обнял его за плечи. Борис грустно посмотрел на него, закрыл медленно окно.

В комнату быстро вновь вошел Гарик с шампурами. Все дружными возгласами встретили его: «Шашлык прибыл», – «Ура, главное блюдо мужчины», – «А как выглядит аппетитно, а запах какой ароматный».

Дверь открылась и вошел радостный Вачик с шампурами, придерживая ногой дверь: «Друзья, а вот и я! И самый вкусный на свете шашлык, мое произведение, вы меня ждете? А я не один», – он оглянулся... В комнату вошла Мила.

– Смотрите, кто к нам пришел. Победительница конкурса молодых художников мисс «Читающая», прекрасная Людмила.

Все весело зааплодировали.

Валентина подошла к сестре, прошептала: «Ты куда пропала? Я думала ты ушла, ладно, потом, – обернулась к парням, – знакомьтесь все, моя младшая сестра, Людмила. Прошу любить и жаловать».

Все повернулись к ней. Взгляд Гранта выразил недоумение. Борис заморгал часто-часто глазами, брови взлетели вверх.

– Добрый вечер всем, – смущенно поздоровалась Мила.

Валентина быстро подошла к растерянному Борису: «Боря, знакомься, моя сестра. Ты хотел с ней познакомиться, я свое обещание выполняю, бережно относись к ней», – засмеялась и отошла к столу.

Борис подошел к Миле. Она добродушно улыбнулась ему.

– Глазам своим не верю! Спасибо, что пришла... раздевайся, давай я тебе помогу. – Борис помог ей снять куртку, повесил на вешалку, подошел к ней, – пошли за стол?

– Руки помыть можно? – улыбнулась Мила.

– Конечно, проходи сюда, – Борис подвел ее к раковине, протянул полотенце.

Мила вымыла руки, вытерла о полотенце, посмотрелась в зеркало. Борис не сводил с нее глаз.

– Все, я готова. Пошли, – улыбнулась Мила, посмотрев на него.

– Боря, сюрприз удался? – спросил Вачик.

– Удался! Ты молодец дружище, – улыбаясь, ответил Борис.

– Какая хорошенькая девушка, – тихо заметил Тигран.

– Тебе нравится? – спросила Аня.

– Нравится. Она действительно хорошенькая, – наклонился и поцеловал Аню в щечку. – Смотри, как Борис обрадовался, он на нее давно запал, только и разговоров в последнее время было о ней.

– Они разве знакомы? – удивилась Аня.

– Ну да, – улыбнулся Тигран.

– Вот как? – удивилась Аня, – расскажи, что знаешь.

Тигран нагнулся к ее уху и зашептал... рассказывая, что знал о Миле.

Борис сел, напротив улыбающейся Валентины, усадил Милу рядом с собой за стол: «Я заходил к тебе и очень расстроился, когда твой отец сказал, что тебя нет дома».

– Значит мы разошлись, меня Валя уговорила пойти с ними в гости. Я увидела Вачика, как он готовил на улице шашлык и задержалась около него, хотела посмотреть, как он готовит шашлык.

– Я рад, что все так получилось и ты пришла, – улыбнулся Борис, – Люда, давай я тебя познакомлю со всеми своими друзьями, впрочем, Гарика и Вачика ты знаешь. Это Тигран, друг Анны, – посмотрел в их сторону. – А это мой лучший друг, можно сказать брат, Григорий, – оглянулся на Гранта, который продолжал стоять около окна.

Грант продолжал смотреть на Милу расширенными, удивлёнными глазами.

Мила посмотрела мельком, не обратив на него внимания, искала взглядом воду, прошептала Борису: «Боря, ужасно хочу пить, налей мне воды».

– Воды? Конечно, – довольный, он налил ей воды.

Мила с жадностью сделала несколько глотков с закрытыми глазами, открыв глаза, посмотрела на довольную, улыбающуюся сестру, сидевшую напротив нее.

Грант медленно подошел к столу, с опущенными глазами присел на стул рядом с Валентиной.

Мила посмотрела на Гранта вначале мельком, потом внимательно, прищулив глаза, отвела взгляд, задумалась, веки дрогнули, вновь посмотрела на него, глаза изменились, на секунду в них зажглись искорки. Взглянула на Бориса: «Извини, очень пить хотелось, так, что ты говорил?»

– Я хочу познакомить тебя с моим лучшим другом, моим названным братом Григорием.

Мила посмотрела на Гранта: «Давайте с вами познакомимся, Людмила».

Их взгляды встретились, они смотрели друг на друга, оба с прищуром глаз, улыбнулись, узнав друг друга, их молчаливый взгляд затянулся, привлёк внимание друзей.

– Грант Вишневский. Мне очень приятно с вами познакомиться, – он привстал со стула, продолжая смотреть на нее. – Боря, так ЭТА девушка тебя спасла? – спросил он неожиданно.

– Она самая. Моя спасительница.

– Не поняла? Я что-то пропустила? – спросила Валя.

Борис и Мила посмотрели друг на друга и тихо засмеялись.

– А ты разве не знаешь эту историю нашего знакомства? – Борис весь светился от радости.

– Знакомства? Так вы знакомы? – удивилась Валя. – Я не знаю никакой истории.

– Да, знакомы, – весело отозвался Борис.

– А зачем же ты просил меня познакомить тебя с сестрой?

Мила удивленно вскинула брови и посмотрела на Бориса.

Грант с интересом наблюдал молча за их разговором.

– Мы познакомились случайно, около большой лужи. Люда потом исчезла, и я ее искал, чтобы поблагодарить. И когда я случайно узнал, что она твоя сестра, на выставке картин, я попросил, чтобы ты меня познакомила. Но мы потом сами встретились. Вот и все.

– А поблагодарить за что хотел? – улыбнулась Валя.

– За то, что она меня спасла от милиции.

Валентина посмотрела на сестру: «Ты мне ничего не рассказывала».

– Да нечего было рассказывать, я и не придавала значения этому, – пожалала плечами Мила.

– Что будут пить девушки, шампанское? Холодное! По чуть-чуть? – весело спросил Вачик, открывая шампанское.

– Шампанское – это хорошо, – весело заметила Аня.

Вачик разлил всем понемногу шампанское, взглядом спросил Гранта, тот отрицательно покачал головой.

– Что ты будешь пить? Шампанского хочешь? – тихо спросил Борис, наклонившись к Миле.

– Нет. Буду квас.

– Может шампанское? Немножко? – подмигнул Борис.

– Боря! Я же сказала, что нет, – слегка рассердилась Мила.

– Хорошо. Квас, так квас, – налил ей квас. – А ты, Гриша, что пьешь? Тоже квас? – улыбнулся Борис.

– Квас, – улыбнулся в ответ Грант. Борис налил ему квас.

– Ребят, хватит вам там шептаться, а то ведь мясо остывает, вначале шашлык, а потом все остальные разговоры, – воскликнул Вачик. – Итак, давайте выпьем за нашу добрую компанию, за наше хорошее настроение.

Все чокались чашками друг с другом, кроме Милы и Гранта.

– Давай с тобой чокнемся, – Валентина, улыбаясь, повернулась к Гранту, – за хорошее настроение.

– За хорошее настроение, только квасом не чокаются, ты пей, и шашлык пробуй, а то и правда остывает. – Грант перевел взгляд на Милу, которая выпив свой квас, уже ела шашлык, положенный ей Борисом.

Мила тихо переговаривалась с Борисом, тот рассказывал ей что-то на ухо, был очень доволен и не сводил с нее глаз, песни Высоцкого заглушали их разговор. Все тихо переговаривались между собой, поедая шашлык, громко звучали песни Высоцкого. У всех было хорошее настроение...

В кухне, за столом сидели Сергей Илларионович и Мария Федоровна, ужинали. Родители были уставшие, но в настроении, тихо вели домашний разговор.

– Так что, тебе Мария Семеновна-то сказала?

Муж отпил из кружки пиво: «Про Люсю-то? Так сказала, что подвели итоги выставки картин художников, что висели на выставке в ДК. И картина художника, который нарисовал нашу Люсю, заняла первое место. Что наша дочка там просто красавица, что этот художник потом приезжал, и искал Люсю, просил ее адрес».

– И что она, дала? Адрес дала Люсин? – насторожилась мать.

– Нет. Не дала, потому что до этого Люся ее просила не давать ему ее адрес. Вот она мне все это и рассказала сейчас в магазине. Между прочим, тоже с мужем пиво брали.

– Надо же, а почему она просила не давать ее адрес?

– Ну не хотела, видимо, не понравился он ей, почему ж еще. Если бы понравился, то этого разговора не было бы, чтоб не давать ее адрес. Молодец дочка, что не говори.

Мария Федоровна посмотрела на мужа: «Сергей, когда ж она успела, чтоб ее портрет нарисовали? И ведь такая скрытная, ничего не говорила, и даже не похвасталась своим портретом, вот партизанка. Все узнаем от людей».

– Не говорила потому, что наверняка, не придала этому портрету значения, а может, она и сама ничего еще не знает, про это первое место. А что рисуют ее портрет, она мне как-то поздно вечером говорила.

– А что ж, ты мне ничего не говорил?

– Маш, да ты спала тогда, а на утро я уж и позабыл, на работу ушел. Да она как—то сама не придала этому значения. Сказала только, что интересно увидеть себя со стороны, какую он ее изобразит, этот художник.

– А где же он ее нашел-то?

– Так в ее в этой библиотеке, в нашем ДК и нашел.

– Ну надо же. Посмотреть бы этот ее портрет, а?

– Да увезли уже все эти картины. Да чего смотреть-то на портрет, ты на нее каждый день смотришь, на наше с тобой произведение, – засмеялся Сергей Илларионович, – Маш, ты чего? Смотришь во всем ее величии.

– Величии, скажешь тоже. Все равно интересно посмотреть.

– Ой, спасибо дочке, мясо вкусное, просто объедение, наелся от души. Ты как себя чувствуешь?

– Да нормально. Тоже наелась, мясо правда вкусное. Лучше бы на повара пошла учиться. Ну, ладно, не захотела учиться в торговом, ну пусть идет в институт пищевой или на повара учиться. Поговори ты с ней. Ну что ж она себе эту дурацкую профессию выбрала – библиотекарша. И в кого она? Господи, что за дурь такая.

– Маш, хватит тебе, не заводись ты.

– Да я не заводюсь, я переживаю за дочь, за ее будущее. Так поговори ты с ней?

– Ладно, поговорю, еще время есть, пусть этот свой техникум закончит. Но ведь ей-то нравится, вот в чем дело, – вздохнул муж. – Ладно, давай со стола убирать, да отдыхать пошли.

Муж встал и начал убирать тарелки в раковину...

– В кого ж она такая настырная, – ворчала мать, моя посуду.

– В кого, в кого? Характером она в бабушек, упертая, добрая в твою мать, а скрытная и веселая в мою мать, в ней много нашей крови, – улыбаясь, ответил Сергей Илларионович.

А в это время в комнате парней по радиоприемнику звучала, не громко, ритмичная музыка. На стульях расположились Тигран с Аней, Гарик с Валентиной с шумом и шутками играли в нарды. Борис сидел на своей кровати с гитарой, напевая песню. Грант ремонтировал магнитофон, вновь порвалась пленка.

Мила с Вачиком играли за столом в карты: «Вот вам две шестерки – вы, сэр, дурак с погонами, – весело закончила игру Мила. – Я выиграла. Все», – встала, подошла к столу и налила в стакан «Боржоми».

– Ну, как? Кто дурак? – Борис встал, посмотрел на друга.

– Я проиграл.

– И не просто проиграл, а остался в дураках с погонами, – уточнила Мила.

– Опять выиграла? Ну, ты даешь карточная королева. Где ты так научилась играть?

– Талант прирожденный! – игриво засмеялась Мила, – какой счет? 3:0 в мою пользу, так?

– Так. Тебе положен приз. Проси, чего хочешь? – Вачик мешал, улыбаясь, карточную колоду. – Итак, чего хочет, девушка?

– Шоколадное мороженное на всех, – весело сказала Мила.

– Мороженое? Магазины ведь уже закрыты.

– Ну не знаю. Уговор есть уговор.

– Вачик, ты попал! – засмеялся Борис, – желание выполнить невозможно, плати штрафной девушке.

– Мороженое... а может вместо мороженого торт подойдет? А? Люда, сжался, – взмолился Вачик.

– Торт? Шоколадный? Подойдет. Да, можно торт. Девчонки, я выиграла торт. Будете?

– Выиграла опять? Молодец. Будем торт, – отозвались девушки.

Вачик подмигнул Борису и вышел из комнаты.

Тигран и Гарик весело переглянулись: «Смотри, Люда опять выиграла».

– Во, дает!

– Знай наших, – засмеялась Валентина.

– Молодчина, Людмила, – улыbnулась Анна.

– Слушай, а где Вачик проигрыш найдет – торт? – Гарик скорчил гримасу.

– Не знаю. А он куда пошел? – пожал плечами Тигран.

– Без понятия. Люда, иди теперь к нам, – позвал Гарик.

– Нет, она к вам не пойдет. Теперь мы с ней вдвоем сыграем. Как девушка, один на один. Идет? – Борис подошел к Миле.

– Пожалуйста. Один на один, – усмехнулась Мила.

Мила протянула ему колоду карт: «Мешай ты».

Борис перемешал колоду. Мила взяла из его рук карты, вновь сама перемешала: «Играем».

– Тоже на желание, – Борис широко улыbnулся.

– Давай просто сыграем, без желания.

– Что струсила? – засмеялся Борис.

– Я? Ты, о чем? Просто желания трудно исполнить.

– Нет! Давай на желание, в последний раз.

– Хорошо. Но в последний раз.

Они сели играть. Грант с улыбкой смотрел на Милу.

Молодые люди закончили игру в нарды и подошли к ним, встали вокруг, девушки около Милы, Тигран, Гарик около Бориса.

– Ну, что ж держись, королева, – Борис с азартом посмотрел на нее, – на этот раз ты будешь выполнять мое желание.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, джигит. Играем. Девчонки, только попрошу вас, не стойте у меня за спиной и без вмешательства. Играю одна, – игриво посмотрела на Бориса.

Грант закончил возиться с магнитофоном, посматривал на играющих. Вновь зазвучал Высоцкий. Мила, услышав певца, оглянулась на магнитофон.

Грант поймал ее взгляд: «Раздражает? Выключить?»

Она улыбнулась ему «Нет, наоборот, он меня бодрит. Владимир Семеныч, принеси мне победу! Боря, тебе Владимир Семенович не мешает думать?»

– Какой Владимир Семеныч? – не понял Борис.

– Высоцкий. Тебе думать не мешает?

– Нет.

Мила вновь игриво посмотрела на Гранта: «Не мешает. Погромче сделайте, пожалуйста».

Грант увеличил звук, встал, подошел к столу, налил в стакан «Боржоми», выпил и подошел к играющим. Посмотрел в карты Бориса, довольный похлопал по плечу друга. Мила, увидев это, внимательно посмотрела в свои карты, потом посмотрела на Бориса, на Гранта, ее глаза сузились.

Грант, молча улыбаясь, изобразил ей руками жест – выигрыш Бориса и выразил выражением лица сожаление.

Мила сосредоточилась, румянец выступил у нее на щеках, она втянула в себя щеки, плотно сжав губы. Борис сделал ход. Мила сделала ход. Борис задумался, сделал следующий ход.

– Опа! Вот вам. Покрыла! А это вам погон! Джигит, вы проиграли! Ха, дурак с погоном! – весело крикнула она.

Все опешили.

Гарик подошел и проверил последние карты: «Все правильно. Она выиграла. Очуметь! Она опять выиграла», – захохотал Гарик.

Девушки весело закричали и захлопали в ладоши.

Борис сидел молча, не понимая, что произошло: «Как это? У меня же была хорошая карта. Гриша, ты же видел».

Грант посмотрел на лежавшие карты, проверил, удивленно улыбнулся: «Все правильно. Ты, Боря, проиграл. Выполняй желание».

Мила сияла от радости, встала, поправила свою одежду, подошла к Борису и весело взъерошила его волосы: «Не расстраивайся. Не везет в карты, повезет в любви».

– Да? Я согласен, – он вскочил. – Слушаю ваше желание, королева.

– Мое желание, – Мила задумалась. – Мое желание изобразить... петуха.

– Петуха? – раскрыл широко глаза Борис, – Люда, нет! Я не сумею! Давай что-нибудь другое.

– Никакого другого желания у меня нет. Я же говорила тебе – не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Я тебе предлагала сыграть просто так. Ты же сам наставил играть на желание.

– Я же не знал, что ты так играешь! Люда, прошу, сжался, – Борис подошел к ней.

Она, улыбаясь, погрозила ему указательным пальцем, показывая свое не согласие, отошла от него, он за ней, моля ее о пощаде, она от него, не соглашаясь и показывая отказ, он за ней. Все хохотали.

В комнату вошел Вачик с тортом: «О! У вас здесь веселье во всю. Королева, ваше желание исполнено, как просили шоколадный торт к вашим ногам, прошу», – поставил на стол коробку с тортом.

Мила быстро подошла, подняла крышку: «Торт! Спасибо. Валера, какой вы молодец! Девчонки, шоколадный. Все пьем чай!» – лизнула пальцем торт, весело обернулась ко всем.

– А что вы все так смеялись? Боря, что с тобой, ты чем-то расстроен? – все улыбались, – подожди, я угадаю. – Вачик внимательно посмотрел на всех. – Только не говори, что Людмила и у тебя выиграла. Ты проиграл тоже?

– Да, – грустно вздохнул Борис.

– Обалдеть! – все вновь засмеялись. – И какое желание тебе надо выполнить? – сочувственно спросил Бориса Вачик.

– Изобразить петуха.

– Кого? Петуха? – Вачик громко рассмеялся.

Мила сидела за столом и уже ела кусок торта: «Я жду, – улыбаясь, посмотрела на Бориса, – уговор есть уговор, это, между прочим, было твоё желание».

Девушки сели за стол. Тигран и Гарик наливали чай.

Борис подошел к Гранту: «Гриша, заступись за меня, друг», – взмолился он.

– Уговор есть уговор. Хотя может я тебя отыграю? – Грант резко повернулся на каблуках туфель, подошел в Миле. – Давай со мной сыграем?

Мила повернулась к нему, состроила игривую гримасу: «Не—а, не хочу. На сегодня хватит. Я хочу уйти сегодня королевой», – отрицательно покачала головой.

– Ну давай, один раз, – улыбнулся сдержанно Грант.

– Нет. В следующий раз с вами сыграем, Грант Вишневский. Боря, я жду театр одного актера, пять минут на подготовку, только со звуком и изображением этой замечательной и полезной птицы, – засмеялась Мила.

Борис вздохнул, подошел к окну, постоял немного. Потом повернулся ко всем, нахохлился, встал на одну ногу, захлопал руками по бокам и громко закричал: «Кукареку—кукаре—куу», – повторил несколько раз.

Все громко хохотали.

– Молодец. Очень театрально исполнил, – захлопала в ладоши Мила. – Ребята, а теперь все садитесь пить чай с вкусным тортом. Я уже напилась. Валера, торт замечательный, ты волшебник, что достал и принес его нам, получила удовольствие. Спасибо.

– Для вас, королева, старался, – улыбнулся Вачик.

– Благодарю вас, сэр.

Мила встала и подошла к окну между кроватями Бориса и Гранта. Осмотрела комнату, увидела на книжной полке, над кроватью, сборники стихов Р. Гамзатова. Сразу заинтересовалась, протянула руку, хотела взять, но не смогла достать.

– Вы что-то хотели, Люда? – услышала она тихий голос.

Мила обернулась, перед ней стоял Грант, держа руки в карманах.

– Да. Хотела посмотреть вот эти книги, можно?

Грант смотрел на нее, достал с полки и протянул ей две книги.

Она взяла их, полистала, потом тихо спросила: «Это те книги, которые вы тогда купили в магазине?»

Он внимательно посмотрел ей в глаза, также тихо ответил, слегка улыбнувшись: «Да. Вы их узнали?»

Она утвердительно кивнула головой, продолжила листать страницы книги, отошла вновь к окну. Грант присел на свою кровать, прислонился к стене, вытянул вперед ноги, занял свою любимую позу. Магнитофон замолчал.

– Эй, что грустили? – спросил весело Вачик, и затянул неожиданно грузинскую протяжную песню, мелодию подхватил Тигран, Гарик тихо стал им подпевать. В комнате зазвучала красивая грузинская песня.

– Как красиво вы поете, ребята, вы просто молодцы, так красиво исполнили, – восторженно заметила Мила.

– Люда, а теперь ты спой. А то ребята показали свое мастерство, а теперь наша очередь. Спой. – попросила Валентина.

Мила опустила длинные ресницы, подумала и запела: «Ой цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я, парня полюбила на свою беду, не могу открыться, слов я не найду...»

Ее голос звучал мелодично, набирая силу с каждым куплетом, мелизмы в голосе придавали своеобразность и особую красоту ее голосу. Она пела игриво, улыбаясь, на словах, «...

милый мой хороший, догадайся сам», – с улыбкой посмотрела на Бориса. А он, не отрываясь, смотрел на нее. Она закончила петь, окинула всех взглядом, все молчали.

– Здорово. Ты красиво поешь, – Борис смотрел на нее восторженно, – мне очень понравилось.

Все захлопали в ладоши.

– А теперь давайте под гитару, – Мила подошла к Борису и тихо напела ему мелодию, он стал подбирать аккорды, пошептались, посмеялись...

Мила смущенно, игриво, но уверенно запела низким голосом: «Как-то шел сатана, сатана скучал, он к солдатке одной постучал, говорит: – „Отдохну, слово не скажу, только рядом с тобой посижу“. – А солдатка живет много лет одна. Отдохнул у нее сатана. Через год на печи ложками стучат, может пять, может семь сатанят. Пол села сатанят скоро набралось, все равно у меня есть вопрос. Виновата ли в чем мужняя жена, в ней с рожденья живет сатана»...

Все улыбались, стали дружно подпевать. Голос Милы от их одобрения стал веселее и уверенней. Заплодировали, у всех поднялось настроение.

– Теперь твоя очередь, Боря, – попросили парни.

Борис под гитару запел: «Я встретил девушку, полумесяцем бровь. На щечке родинка, а в глазах любовь. Ах, эта девушка, меня с ума свела. Разбила сердце мне, покой взяла...»

Борис пел с чувством, подражая Рашиду Бейбутову. Пел и смотрел на Милу.

Она слушала и улыбалась, ей нравилось его пение. На проигрыше она вдруг вступила в его исполнение и игриво запела своим красивым голосом: «Ты встретил девушку, полумесяцем бровь, на щечке родинка, – она указала на свою маленькую родинку над губой, – а в глазах... – она игриво подняла кверху глаза, и пропела мелодию без слов, затем продолжила петь. – Ах, эта девушка, тебя с ума сведет и сердце разобьет она тебе. Ах, эта девушка тебя с ума сведет и сердце разобьет тебе, джигит», – пропела Мила, улыбаясь, вновь звонко пропела придуманные слова.

Всем было весело, Вачик отбивал пальцами ритм на столе. Тигран и Гарик в такт музыке пытались танцевать, дурачась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.